

ВАЛЕРИЙ ПАТРУШЕВ

ФИННО-УГРЫ РОССИИ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

ВАЛЕРИЙ ПАТРУШЕВ

ФИННО-УГРЫ РОССИИ

(II тыс. до н. э.— начало II тыс. н. э.)

ЙОШКАР-ОЛА
МАРИЙСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1992

Рецензент доктор исторических наук,
профессор *А. Н. Киричкинов*

Патрушев В. С.

П 20 Финно-угры России.— Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992.— 216 с.

ISBN 5--7590--0356--9

Книга в популярной форме знакомит читателей с этнической историей и материальной культурой финно-угорского населения России (II тыс. до н. э. — начало II тыс. н. э.). В книге нашли отражение достижения советской археологической науки, а также результаты научных исследований автора.

П $\frac{0504000000-45}{М 129-92}$ без объявл.

ISBN 5—7590—0356—9

© Патрушев Валерий Степанович, 1992

ЛР № 01.0040

ВВЕДЕНИЕ

*Веру в будущее народы найдут
в величии своего прошлого.*

Следы финно-угров земля хранит на обширной территории протяженностью более четырех тысяч километров от реки Енисей на восточной окраине Западно-Сибирской равнины до Скандинавии. О былом величии финно-угорских народов говорят лишь многочисленные археологические находки и географические названия.

Среди финно-угров России языковеды выделяют народы, говорящие на прибалтийско-финской подгруппе финно-угорской группы уральской семьи (эстонцы, карелы, вепсы, ижорцы, воль, ливы, а также древняя чудь заволочская и весь). По многим особенностям языка и по расовому типу данная подгруппа наиболее близка к финнам Финляндии. В советской археологической литературе их предки обычно называются прибалтийскими финнами.

Другая группа народов, говорящих на языках финской группы, в советской академической литературе принято называть волжскими (или поволжскими) финнами. К ним относятся ныне существующие народы мари (марийцы) и мордва. К волжским финнам относились также исчезнувшие в ходе русской колонизации территории финноязычных народов меря, мурома и мещера.

Прибалтийских и волжских финнов, начиная со времени их формирования, в советской и дореволюционной русской научной литературе относят к числу финноязычных народов наряду с финнами Финляндии. Поэтому термины «финны Поволжья», «финны Прибалтики» не означают переселившихся из Финляндии финнов, а всего-навсего подразумевают людей, говорящих на языках финской группы.

К перечисленным народам в определенной мере близки живущие в Приуралье удмурты и коми, отнесенные по языку к пермской подгруппе финно-угорской группы уральской семьи. Благодаря близкому соседству, географической среде и в какой-то мере особенностям исторического развития, данные народы имеют общие черты материальной культуры с финноязычными народами Поволжья.

Далее на восток от народов пермской группы в Западной Сибири и крайних северных районах России обитают угорские и само-

дейские народы, значительно отличающиеся как по языку, так и материальной культуре. Это ханты, манси, селькупы, иганасаны, энцы, саами.

В данной работе автор предлагает познакомиться с ранней историей и культурой финно-угров Европейской России. Однако значительный объем материала не позволяет осветить в одинаковой мере историю всех народов.

Материалы в работе представлены в хронологическом порядке по регионам. В первой главе дается краткий экскурс о современных финно-угорских народах России. Во второй главе приводится краткая характеристика культур эпохи бронзы, на базе которых формируются основные особенности финноязычного населения. Особое внимание уделено древним племенам с текстильной (псевдосетчатой) керамикой, составившим, по мнению автора, финноязычную общность и имеющим важное значение в формировании этнических признаков более поздних финноязычных народов. К их числу относится население ахмыловской культуры, характеристике которой посвящены две главы.

Учитывая важную роль в этногенезе финно-угров России племен ананьинской культуры, автор предлагает познакомиться с археологическими признаками данной культуры.

Последующие главы характеризуют археологические материалы времени формирования отдельных народностей России в I — начале II тысячелетия нашей эры.

Автор предлагает данную книгу в качестве той основы, которая дает ключ к более углубленному изучению проблем древней истории финно-угров России. К сожалению, из-за небольшого объема работы автор может представить только основную часть археологического материала и основные выводы. Из экономии объема в работе по ряду вопросов рассматриваются не все точки зрения, а научный аппарат пришлось сократить до минимума и представить в виде списка использованной литературы.

Автор приносит извинения читателям за те упущения в работе, которые не удовлетворяют их по каким-либо причинам.

Глава I

СОВРЕМЕННЫЕ ФИННО-УГРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

В НАСТОЯЩЕЕ время на Земном шаре более 26 миллионов представителей финно-угорских народов и народностей. Из них за пределами России проживают 20,3 миллиона человек (венгров — 15 миллионов, финнов — 5,3 миллиона). На территории России, по данным переписи 1989 г., проживает 18 народов, относящихся к уральской языковой семье: мордва — 1 153 987, удмурты — 746 793, марийцы — 670 868, коми (зыряне) — 193 000, коми-пермяки — 152 060, венгры — 171 000, карелы — 130 929, финны — 67 000, ханты — 22 521, вепсы — 12 501, манси — 8 474, селькупы — 3 162, саами — 1 890, нганасаны — 1 278, ижорцы — 820, энцы — 309, воль — 310, ливы — 226 человек.

Большое влияние на расселение и выработку общих черт в хозяйстве, материальной и духовной культуре, обычаях и традициях оказали природно-географические условия. Именно они обусловили складывание близкой материальной культуры с древнейших времен.

Основная территория расселения финноязычных народов приходится на обширную низменность с относительно спокойным рельефом, широкими речными долинами, озерами. Они покрывают сложной географической сетью всю территорию расселения финноязычных народов России. Здесь проходят такие крупные водные артерии, как Волга, Ока, Ветлуга, Унжа, Сура, Сухона, Северная Двина и др. На всей территории много крупных и малых озер, издревле ставших излюбленными местами обитания финноязычных племен. В Европейской части России выделяются такие крупные как Плещеево, Галичское, Белое, Онежское, Ладожское, Кубенское, Воже, Сегозеро, Выгозеро и др.

Область расселения финно-угорских народов относится к различным ландшафтно-географическим зонам. К южной части их обитания в устьевых районах Камы (у ее впадения в Волгу) примыкают области лесостепной зоны. Севернее по Волге широкой полосой проходит лесная зона, в которой преобладают широколиственные породы деревьев (дуб, липа, вяз, ясень, береза, клен). Значителен и процент хвойных лесов (ель, сосна, пихта).

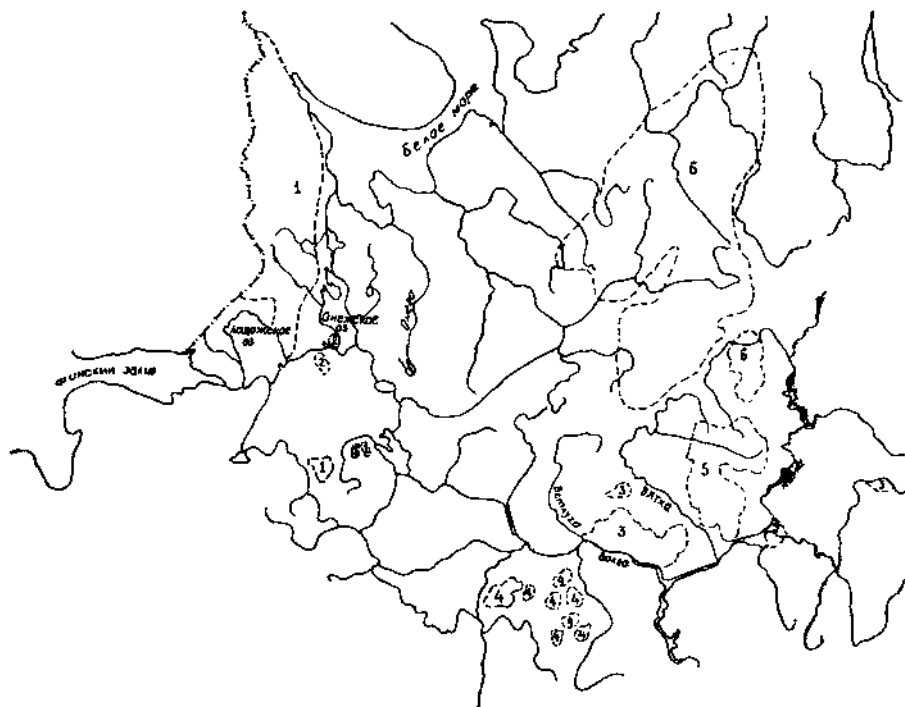

Рис. 1

Северные районы Вологодской, Архангельской областей, часть Карелии и Мурманская область, близкие по общим природным условиям к южным районам, в ландшафтно-географическом делении относятся к лесотундровой и тундровой зонам.

Самым многочисленным народом финноязычной группы в России является мордва (рис. 1, 4). По переписи 1989 г. численность мордвы составляет 1 153 987 человек (по переписи 1979 г. — 1 192 000 человек). На территории республики коренное население составляет 36%. Кроме того значительные группы мордвы проживают в Самарской, Пензенской, Оренбургской, Ульяновской, Нижегородской областях, Башкирской, Татарской, Чувашской республиках, в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Среди мордвы выделяются две этнические группы — эрзя и мокша. Эрзя преимущественно расселена в восточных районах Мордовской республики, а мокша занимает западные и южные (в бассейне реки Мокша). В более позднее время в связи с влиянием иноязычного окружения выделились другие небольшие этнографические группы мордвы. Этнонимы отдельных ее групп обычно употребляются в процессе внутриэтнического общения. При межэтнических контактах используется этноним «мордва» («мордвин», «мордов-

ка»), известный еще по упоминаниям в сочинении готского историка Иордана (VI в.).

В антропологическом отношении мордва в целом относится к европеоидной большой расе. У части мордвы-мокши имеются признаки монголоидной расы, характерные урало-лапоноидной группе населения, занимающего среднее положение между европеоидной и монголоидной рас.

В языковом отношении мокшанский и эрзянский языки восходят к общемордовскому языку-основе. В целом они близки между собой по лексическому составу, фонетике и грамматике. Выделяются также много диалектов мордовского языка. В целом для всех их характерно отсутствие грамматической категории рода, употребление послеложных конструкций вместо предлогов, наличие большого числа падежных форм, отсутствие префиксов в системе словоизменения и словообразования и др. Формирование мордвы тесно связано с финноязычными племенами Поволжья.

Финноязычный народ марийцы (рис. 1, 3) длительное время был известен под названием черемисы. Первые упоминания о них имеются у готского историка Иордана (VI в.) и русских летописях XII в. В настоящее время официально утвердилось название народа — мари. По данным переписи 1989 г., численность марийцев составляет 670 868 человек (по переписи 1979 г. — 622 000 человек). Из них в Марийской республике проживают 55%. Остальные небольшими группами обитают в Башкирской, Татарской, Удмуртской республиках, Нижегородской, Кировской, Екатеринбургской, Пермской и Оренбургской областях России.

Марийцы делятся на три этнографические группы: луговых, горных и восточных. Луговые занимают левобережье Волги (в пределах Марийской республики). Горные живут в пределах северного края Приволжской низменности, на правобережье Волги. Восточные марийцы расселены несколькими группами на значительной территории от низовьев Вятки до отрогов Среднего Урала.

В антропологическом отношении марийцы относятся к субуральскому типу уральской расы, являющейся результатом смешения европеоидных и монголоидных расовых групп населения с большей долей европеоидного компонента. По антропологическим признакам луговые и горные марийцы почти не отличаются. Однотипно для марийцев характерен северный грациальный тип, черты которого наблюдаются у большинства финно-угорских народов.

В языковом отношении марийский язык принадлежит к волжской группе финно-угорских языков. В грамматическом отношении он наиболее близок к мордовским и пермским языкам, занимая между ними промежуточное положение.

Выделяются четыре наречия марийского языка: луговое, горное, восточное и северо-западное. Каждое из них имеет от двух до семи говоров. Тем не менее сильных расхождений в наречиях нет. В целом грамматический строй марийского языка агглютинативный. Приставок нет. Имена существительные изменяются по числам, падежам и притяжательности. Категория рода отсутствует.

Глаголы имеют три основные и пять описательных форм времени. Вместо предлогов употребляются послелоги. В марийском языке 8 гласных (в диалектах до 10) и 22 согласные фонемы.

Карелы (рис. 1, 1) — коренное население Карелии, обитающее также в северо-западных областях России (рис. 1, 3). По переписи 1989 г. их насчитывается 130 929 человек, из них в Карельской республике проживает 81,3 тыс.

Названий у карел несколько. Основным следует считать карьялайзет. Собственно карелы называют себя карьялани, приладожские — ливгилайне, ливвией, прионежские — лююдилайне, лююди-кей.

В антропологическом отношении они относятся к беломоробалтийской расе большой европеоидной расы. У некоторых групп карел антропологи отмечают слабую монголоидную примесь.

Карельский язык относится к прибалтийско-финской подгруппе финно-угорской группы уральской семьи. В карельском языке выделяются три основных диалекта: собственно карельский (преимущественно характерен для средней и северной части Карелии), ливвиковский (в основном в Приладожье) и людиковский (в Прионежье). В скандинавских сагах карелы упоминаются под названием кирьяла. В 1143 г. карелы упоминаются в русских летописях.

В этногенезе карел в значительной мере принимали участие средневековые финноязычные племена веси.

Вепсы (рис. 1, 2), известные до XX в. под названием чудь, проживают в южных районах Карелии (в основном на юго-западном побережье Онежского озера), в восточных районах Ленинградской и западных районах Вологодской области. По переписи 1989 г. их насчитывается 12 501 человек.

Самоназвание вепсов — бепся. Соседние народы их также называют вепсь, вепся, людинкад.

Вепсы относятся к беломоробалтийской расе большой европеоидной расы. Вепский язык языковеды относят к прибалтийско-финской подгруппе финно-угорской группы уральской семьи. Основные диалекты — северный, или прионежский, шелтозерский (на юго-западном побережье Онежского озера), средний (в северо-восточной части Ленинградской области, Бабаевском районе Вологодской области) и южный (Ефимовский и Бокситогорский районы Ленинградской области).

В формировании вепсов основную роль играли средневековые финно-язычные племена веси.

Финно-угорские народы Европейской России пермской языковой подгруппы занимают районы Приуралья.

Коми (рис. 1, 6), по переписи 1989 г. насчитывалось более 345 000 человек, из них 281 000 проживают в республике Коми. Среди них выделяются две этнические группы. Большую составляют коми-зыряне (193 тыс. человек). Названий несколько: комиморт (коми-человек), коми-йоз (коми-люди), коми-войтыр (коми-народ). Кроме республики Коми они проживают в Архангельской, Мурманской, Тюменской, Омской областях, Ненецком, Ямало-Не-

нецком и Ханты-Мансийском автономных округах, Алтайском крае. Коми-зыряне родственны коми-пермякам и удмуртам. Основные субэтнические группы: ижемцы, удорцы, печорцы, вымичи, вычегодцы, сысольцы, лузцы. В антропологическом отношении коми-зыряне относятся к ильменскому и беломорскому типам беломорско-балтийской расы большой европейской расы. Западные и восточные коми в целом относятся к восточно-балтийскому расовому типу.

Коми-зырянский язык относится к пермской подгруппе финно-угорской группы уральской семьи. В языке много диалектов. Литературный язык сложился на основе присыктывкарского диалекта.

Коми-пермяки (152 тыс. человек) обитают в Коми-Пермяцком автономном округе Пермской области, в Кировской, Новосибирской областях, Алтайском крае, Казахстане. Среди них выделяются несколько субэтнических групп (изьвинцы, зюздинцы, иньвенские, кочевские, чайские). Родственны коми-зырянам и удмуртам. Они относятся к беломоро-балтийской расе большой европейской расы с примесью уральского компонента.

Коми-пермяцкий язык пермской подгруппы финно-угорской группы уральской семьи. Выделяются южные и северные наречия со многими диалектами.

Удмуртов (рис. 1, 5) по переписи 1989 г. насчитывается 747 тысяч человек. Из них в Удмуртской республике проживают 479,4 тысячи человек. Остальные живут в Башкирской, Татарской, Марийской республиках, Кировской, Пермской, Екатеринбургской областях.

Название удмуртов — удмурт, или удморт. До 20-х годов XX века вотяки.

Среди удмуртов выделяются две этнографические группы — северные и южные.

В антропологическом отношении удмурты относятся к субуральскому варианту уральской переходной расы. Язык удмуртов относится к пермской подгруппе финно-угорской группы уральской семьи. В языке удмуртов выделены четыре наречия — северное, южное, периферийно-южное и бесермянское.

В настоящее время финно-угорские народы занимают небольшие островки среди русскоязычного населения (рис. 1). В ходе русской колонизации территории финно-угров исчезли многие народы. В силу особой демографической политики сначала русского царизма, затем социалистического государства, а также непродуманной экономической политики уничтожены национальные особенности народов. Многие из них лишены компактного расселения в своей этнической среде, рассеялись по разным регионам России.

В настоящее время быстрыми темпами идет процесс ассимиляции финно-угров в основном русскоязычным населением. В основных районах их расселения в значительной мере утеряны традиционные формы ведения хозяйства, этнографические особенности, истоки духовной культуры. Главный удар по традиционной культуре народов был нанесен политикой советского государства.

Рис. 2

стремлением создать в СССР единую социалистическую культуру. Формирование «национальной по форме и социалистической по содержанию» культуры не только разорвало связь между формой и содержанием, но и уничтожило связь времен, традиций в культуре каждого народа и традиционные связи между ними.

Страшным ударом для возрождающихся национальных культур были сталинские репрессии. Поверившие в самоопределение и свободное развитие представители национальной интеллигенции были физически уничтожены. У одурманенных социалистическими лозунгами народов вновь были ликвидированы попытки возрождения своей культуры. Строгая цензура тоталитарного режима вплоть до последних лет давала ход только тем ручейкам развития, которые лили воду на мельницу официальной политики государственного аппарата. Ярким примером войны против собственного народа стали раскопки мест погребений жертв сталинских репрессий в окрестностях Йошкар-Олы, столицы Марийской республики. Только в одну яму были сброшены в три слоя 164 расстрелянных в упор в затылок ни в чем не повинных человека (рис. 2). По сохранившимся документам установлена дата этой зверской расправы — 4—5 августа 1937 г. По результатам аэрофотосъемки только в окрестностях Йошкар-Олы таких ям около 200. Остается только предполагать о судьбах десятков тысяч представителей марийского народа из этих ям, чья жизнь оборвалась по вине душителей народов. Среди расстрелянных был и цвет марийской интеллигенции — поэты, писатели, композиторы, музыканты, артисты, народные умельцы.

Долгие века длилось сокращение численности финно-угорских народов на территории России. Этот процесс продолжается и в наши дни. Поэтому важно осознать роль финно-угров в общей сокровищнице культуры народов России, узнать исторические корни и истоки многих сторон материальной и духовной культуры, показать представителям финно-угорских народов их великий путь и великие достижения, которые дают право гордиться историей своего народа, дают веру в будущее.

Автор предлагает совершить экскурсию в древние периоды истории финно-угров Европейской России.

Глава 2

ФИННО-УГРЫ РОССИИ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА

СЛЕДЫ финноязычных племен, расселившихся в эпоху раннего металла от Поволжья до Фенноскандии, и населения предков пермской языковой подгруппы финно-угорской группы в Приуралье прослеживаются с эпохи раннего металла. Их этническую и языковую принадлежность подтверждают антропологи и языковеды.

В эпоху раннего металла значительно усложняется этнокультурный состав населения лесного Поволжья и Приуралья (рис. 3). На территории Поволжья встречены памятники волосовской культуры, племена которой расселялись от устья Камы почти до Прибалтики и от Вологды до Пензы. Районы их обитания оказались объектом проникновения различных пришлых групп племен — фатьяновцев, балановцев и абашевцев, а также прошедших в северо-западном направлении племен турбинской культуры или населения с предметами сейминско-турбинского облика. Проникновение иноязычных и чуждых в этническом отношении племен породило целый ряд новых черт в культуре местного населения, вплоть до формирования новых археологических культур типа чирковской на значительной территории лесного Поволжья. В бассейнах Камы и Вятки известны новоильинская, гариноборская, юртиковская культуры.

В эпоху поздней бронзы в лесном Поволжье и Приуралье выделены приказанская и поздняяковская культуры.

Население всех перечисленных культур в большей или меньшей степени принимало участие в формировании этнических основ финно-угров России и оставило глубокий след в материальной культуре племен начала эпохи раннего железа.

В лесном Поволжье эпоху раннего металла открывает волосовская культура или историко-культурная общность волжских финноязычных племен III—II тыс. до н. э. (рис. 3, 1).

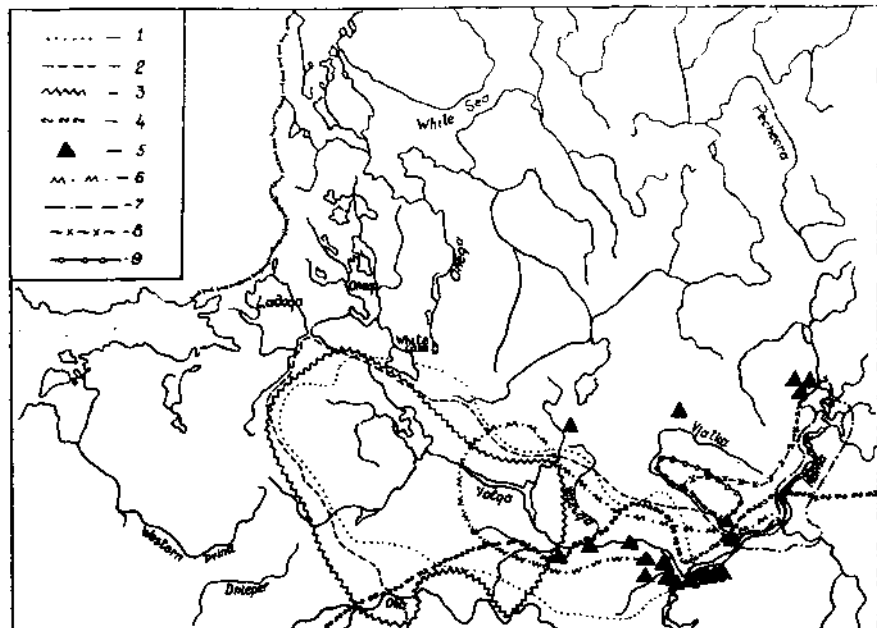

Рис. 3

Волосовская культура выделена еще русским археологом В. А. Городцовым (1914) на основе изученных Волосовской и Паифиловской стоянок в Нижегородском Поволжье. Последующие обширные исследования выявили несколько сот памятников. Происхождение этой культуры связывали с волго-камскими племенами (Бадер, Халиков). В последнее время утвердилось мнение о ее развитии на основе смешения, верхневолжской культуры и культуры ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита (Крайнов). Однако участие волго-камских неолитических племен в формировании волосовского населения Среднего Поволжья не отрицается и другими исследователями. На значительной части территории распространения волосовской культуры важнейшим ее компонентом стали племена ямочно-гребенчатой культуры (Городцов, Брюсов, Цветкова, Крайнов). Гибридные культуры, близкие к волосовской, сформировались и в Прибалтике (комплексы типа «ниестиния»). Волосовская культура рядом исследователей (Бадер, Третьяков, Халиков и др.) признана основой всех поздних финноязычных групп населения.

На поселениях открыты преимущественно прямоугольные полуземлянки, углубленные в землю на 0,4—1 м, или реже наземные, обычно соединенные переходами друг с другом, площадью от 20 до 180 кв. м (рис. 4). На стоянках Сахтыш I, II, VIII в Ивановской области, Ахмыловской, Уржумкинской и ряде других в Марийской ССР жилища составляют целые поселки, где их насчитывается

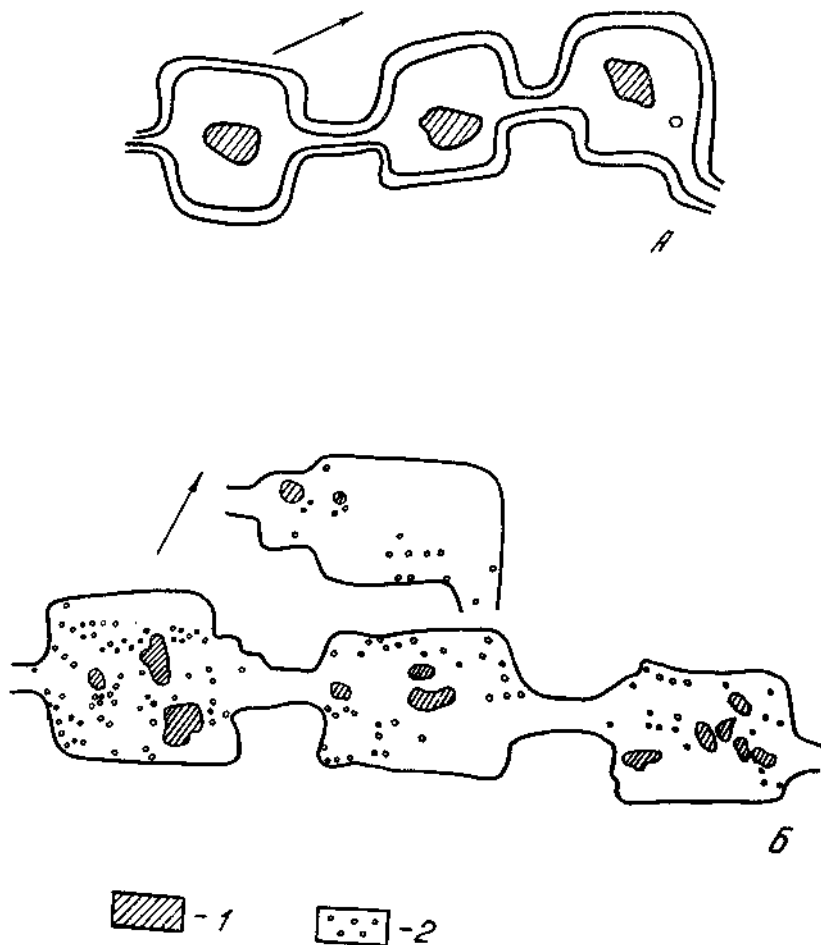

Рис. 4

от 5 до 17. В планировке отмечены следующие детали: столбовая конструкция, при которой горизонтальные бревна укреплялись столбами, предполагается двускатная крыша, остатки столбов, расположенных по центру и вдоль стен жилища, следы нар, вырытые в земляном полу в центре жилища и у входа, очаги размерами до $1,5 \times 1,7$ м, хозяйственные ямы с кухонными остатками, керамикой, различными предметами.

Вещевые комплексы памятников представлены керамикой, орудиями труда, предметами искусства и т. д. (рис. 5).

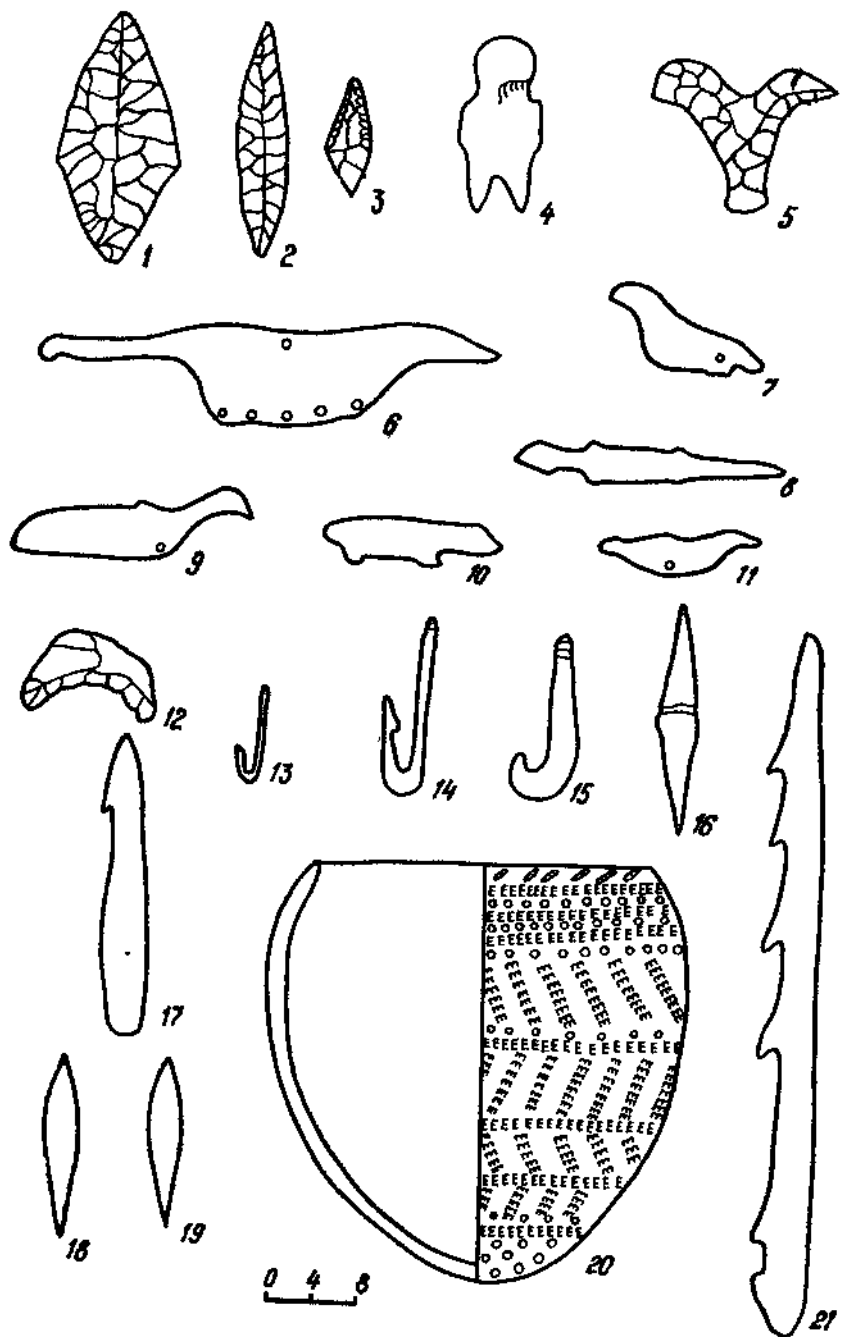

Рис. 5

Керамика с примесью толченых раковин или органических остатков, полуяйцевидной и котловидной форм с округлым дном, прямыми стенками, суживающимися ко дну, утолщенным венчиком, а в позднее время — с Г-образным и Т-образным. Внешняя поверхность сосудов обычно заглажена, внутренняя содержит следы штриховки зубчатым штампом. Орнамент нанесен костяными, деревянными, каменными штампами. Обычные элементы орнамента: зубчатый, ямчатый, шнуровой, рамчатый, линейный. Наиболее популярные зубчатые штампы бывают короткие, длинные, узкие, широкие, нанесенные наклонно, вертикально, горизонтально, реже беспорядочно. Узоры разнообразны — сетка, горизонтальная елочка, «шагающая гребенка», ромбы, треугольники, зигзаги, наклонные отпечатки и др. Нередко зубчатые оттиски встречаются с другими элементами орнамента — ямками, оттисками шнура, линейными или рамчатыми оттисками штампа. Последние более свойственны для памятников Верхней Волги и Оки. Шнуровой орнамент чаще встречается на ранних памятниках, меньше — на поздних. Характерен кружковый орнамент, нанесенный полдой трубчатой костью, а на стоянке Стрелка I в Нижегородской области встречен орнамент в виде колоса пшеницы или ячменя.

Среди многочисленных каменных орудий характерны листовидные черешковые, треугольные с черешком, ромбические наконечники стрел, дротиков, скребки на отщепях и сколах, сверла и проколки, шлифованные топоры, желобчатые долота, молоты, куранты-терочники, полированные плиты и т. д., а также изделия из кости. Интерес представляют антропоморфные и зооморфные изображения.

Основными занятиями населения были охота, рыболовство, собирательство.

Волосовские погребения почти во всех исследованных случаях совершены около жилищ или в жилищах, иногда над очажными ямами. Характерно положение костяков (вытянуто на спине, реже на животе или скорченно на боку), очевидно, под влиянием обряда фатьяновцев. Ориентация костяков различна. Встречены одиночные и коллективные захоронения. Определенную роль в обряде играли охра, огонь. Погребальный инвентарь включает украшения и отдельные орудия. Ни разу не встречена керамика.

Антропологический тип волосовцев европеоидный или европеоидный с монголоидными или лапоноидными признаками (Герасимов).

Широкое расселение волосовцев предполагает наличие локальных вариантов. П. Н. Третьяков (1966) собственно волосовскими считал только Волго-Окские памятники. В связи с этим интерес представляет работа А. Х. Халикова (1986), в которой исследователь ограничивает территорию волосовской культуры районами южнее от стоянки Модлона, а все северные памятники считает гаринско-борскими, близкими выделенным С. Ф. Мейнандером (1954) в восточной и средней Финляндии.

Волосовские племена испытали сильное влияние культуры приши-

лых скотоводческих племен - фатьяновцев и балановцев, относящихся к числу культур боевых топоров и шаровидных амфор, предкам славян, балтов, германцев, обитавших на обширной территории от Рейна до Волго-Камья.

Фатьяновская культура названа по могильнику у д. Фатьяново Даниловского района Ярославской области. Основными памятниками фатьяновцев были грунтовые могильники, расположенные на обширной территории от Владимирского, Ивановского и Костромского Поволжья до Новгородской области (рис. 3, 2). Их насчитывается более 200.

Данную культуру датируют временем поздних волосовцев и распространения ранней текстильной керамики (I пол. II тыс. до н. э.). Д. А. Крайнов (1987) предполагает или одновременное существование на одной территории фатьяновцев и поздних волосовцев, или вытеснение волосовцев фатьяновцами и частичное их смешение.

Погребальные памятники фатьяновцев располагаются обычно на высоких холмах. Могилы грунтовые, на различной глубине и разных размеров, где костяки располагались в большинстве случаев скорченно на правом боку головой на запад, юго-запад и северо-запад (в основном мужчины) или на левом боку головой на восток, юго-восток, северо-восток (преимущественно женщины). В могилах обнаружены остатки погребальных сооружений прямоугольной формы с выступающими углами из легкого разнообразного материала (деревянных плах, досок, луба, бересты, плетенки и др.).

Наиболее характерными предметами фатьяновской культуры являются каменные топоры различных типов — сверленные длиннобушковые, ромбические усеченные, длиннолопастные и коротколопастные топоры-молотки, а также клиновидные топоры (рис. 6). Из других каменных изделий встречены кремневые ножи, песты, терочники, наконечники стрел и дротиков, скребки, скобели, проколки, реже округлые булавы, метательные шары и т. д. Есть также костяные кинжалы, проколки, иглы, лоцила, кочедыки, украшения и др.

Из металлических изделий отметим боевые медные вислообушные топоры (правда, встреченные лишь в могилах вождей), втульчатые копья и украшения: браслеты, перстни, колечки, привески в полтора оборота, очкообразные привески, трубчатые пронизки, спиральки и др.

Фатьяновские погребения сопровождаются своеобразной лепной круглодонной бомбовидной и шаровидной посудой с тонкими стенками и небольшими примесями песка, дресвы, шамота и пр., лощеной внешней поверхностью, украшенной нарезными, шнуровидными, штампованными узорами. Наиболее характерны елочные узоры, решетка, зигзаги, ромбы, треугольники, косые насечки, широкие заштрихованные зигзаги, солярные изображения и др. Исследователи отмечают наиболее характерные формы и узоры для локальных вариантов фатьяновской культуры: 1) среди московско-

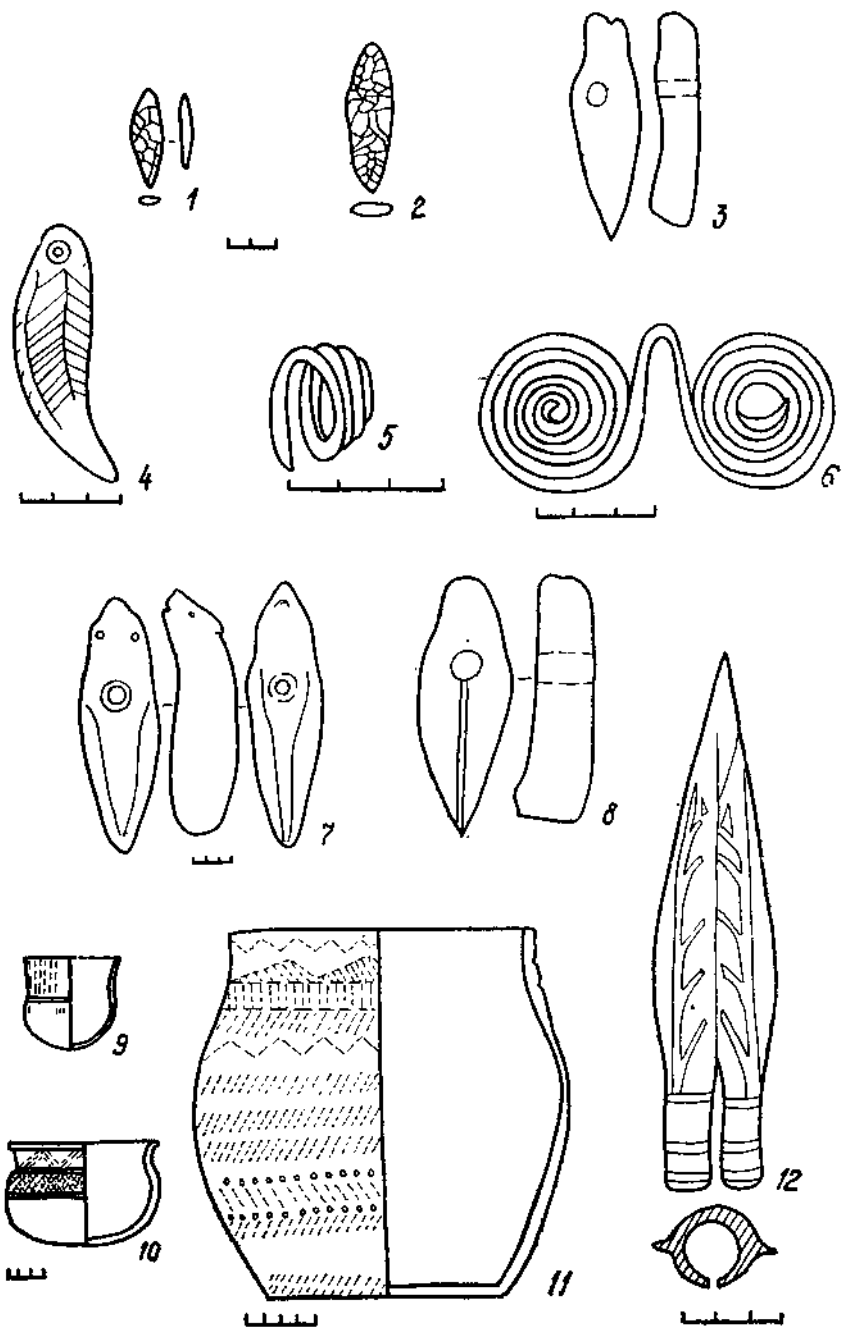

Рис. 6

клязьминской посуды в основном встречаются удлиненные бомбовидные сосуды с эсвидным профилем, украшенные одной зоной шнуровых узоров; 2) на Верхней Волге обычно шаровидные сосуды с высоким, слегка раструбным горлом, орнаментированные двумя зонами ромбических штампованных узоров; 3) на Средней Волге — сосуды с прямыми высокими шейками, узорами из широких заштрихованных зигзагов, расположенных тремя зонами. Однако в небольших процентах все указанные особенности встречены на всей территории расселения фатьяновцев. А второй тип посуды О. Н. Бадер и А. Х. Халиков считают характерным для балановского населения.

Выделенные Д. А. Крайновым в особый локальный вариант средневолжские памятники фатьяновской культуры по ряду особенностей О. Н. Бадером и А. Х. Халиковым отнесены к балановской культуре.

В истории развития балановской культуры исследователи выделяют четыре периода: балановский (I пол. II тыс. до н. э.), атликасинский (XV—XIV вв. до н. э.), ошпандинский (XIII—XII вв. до н. э.), хуласюцкий (XI—IX вв. до н. э.). На ранних поселениях (Галанкина Гора, Буй I и II на Вятке) наряду с балановскими элементами культуры в одинаковой мере встречаются волосовские черты, в частности, соединенные друг с другом жилища. Со второго этапа на балановских поселениях появляются изолированные жилища в виде бревенчатого сруба размерами 4×4—6×8 м с односкатной или двускатной крышей. Такие жилища, например, изучены на Кубашевском и Васильсурском поселениях.

Могильники балановцев или грунтовые, или курганные. Одночные, реже парные и коллективные, захоронения совершены в ямах на глубине 1,5—2 м, где костяки лежат скорченно на правом (мужчины) или левом (женщины) боку. В могилах встречены погребальные сооружения в виде корзины или дощатого ящика, а также подстилка из бересты.

Среди многочисленных керамических комплексов выделяются характерные формы: 1) шаровидные или реповидные сосуды с узким низким горлом; 2) бомбовидные сосуды с высокой шейкой; 3) чашевидные небольших размеров. Ранняя керамика — с примесью в глине песка, позже с шамотом. Поверхности сосудов хорошо заглажены. В верхней половине нанесен геометрический орнамент из нарезных линий, оттисков мелкого, а позже среднезубчатого зубчатого штампа, прочерченными линиями (на третьем и четвертом этапах), каннелюрами и выпуклинами-«жемчужинами» (на четвертом этапе). Узоры — в виде заштрихованных ромбов, треугольников, зигзагов и т. д. Некоторые элементы балановцы переняли у поздних огузов (например, выпуклины-«жемчужины»).

Весьма многочисленны на балановских памятниках сверленные (около 800) или клиновидные без проуха (около 100) топоры. У балановцев имелся свой металлургический очаг. Из цветного металла изготовлены топоры, наконечники копий, мелкие украшения (рис 6).

Антропологический тип балановцев отличается от фатьяновцев и относится к восточно-средиземноморскому типу — европеоидному узколицему.

В середине II тыс. до н. э. балановцев со Свяги вытеснили абашевские племена, а на третьем этапе они продвинулись на запад. На четвертом этапе (XI—IX вв. до н. э.) территория балановцев резко сокращается под натиском поздняковцев с запада, приказанцев с востока и чирковских племен с севера и ограничивается нижним течением Суры. На позднеприказанских поселениях у Нижнего Услона на Волге, на поздняковской стоянке в устье Оки на западной окраине Нижнего Новгорода обнаружена балановская керамика, а на Чуркинском могильнике (здесь же) вскрыто погребение (трупосожжение) с хуласюцким сосудом.

Балановское население Среднего Поволжья, смешавшееся с финноязычными местными племенами, дало основу новой культуре, выделенной А. Х. Халиковым (1960, 1969, 1987), — чирковско-сейминской или чирковской, памятники которой распространены от Верхней Волги до Белой.

В развитии чирковской культуры выделяются четыре этапа: 1 — галанкиногорский (XVI—XV вв. до н. э.), 2 — сейминско-кубашевский (XV—XIV вв. до н. э.), 3 — юринский (XIII—XII вв. до н. э.), 4 — чирковский (XI—VIII вв. до н. э.).

На ранних этапах на поселениях выделяются отдельные воловские и балановские керамические комплексы, но уже зарождаются гибридные формы с элементами первой и второй групп керамики. Встречены также абашевские сосуды, но с чирковскими традициями (выступающие пропорции, орнамент из крупнозубчатого штампа и круглых насечек). На памятниках четвертого этапа оформляется собственно чирковская керамика круглодонной формы с цилиндрическим или раструбом горлом с примесью к глине раковин, украшенная в верхней половине геометрическим орнаментом (рис. 6, 11).

Во второй и третьей четверти II тыс. до н. э. на ряде памятников встречена валиковая керамика, украшенная «шагающей гребенкой», восточного кротовского типа. На юринском этапе чирковское население на западе расселяется до бассейна р. Костромы (поселения Станок, Борань, Федоровское, Сахтыш II), а на востоке до устья Белой на Каме (Зуево-Ключевский).

В середине II тыс. до н. э. в Среднем Поволжье из Подонья появляются абашевские племена (рис. 3, 4). Они составили здесь противоборствующую фатьяновско-балановскому населению силу, оказав значительное влияние на местные финно-угорские племена.

Курганные могильники абашевской культуры — с уплощенными насыпями и кольцами вокруг одного или группы курганов, реже столбами вокруг могил. Практиковалось сожжение наземных конструкций на месте погребения, помещение остатков ритуального костра, частей или шкур животных с головой, ногами в могилу. Отмечены внемогильные деревянные конструкции. Костяк распола-

гался обычно на спине с приподнятыми ногами, головой на юго-восток. Известны расчлененные, частичные (повторные) захоронения и кенотафы. Курганы встречены как по одному (Шукшиерский курган у д. Шукшиер Сернурского района Марийской ССР с парным захоронением мужчины и женщины, Пепкинский курган в Горномарийском районе у г. Козьмодемьянска с коллективным погребением мужчин и др.), так и небольшими группами (Катергино, Новомордовские и др.) или реже с числом курганов более 100 (Кухмарский могильник в Ярославской области).

Керамика абашевцев — с примесью раковин в глиняном тесте, сосуды в форме перевернутого колокола, а на волжских памятниках наиболее характерны маленькие острореберные сосуды с ребром у основания (тюльпановидная форма), банки с массивным верхом и чаши. Часты узоры из прочерченных линий, зигзаг из отрисованных зубчатого штампа. На Средней и Верхней Волге характерен также орнамент из округлых вдавлений, удлиненных треугольников, горизонтальных ромбов с перекрещивающейся штриховкой (рис. 7).

У абашевцев исследователи отмечают развитую металлургию. На волжских памятниках наиболее характерны округлые браслеты с несомкнутыми приостренными концами, полукруглые полые бляшки и очковидные подвески, богато украшенный мелкими пронизками и бляшками головной убор.

Позднеабашевские памятники синхронны с памятниками начального периода сейминского хронологического этапа, а впоследствии абашевское население растворилось в среде лесных племен населения приказанской, поздняяковской, чирковской культур (Пряхин, Халиков), а также оставило определенный след в культуре населения ахмыловского облика эпохи раннего железа (Патрушев. 1984).

Тесные связи с абашевским населением, как и рядом других племен лесостепного и лесного Поволжья, имели племена сейминско-турбинского круга (Черных, Кузьминых). У обеих групп населения встречаются формы наконечников копий с разомкнутой втулкой, ножи с перекрестьем, втульчатые топоры, плоские тесла-долота, различные кольца и браслеты; выходцы из абашевской среды в составе сейминско-турбинских групп населения составляли примерно пятую или четвертую часть, о чем говорят не только параллели в металлических изделиях, но и находки абашевской посуды средневожского облика из могильника Решное на Оке. Вместе с тем, исследователи отмечают господство населения сейминско-турбинского облика, т. к. только в их могилах содержатся господствующие формы оружия — наконечники копий с вильчатой втулкой и богато орнаментированные втульчатые кельты.

Сейминско-турбинский набор металлических предметов распространен в XVI—XV вв. до н. э. от Монголии и Алтая до Урала и от Урала до Финляндии и Молдавии. Однако в европейской зоне оформляется определенный набор изделий: неорнаментированные или украшенные только поясками кельты, кованые копья с разом-

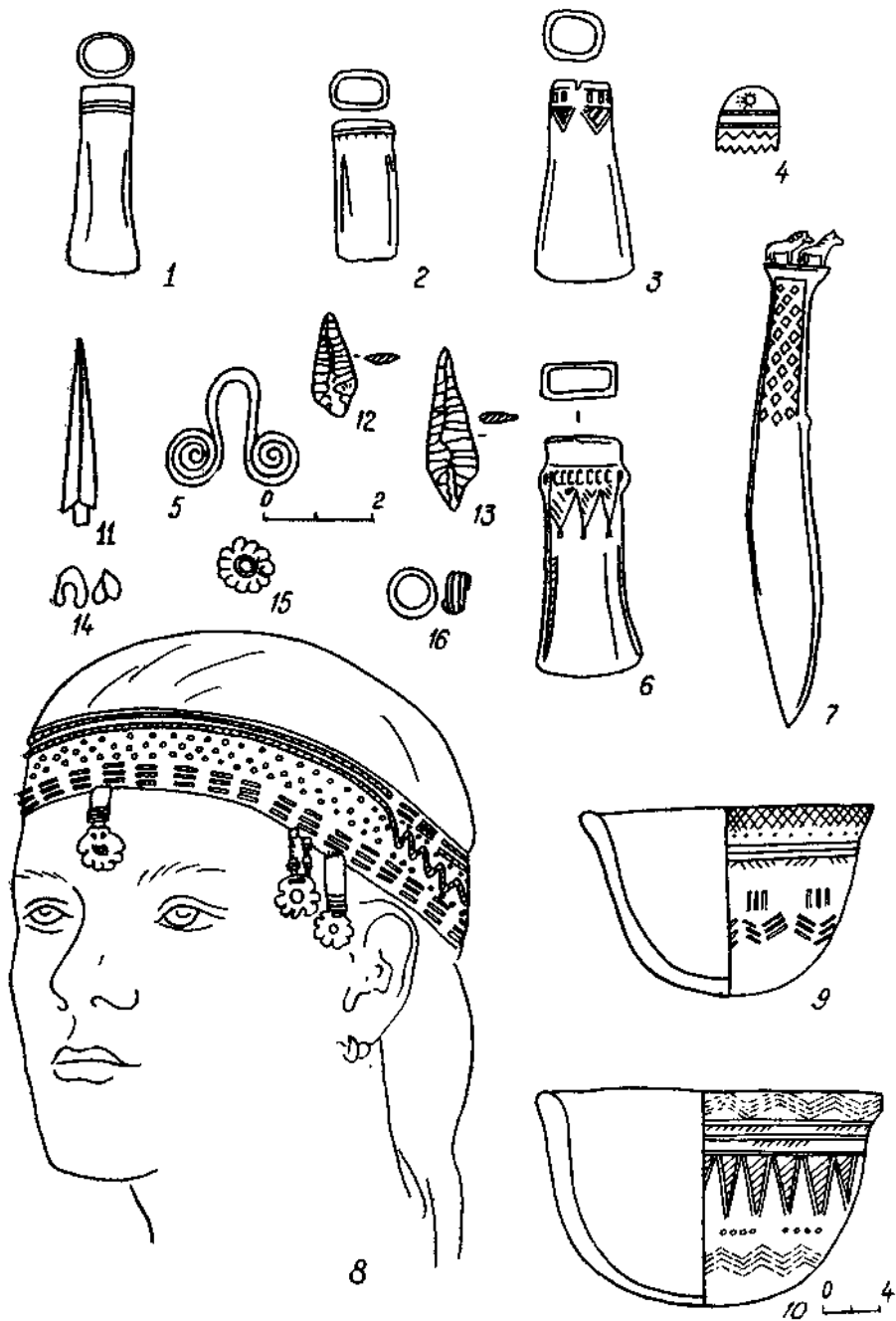

Рис. 7

кнутой втулкой, литые наконечники с ромбическим стержнем пера, большое число пластинчатых ножей и др. (рис. 7). В бассейне Оки изучены крупные могильники Сейма и Решное.

Сейминско-турбинские формы вещей, как и их металлургическое и металлообрабатывающее производство в целом, оказали огромное воздействие на многие древние племена, в том числе Среднего и Верхнего Поволжья.

Эпоха раннего металла Прикамья и бассейна Вятки, расположенных в восточной части Восточно-Европейской равнины, представлена тремя археологическими культурами (рис. 3, 7—9), синхронными волосовской культуре. Это новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры (Наговицын).

Первая из них характеризуется сосудами с широко открытым горлом (Средняя Кама), закрытой формы (Нижняя Кама) или прямыми стенками (Вятка). Днища сосудов обычно округло-конические, на Нижней Каме есть и плоские. В орнаментации преобладают гребенчатые оттиски, имеются узоры в виде флажков, шагающей гребенки.

Каменный инвентарь представлен листовидными, реже ромбическими и треугольными, наконечниками стрел и копий, трапециевидными и прямоугольными скребками, сланцевыми или кремневыми рубящими орудиями.

Формирование новоильинской культуры происходило на базе неолитической волго-камской культуры, очевидно, при участии племен культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Памятники гаринско-борской культуры располагаются в Среднем и Нижнем Прикамье. Близкие памятники известны на северо-востоке России (Ошибкина). Впервые данная культура выделена О. Н. Бадером (1961).

На поселениях Бор I, Астраханцевское, Выстелишна и др. открыты подквадратные жилища, часто соединенные углубленными в землю переходами.

В развитии данной культуры исследователи выделяют ранний гаринский и поздний борский этапы.

Гаринская посуда с примесью органических остатков, иногда талька, в основном с прямыми стенками с утолщенными венчиками, округло-коническими или плоскими днищами. Ее размеры довольно крупные (диаметр по венчику 25—45 см). Поверхности сосудов часто обработаны гребенчатым штампом. Орнамент в виде горизонтальных поясков из оттисков гребенчатого штампа и ямок. Нередки узоры по венчику или изнутри его.

В каменном инвентаре преобладают орудия, изготовленные на отщеплах. Наконечники стрел по форме разнообразны — листовидные, ромбические, с усеченным основанием и др. Довольно много рубящих орудий из сланца, кремня — короткие шлифованные тесла, желобчатые долота, топоры симметричной формы.

Керамика борских памятников близка гаринской посуде. Основными отличиями сосудов борского типа являются преобладание экземпляров с широко открытым горлом, отсутствие узора в виде

«шагающей гребенки», довольно много узоров в виде «флажков».

При близком облике каменного инвентаря также можно отметить некоторые отличия борских орудий. Больше ножей из крупных пластин, есть скребки округлых форм и др. Отличия посуды и инвентаря борских памятников исследователи объясняют их разновременностью и различной основой. Хотя базой для обеих групп памятников служила новоильинская культура, однако гаринские элементы складывались в большей мере под влиянием волго-камских черт культуры, а борские сохраняют некоторые признаки ямочно-гребенчатой культуры, воспринятых новоильинским населением.

Юртиковская культура охватывает бассейн средней и частично нижней Вятки. На поселениях открыты жилища четырехугольной формы размерами 7×7,5—8,5×10 м, углубленные в землю на 0,4—0,8 м, с нарами вдоль стен и 1—2 выходами, иногда с пристройкой к домам (Юртик, Аркуль III, Чернушка I).

Керамика с органической примесью, сосуды с округлыми или округло-коническими днищами, утолщенными венчиками, диаметром горла обычно 20—36 см. Орнамент из оттисков гребенчатого штампа, реже ямок, ногтевых вдавлений и гладких линий располагается горизонтальными поясами, нередко между свободными зонами.

Кремневый инвентарь мало отличается от изделий новоильинской культуры, поскольку на базе последней формируется юртиковская культура.

Далее на северо-восток от Прикамья располагаются малоизученные в археологическом отношении районы. Материалы стоянок на реках Печоре и Ижме (Галово II, Кальчиур II и др.) считаются самостоятельными культурными комплексами местного населения. Для них характерна круглодонная посуда с прямыми стенками, с примесью дресвы, украшенная узорами из оттисков гребенчатого штампа. Другая группа памятников (Конецбор II и др.) близка к гаринско-борской культуре, но имеет ряд особенностей. Так, в отличие от прикамских здесь преобладают небольшие сосуды, имеются плоскодонные конические чаши. До 40 % посуды с примесью органических остатков. А также несколько отличается орнаментация посуды. Необычные для гаринско-борской посуды признаки можно видеть в керамике местных культур.

Северные районы Европейской России в археологическом отношении изучены более слабо. Эпоха раннего металла здесь начинается на рубеже III—II тыс. до н. э. В Карелии открыт очаг древней металлообработки. В целом северные районы России сохраняют неолитические традиции. Лишь в Восточном Прионежье и Вологодской области С. В. Ошибкина отмечает появление элементов культуры сейминского облика: светлую пористую керамику с примесью органических остатков и толченой раковины, круглодонной формы с невысоким прямым горлом и резким переходом в тулово, орнаментированную поясами оттисков тонкой гребенки;

кремневые наконечники стрел с коротким черешком и прямым основанием. В районе озера Белое обнаружены два бронзовых наконечника копья сейминского типа.

Таким образом, в эпоху раннего металла можно говорить уже об истоках древних финноязычных групп населения на территории Поволжья, Севера и пермских групп в бассейнах рек Кама, Вятка и Печора.

Глава 3

ФИННО-УГРЫ РОССИИ В ЭПОХУ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ

В КОНЦЕ эпохи бронзы в районах расселения финно-угров установилась определенная этническая стабилизация. Многочисленные иноязычные группы населения были ассимилированы финно-уграми.

В эпоху финальной бронзы финно-угорский мир вступает в важнейший этап своей истории. К этому времени относится начало формирования финноязычной и пермской общностей и этнических основ более поздних финно-угорских народов.

Родственные отношения и широкие контакты племен эпохи раннего металла послужили основой для консолидации значительных групп финно-угорского населения.

В эпоху финальной бронзы лесные районы России были заселены родственными племенами поздняковской и приказанской культур. Памятники первой из них исследовались еще в конце XIX — начале XX вв., а в особую культуру выделены в 1927 году. Впоследствии систематическими раскопками изучено более ста памятников (Бадер, Попова, Халиков).

Поздняковские племена занимали бассейн Верхней и Средней Оки (рис. 8), доходя на востоке до Среднего Поволжья, на западе — до Десны и районов севернее от Верхней Волги. Памятники поздняковской культуры в целом датируются XV—X вв. до н. э. Ее основные памятники представлены могильниками и поселениями, которые располагаются в речных долинах, на первых надпойменных террасах. На них открыты четырехугольные полуземлянки, углубленные в землю на 0,2—0,8 м. Их размеры колеблются от 6×9 до 12×18 м. Дома были столбовой конструкции, с двускатной крышей.

Погребальные памятники поздняковской культуры представлены курганными и грунтовыми могильниками. Первые невысокие — до 1 м, диаметром 10—12 м. Таковы раскопанные курганы Мало-Окуловские, Битюковские, Коренецкие и др. На Борисоглебском могильнике крупными размерами выделяется один из курганов высотой до 4 м, диаметром 35 м. Вокруг почти всех курганов просле-

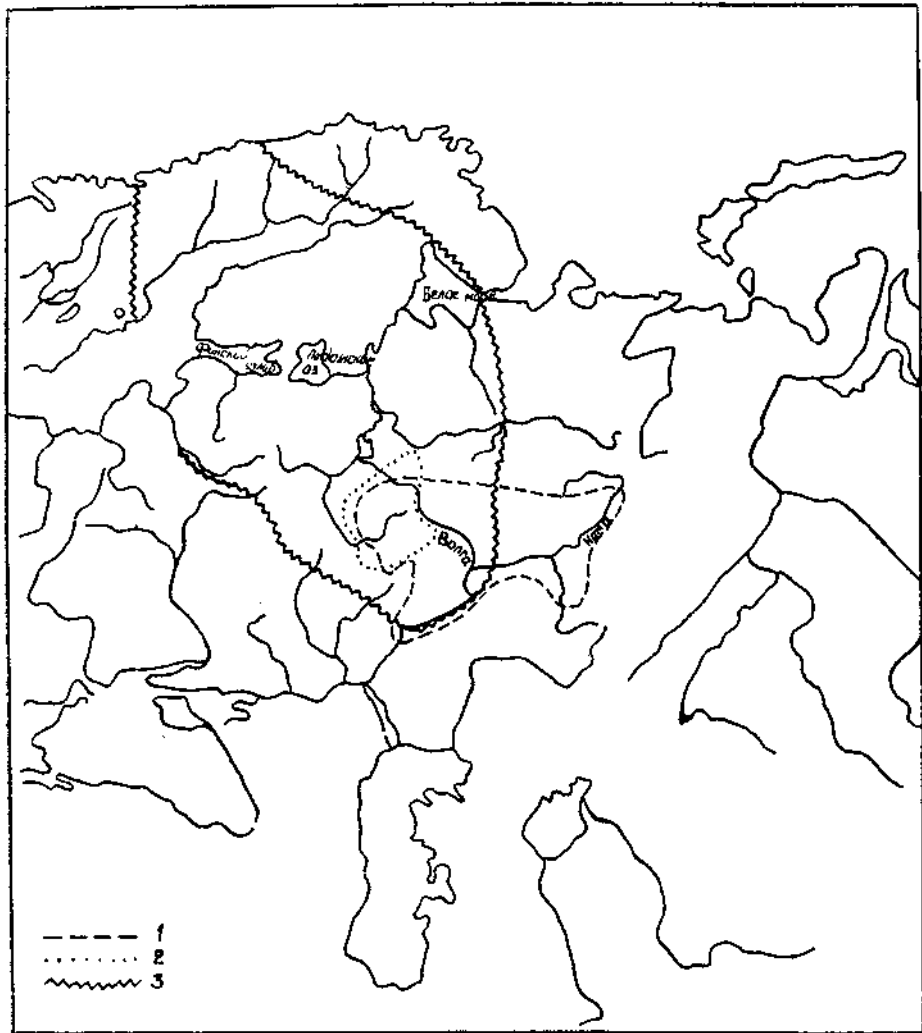

Рис. 8

жены ровики. А на месте будущих курганов отмечены следы кострищ. Нередко встречается растительная подстилка, охра в могиле и следы тризны в насыпи. Костяки помещаются в ямах скорченно на боку головой в северном направлении.

Грунтовые могильники (Дикариха, Фефелов Бор и др.) по погребальному обряду близки к курганным. Они более характерны для заключительного этапа этой культуры. В это время известны помимо скорченных погребений вытянутое труположение и кремация.

В ранний период (I этап развития этой культуры — XV—XIV вв. до н. э.) в керамике могильников (Мало-Окуловский, Битюковский) и поселений (Акозинское и др.) много срубных черт, что говорит об участии срубников в этногенезе поздняяковского населения наряду с волосовской основой. Срубная культура возникла на основе ираноязычного населения в Нижнем Поволжье. На ранних этапах она характеризуется остросереберными и баночными сосудами, бронзовыми черепковыми обоюдоострыми ножами (Кривцова-Гракова, Мерперт). Все эти формы известны на поздняяковских памятниках (рис. 9). В Среднем Поволжье ираноязычные срубники археологически прослежены с середины II тыс. до н. э. до рубежа II—I тыс. до н. э.

Наиболее характерными чертами поздняяковской посуды являются следующие (рис. 9): сосуды баночные, остросереберные, с плоским и уплощенным дном, округлым туловом, украшенные зубчатым штампом, нарезками, выпуклинами («жемчужины»).

На втором этапе (XIV—XIII вв. до н. э.) отмечается распространение сетчатой керамики в северных районах. К этому времени ряд исследователей относят хорошо изученные могильники — Борисоглебский, Дикариха, Фефелов Бор, поселение Подборновское и др. Поздняяковцы в этот период расселяются далеко на север.

На третьем этапе (конец II — рубеж II—I тыс. до н. э.) отмечено преобладание сосудов баночных форм и крупных сосудов удлинённых пропорций. Орнамент на посуде становится небрежнее, а неорнаментированные участки поверхности сосудов обработаны довольно грубо.

Существует также четырехчленная периодизация поздняяковской культуры: А. Х. Халиков (1960) предлагает выделять древнейший, алекановский этап.

Исследователи (Бадер, Попова) отмечают влияние абашевского населения: в погребальном обряде наличие остатков ритуальных кострищ или оградок у могильных ям в бассейне Оки, в керамике примесь толченой раковины в восточных районах (Акозинское поселение).

С резким увеличением сетчатой керамики на территории поздняяковцев на рубеже II—I тыс. до н. э. поздняяковские племена постепенно прекращают свое существование.

К востоку от поздняяковцев на обширных пространствах Прикамья и Среднего Поволжья в XVI—IX вв. до н. э. (возможно, до конца VIII в. до н. э.) обитали племена приказанской культуры (рис. 8).

Приказанская культура, названная по наиболее изученным памятникам в окрестностях Казани, выделена Н. Ф. Калининным и А. Х. Халиковым (1954). Впоследствии подобные памятники исследованы далеко на востоке в Прикамье, бассейне Белой, на Вятке и Марийско-Чувашском Поволжье (Халиков, 1980).

В развитии приказанской культуры выделены четыре этапа: займищенский (XVI—XV вв. до н. э.), балымско-карташихинский

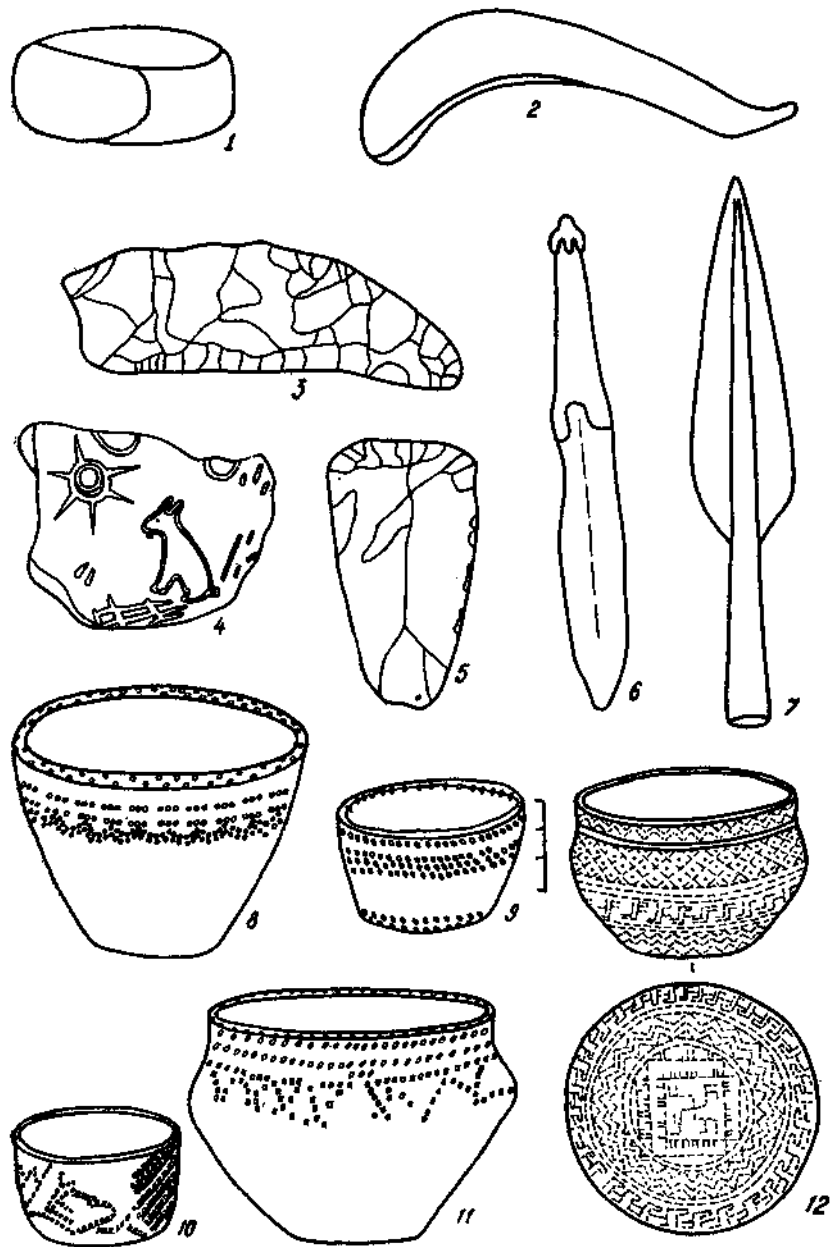

Рис. 9

(XIV - XIII вв. до н. э.), атабаевский (XII—X вв. до н. э.), маклашевский (X—IX вв. или VIII в. до н. э.). Всего известно около 500 памятников этой культуры, в том числе 28 могильников.

Поселения располагаются группами на надлуговых террасах крупных рек. В ранний период на поселке преимущественно встречаются 3—4 небольшие соединенные друг с другом полуземлянки площадью 25—40 кв. м, а позднее появляются крупные изолированные наземные дома площадью не менее 100 кв. м.

Погребальный обряд приказанцев на ранних этапах характеризуется следующими чертами: могильники располагаются по берегам крупных рек; преимущественно вытянутое положение умерших перпендикулярно головой к реке; обычай помещать в могилу ритуальную пищу, глиняную посуду, реже оружие и украшения.

Среди глиняной посуды приказанской культуры на ранних этапах преимущественно встречены плоскодонные горшковидные формы с цилиндрическим или слегка открытым горлом, с органической примесью, на поздних — круглодонные, с толченой раковинной в тесте, штрихованной зачисткой поверхностей. Сосуды в верхней части орнаментированы резными узорами, оттисками среднезубого штампа в сочетании с ямочными и клиновидными углублениями (рис. 10). Позднеприказанские памятники западных районов содержат «текстильную» керамику (Халиков. 1969).

У приказанского населения оформился свой очаг металлургии (Черных. 1970). Характерными формами металлических изделий были плоские двулезвийные ножи, втульчатые топоры-кельты с лобным и боковыми ушками, наконечники копий и дротиков с прорезным пером, украшения — полусферические бляшки, височные подвески и т. д. (рис. 10).

Памятники маклашевского этапа характеризуют переходный этап от эпохи бронзы к железному веку. Многие поселения этого времени располагаются на высоких, естественно укрепленных мысах. Некоторые из них функционируют в раннеананьинское время (Антоновское в Татарии и др.). Погребения обеих эпох открыты на ряде могильников (Маклашевский, П. Полянский и др.).

К северо-востоку от районов обитания приказанского населения выделена лебяжская культура. Она оформилась в эпоху поздней бронзы в бассейнах Печоры и Ижмы на базе местных племен под влиянием культур Прикамья (Ошибкина. 1987). Позднее она испытывает влияние уральских племен.

Для этой культуры характерны чашевидные сосуды с широким горлом и округлым дном, с отогнутым наружу венчиком, примесью дресвы. На раннем этапе посуда орнаментирована узорами из оттисков зубчатого штампа и ямок. На позднем этапе появляется крестовидный узор и некоторые другие элементы зауральского происхождения.

На ряде поселений (Знаменская, Лебяжская стоянки, Галово I, Канинская пещера) обнаружены следы металлообработки — обломки тиглей, шлак, металлические орудия.

Близкие памятники обнаружены в бассейнах Вычегды и Ме-

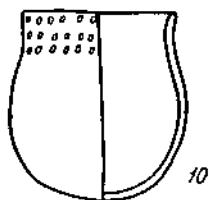
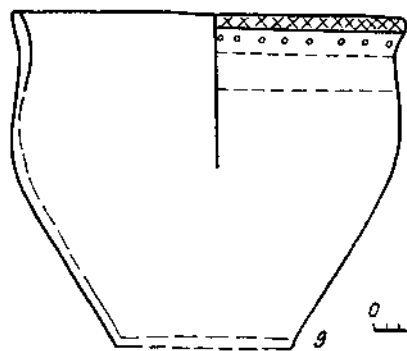
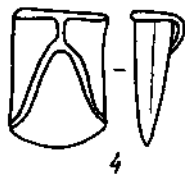
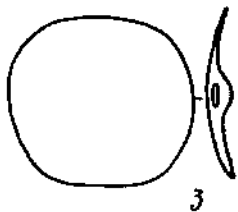
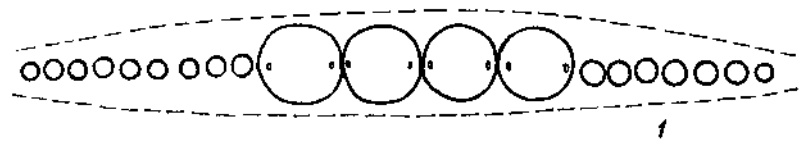

Рис. 10

зени. Впоследствии многие элементы лебяжской культуры распространяются далеко на восток и запад, сохранившись вплоть до эпохи раннего железа.

В ранней истории финноязычных народов России особое место занимает население с керамикой, на внешней (иногда и на внутренней) поверхности которой четко прослеживаются ниточные и рябчатые отпечатки. В археологической литературе такая керамика называется «текстильной», «сетчатой» или «псевдосетчатой». Общие границы распространения ее в эпоху бронзы и раннего железа проходят полосой шириной приблизительно 700 км от Поволжья до Балтийского моря (рис. 8). К. Ф. Мейндер (1954) указывает на существование племен особого культурного круга — населения с «текстильной» керамикой, сопровождающейся в эпоху железа бронзовыми орудиями определенных форм — топорами-кельтами меларского типа. Но поскольку на такой посуде встречаются ниточные и рябчатые отпечатки, автор предлагает называть ее псевдосетчатой или ниточно-рябчатой керамикой (НРК).

Большинство исследователей считают, что ниточно-рябчатые отпечатки связаны с распространением своеобразных технологических приемов изготовления глиняной посуды с целью уплотнения глиняной массы путем выбивания колотушкой, обернутой тканью, рубцовой кожей или через рубцовую кожу, кожу книжки желудка животного или колотушкой с ячеистой поверхностью, чеканом, зубчатым штампом, иногда многорядным, прокатыванием палочки с намотанной на нее веревочкой, или же благодаря использованию при формовке сосудов в виде тканевых, кожаных форм-емкостей, применению различных штампов и тканей или только с использованием различных видов текстиля (Бадер, Бобринский, Брюсов, Городцов, Семенов, Черная и др.). Различные технологические приемы оставили на поверхности выделенные В. А. Городцовым ниточные и рябчатые отпечатки.

Широкое распространение НРК как в северных, так и восточных районах Европейской части СССР в основном относится к концу II — началу I тыс. до н. э. (Бадер, Граудонис, Гурина). Она вначале повсеместно сопровождает гладкостенную керамику.

Автором впервые систематизированы и обобщены комплексы ниточно-рябчатой керамики из 240 памятников России от устья Камы до Карелии (около 40 тыс. фрагментов). Керамика подвергнута статистической обработке на ЭВМ ЕС-1036 в Информационно-вычислительном центре Марийского университета. Все материалы составили банк данных на ЭВМ. Разработана программа исследований. Она включала вычисления средней ошибки процентных показателей, средних арифметических по отдельным признакам. Для установления сходства или различия комплексов по отдельным признакам вычислялись коэффициенты парного сходства каждой пары памятников и средний коэффициент сходства по определенному признаку комплексов каждого памятника. По результатам данных вычислений определялась дисперсия для каждого комплекса.

Важным показателем сходства и различия комплексов по отдельным признакам (орнаментация, форма, обработка поверхности керамики) является критерий Стьюдента. Табличное значение его зависит от количества сравниваемых признаков и памятников (например, для всех комплексов псевдосетчатой керамики поселений конца эпохи бронзы и начала раннего железного века оно равно 1,97). Затем вычисляется расчетное значение критерия Стьюдента. Оно при вероятности 0,95 (довольно высокая вероятность, означающая возможность наступления данного факта в 95 случаях из 100) должно быть ниже или равно табличному значению у близких по данному признаку комплексов памятников. Наоборот, расчетные значения выше табличного указывают на различия комплексов по данному признаку.

Близкие расчеты проводились при сравнениях комплексов памятников в целом (т. е. по сумме признаков). Однако коэффициент парного сходства их определяется с учетом количества всех признаков. Более подробная характеристика методики исследований массовых археологических материалов и результаты исследований на ЭВМ автором представлены в книге «У истоков волжских финнов» (Патрушев. 1989).

Оговоримся, что памятников с ниточно-рябчатой керамикой значительно больше, чем представлено в результатах обработки на ЭВМ (рис. 14) на карте с памятниками, комплексы которых выбраны как эталоны (рис. 11). Малочисленные комплексы при вычислении энтропии оказались не значимыми. Их исключение из анализа по статистическим методам в исторических исследованиях правомерно. Однако эти комплексы нами учтены в общей характеристике ниточно-рябчатой керамики России.

Исследования автора показали, что наиболее общими чертами ниточно-рябчатой керамики эпохи бронзы России следует считать следующие:

1) господствующая горшковидная форма с закрытым, прямым, открытым горлом, плавно или реже более резко переходящим в прослеженных случаях в слабо выпуклое тулово, при наличии чашевидных и баночных сосудов с плоским, уплощенным, округлым дном (рис. 12);

2) преимущественно округлый, реже плоский, приостренный, с напльвами с внешней или внутренней стороны, нередко в южных районах с воротничком или в северных валикообразный край венчика, нередко содержащий узоры;

3) ниточные или рябчатые отпечатки (всего 34 варианта) по всей поверхности посуды или реже ниже горла (рис. 12);

4) примесь песка, дресвы (или крупных кусочков кварцита);

5) орнаментация преимущественно в виде горизонтальных зон из неправильных и круглых ямок, жемчужин, реже — оттисков зубчатого штампа, клиновидных ямок и вдавлений, оттисков шнура и их различных сочетаний (рис. 13).

Перечисленные признаки сохраняются и на керамике эпохи раннего железа.

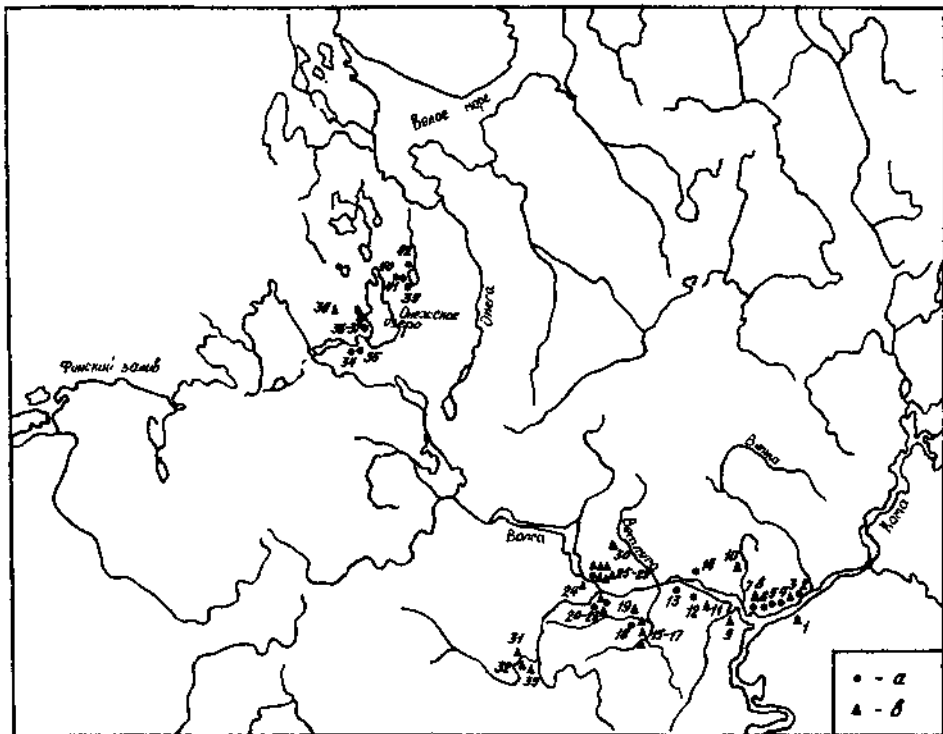

Рис. 11

Можно заметить определенную закономерность в распространении ниточно-рябчатой керамики в конце эпохи бронзы на территории России от устья Камы в Поволжье до северных ее окраин. Она сосредоточена более или менее насыщенными группами на низких местах в устьевых районах крупных рек или берегах озер. В юго-восточных районах она сопровождается приказанскую керамику, достигая почти половины всей керамики поселений. Наиболее насыщенные памятниками с ниточно-рябчатой керамикой районы — устье Камы, прилегающие к Казани берега Волги, Марийское Поволжье от устья Илети до р. Большая Кокшага. Западнее Марийского Поволжья ниточно-рябчатая керамика распространяется на поздняяковских памятниках и бытует параллельно с поздняяковской керамикой до конца II тыс. до н. э. Лишь в начале I тыс. до н. э. она поглощает поздняяковские элементы посуды. Здесь также уже с конца I тыс. до н. э. выделяются наиболее насыщенные памятники с ниточно-рябчатой керамикой — участки восточнее устья Оки в Нижегородском Поволжье, в ее Муромском течении близ устья Клязьмы во Владимирской области, в районе озер Плещеево и Сомино в Ярославской области. Такие области выделяются в

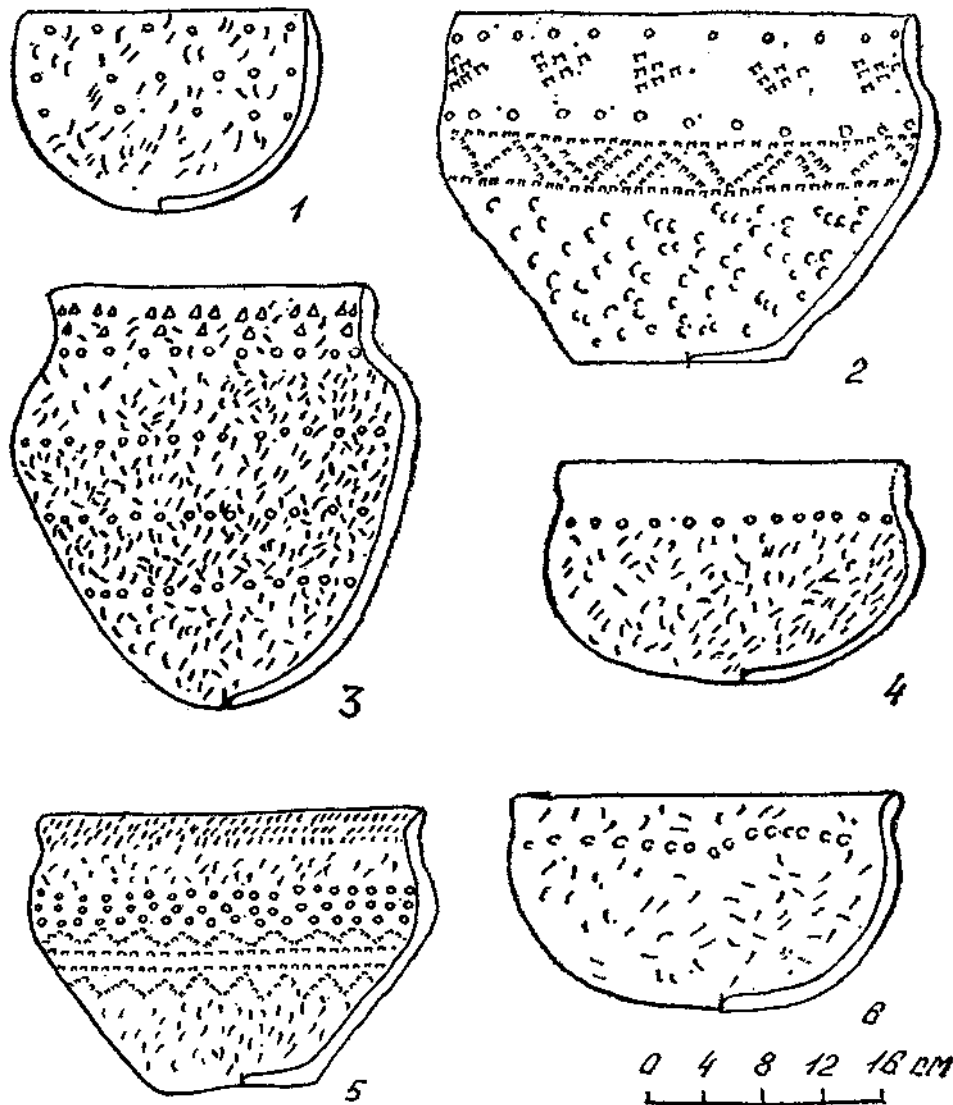

Рис. 12

Прионежье, на озерах Карелии и в Вологодской области. Подобное расположение компактными группами памятников с ниточно-рябчатой керамикой предполагает расселение населения с такой керамикой в чужеродной среде особым образом — довольно значительными группами. Факт ассимиляции населением с ниточно-рябчатой керамикой многочисленного поздняяковского населения, местных племен северных районов, приказанско-ананьинских групп на-

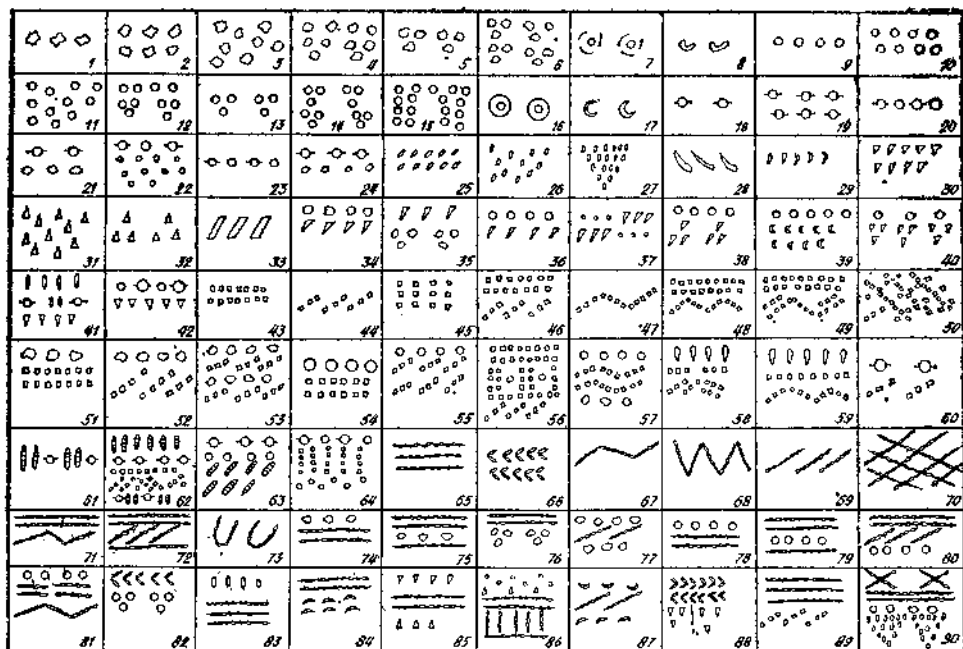

Рис. 13

селения Среднего Поволжья свидетельствует об огромном экономическом потенциале и жизненной силе данной финноязычной этнической общности.

Характеристика комплексов ниточно-рябчатой керамики на всей ее территории показывает близкую картину (рис. 14, Патрушев. 1989). Различия в значительной мере могут быть объяснены влиянием элементов местной керамики, господствующей в конкретных областях. Так, влияние ниточно-рябчатой керамики на посуду приказанской культуры вызвало появление специфической керамики с ниточными или рябчатыми, а также смешанными отпечатками на поверхности сосуда ниже горла и гладкой поверхностью по горлу, украшенной приказанскими узорами, характерными для восточных районов этой культуры. Подобное явление можно наблюдать в Татарском, Марийском Поволжье, т. е. на всей территории расселения приказанского населения. В указанных районах за редкими исключениями нет узоров из «жемчужин». Как уже отмечалось, они характерны для поздняяковской культуры. На ниточно-рябчатой керамике эпохи бронзы памятников от Нижегородского до Ярославского Поволжья, где обитали поздняяковские племена, «жемчужины» как элемент орнамента занимают значительное место (IV Жуковское поселение — 42,51%, Безводнинское поселение —

29,11%. Дикариха — 17,15%, Плещеево III — 14,85% и т. д., Патрушев. 1989). В северо-западных областях проявилось влияние местной энеолитической, фатьяновской и поздняяковской керамики (Косменко, Анпилогов, Манюхин).

Такую же картину показывает сравнение форм сосудов или венчиков. Например, характерный для приказанской культуры «воротничок» у края горла в основном встречается лишь на псевдосетчатой керамике памятников Татарского и Марийского Поволжья (Займище III — 16,66%, Ахмыловское поселение — 2,01%, 4 Кокшайское поселение — 6,25%, поселение Сосновая грива — 1,44%). Только как влияние керамики восточных районов можно считать единичные «воротнички» на сосудах памятников Нижегородской и Владимирской областей (до 0,48%). На более западных памятниках сосуды с «воротничком» отсутствуют. Только в районах расселения приказанских племен отмечена примесь толченых раковин.

Среди сосудов Карелии и севера России исследователями отмечены бомбовидные, реповидные формы или с округлым, уплощенным дном, вытянутых пропорций с коротким венчиком и узкой шейкой, восходящие к формам фатьяновской посуды. Другая форма сосудов — ребристые с широкой шейкой и резким переходом в тулово — близка к поздняяковской посуде. Есть также непрофилированные сосуды с прямой или слегка вогнутой верхней частью, восходящие к формам посуды эпохи неолита — энеолита (Косменко).

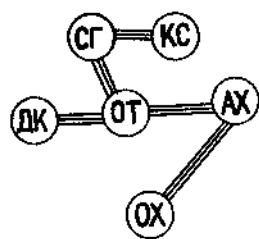
Интерес представляет характер ниточно-рябчатых отпечатков на сосудах различных регионов. В основном повсеместно встречены как ниточные отпечатки или имитации веревочки, так и рябчатые.

Первые наиболее характерны для Марийского Поволжья, они составляют более 50%. Севернее более характерны рябчатые. Для них повсеместно в большей мере характерны дуговидные и овальные отпечатки или же в виде наколов срезанным пучком травы.

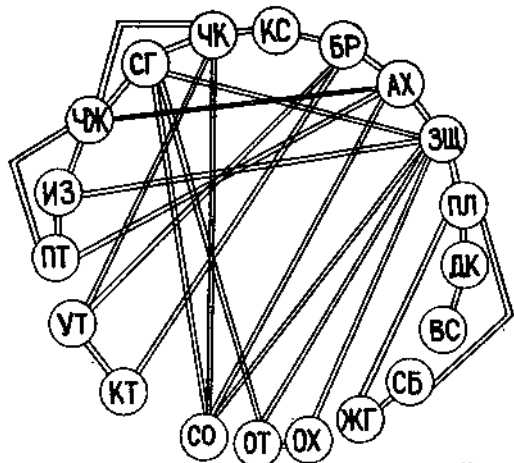
В целом почти все варианты отпечатков встречены повсеместно, и их процентное соотношение не имеет резких границ. Данный факт может свидетельствовать о существовании на всей территории России единых технологических приемов по обработке поверхности (соответственно, по изготовлению посуды в целом). Данное мнение подтверждается близостью форм сосудов. Некоторые различия в орнаментации керамики различных областей по результатам вычислений критерия Стьюдента свидетельствуют, очевидно, о влиянии местной посуды. Тем не менее можно говорить о едином пласте в орнаментации псевдосетчатой керамики.

Таким образом, ниточно-рябчатая керамика эпохи бронзы России выступает как единый культурный признак (рис. 14), что исключает возможность ее оформления в разных районах и тем более в различной культурной среде.

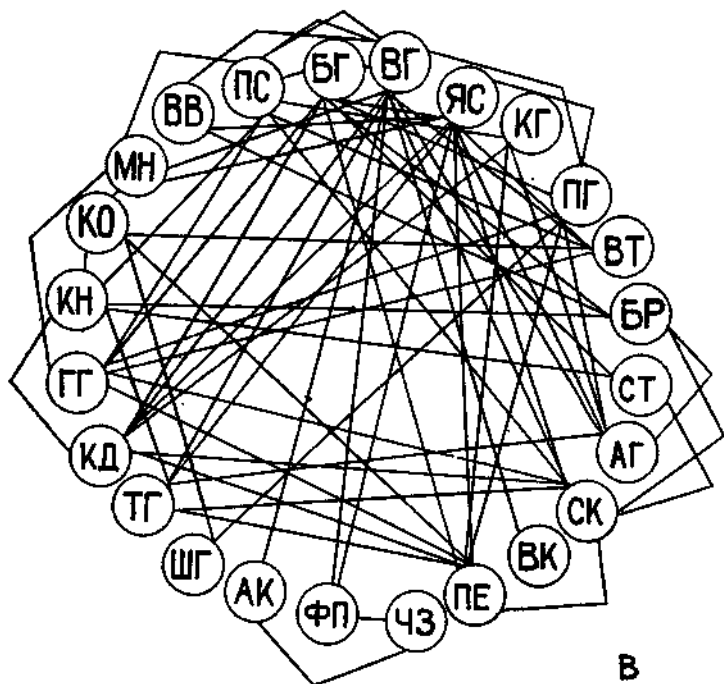
Несмотря на отмеченное влияние приказанской, поздняяковской посуды на появление некоторых элементов на ниточно-рябчатых

А

Б

В

Рис. 14 а

сосудах, нет оснований говорить о генетической связи между ними. Необходимо учитывать и различия в остальных элементах материальной культуры. Набор каменных и металлических орудий приказанской культуры (кремневые скребки треугольной формы, похожие на клинок кинжала ножи, вытянутые треугольные наконечники с усеченным основанием, металлические двулезвийные черешковые ножи с прямоугольным черешком, бронзовые кельты с двумя боковыми ушками, кельты с ушком на широкой плоскости и др.) севернее Марийского Поволжья на территории распространения ниточно-рябчатой керамики не встречаются. На приказанских памятниках известны всего два каменных тесла, наиболее характерные орудия населения с «сетчатой» посудой.

Также нет ни одной формы орудия, которая генетически связывала бы племена с ниточно-рябчатой керамикой и поздняяковское население.

Решение вопроса об участии населения других археологических культур эпохи бронзы России в формировании финноязычного населения с ниточно-рябчатой керамикой представляет значительные трудности. Во-первых, для сравнения нет других материалов, кроме керамики. Во-вторых, для культур развитой бронзы результаты анализа керамики в большинстве случаев имеют описательный характер. Поэтому мы вынуждены довольствоваться весьма приблизительным сравнением ниточно-рябчатой керамики и посуды ряда культур эпохи бронзы.

Следует оговориться, что ряд навыков в керамическом производстве, по этнографическим данным, сохраняется в течение пяти-шести поколений (Бобринский), т. е. с учетом средней продолжительности жизни приблизительно от 350 до 400 лет. В первобытном обществе при характерной традиционности элементов культуры эти навыки могли сохраняться гораздо дольше, возможно, в течение 500 и более лет. Поэтому вполне правомочно сравнение разновременных керамических комплексов.

С волосовской керамикой ниточно-рябчатую посуду связывают лишь весьма редкие параллели, в которых трудно различить какие-либо генетические связи. Это некоторые формы сосудов развитого и позднего этапов волосовской культуры в виде открытых или закрытых чаш, составляющие в комплексах ниточно-рябчатой керамики от 35,7 до 45,95 % во Владимирской области, Ярославском Поволжье и от 0,8 до 13,03 % в остальных областях. Из элементов орнамента ниточно-рябчатой керамики параллели с волосовскими узорами имеют кружковый орнамент, дуговидные ямки, клиновидные и треугольные вдавления, перекрещивающиеся линии из зубчатого штампа и веревочных оттисков, косые линии и зигзаг из зубчатых оттисков (рис. 13, 8, 16, 17, 29—31, 44, 47, 50, 58, 63, 70).

В фатьяновской керамике лишь формы низких сосудов с открытым горлом сопоставимы с горшковидными сосудами с открытым горлом и резким переходом в тулово из комплексов ниточно-рябчатой керамики эпохи бронзы, где они составляют до 5,2% в

восточных районах и 9,3% — в западных (кроме районов Карелии, где их значительно больше). На лощеной поверхности фатьяновской посуды нанесены преимущественно зубчатые узоры, иногда близкие к орнаменту ниточно-рябчатой керамики. Есть шнуровые горизонтальные узоры, нередко завершающиеся волной, сочетание горизонтальных шнуровых и косых зубчатых оттисков, неправильные ямки, дуговидные, треугольные или беспорядочные клиновидные вдавления, или же образующие горизонтальный «колос», сетка из зубчатых оттисков, треугольный узор (рис. 13, 1, 25—27, 50, 65, 66, 71, 89). Структура фатьяновской керамики с преобладающей примесью мелкого песка, изящество и пропорциональность форм значительно отличают ее от грубоватой ниточно-рябчатой посуды. Между ними трудно предположить генетическую связь.

Характерные для балановской культуры заштрихованные широкие зигзаги, ромбы, треугольники на ниточно-рябчатой керамике не известны. Лишь в поздний период узоры из треугольных вдавлений, пересекающихся косых, зигзагов или горизонтальных оттисков зубчатого штампа, а также перенятые у поздняковцев «жемчужины» (рис. 13, 30, 47, 49, 50), напоминают некоторые узоры ниточно-рябчатой посуды.

Также трудно найти параллель между круглодонной чирковской керамикой с цилиндрическим горлом, резко переходящим в тулово, с примесью толченых раковин, рыхлой структурой, украшенной геометрическим орнаментом из оттисков зубчатого штампа в виде заштрихованных зигзагов, треугольников и ниточно-рябчатой посудой.

На памятниках сейминско-турбинского типа нет документированных керамических комплексов, кроме единичных погребальных сосудов абашевского облика. Однако об участии данного населения в формировании культуры ниточно-рябчатой керамики может говорить тот факт, что ближайшие истоки аозинско-меларских кельтов можно видеть именно в кельтах сейминско-турбинского типа (Патрушев. 1984).

В ниточно-рябчатой и абашевской керамике можно выделить лишь некоторые параллели: в формах — чашевидные и баночные сосуды, горшковидные и плоскодонные и круглодонные сосуды с открытым горлом и плавным или резким переходом в тулово; в орнаментации — узоры в виде сетки, горизонтальных линий, использование зубчатого штампа, ямок (рис. 13, 9, 43, 47; 50). Вместе с тем, абашевская керамика с примесью толченых раковин и рыхлой структурой, хорошо заглаженной поверхностью не могла быть основой для плотной ниточно-рябчатой керамики.

Исходя из вышеизложенного, истоки ниточно-рябчатой керамики следует искать за пределами культур развитой и финальной бронзы лесных районов от устья Камы до Ивановско-Владимирского Поволжья.

Для такой керамики северо-западных районов России известна точка зрения о распространении ниточно-рябчатых отпечатков на сосудах под влиянием культур шнуровой керамики. О. С. Гадзяц-

кая и Д. А. Крайнов (1987), говоря о дальнейших судьбах фатьяновцев, приводят ряд доказательств наличия элементов их посуды в «текстильной» керамике. Доказательства участия племен шнуровой керамики в оформлении «текстильной» керамики Прибалтики приводит Я. Граудонис (1967), что подтверждается антропологическими данными (Денисова. 1973).

Ряд исследователей истоки приемов ниточно-рябчатой обработки сосудов указывает в поздней посуде культуры ямочно-гребенчатой керамики (Брюсов. 1950). Однако В. П. Третьяков (1975) считает невозможной их близость из-за хронологического разрыва между ними. Вероятной зоной возникновения такой керамики он называет районы Прибалтики. Основой для такой же керамики И. А. Лозе считает ямочно-гребенчатую посуду аборского типа на стоянках Прибалтики. Но А. В. Васкэ (1983) из-за совершенно разной структуры таких групп керамики отрицает возможность существования между ними какой-либо генетической связи.

И. В. Гаврилова (1968), признавая основным компонентом ниточно-рябчатой керамики ямочно-гребенчатую, считает возможным участие в ее оформлении элементов посуды галичской, различных вариантов фатьяновидной и поздняяковской. Такая точка зрения об участии в ее формировании ряда культур перекликается с мнением О. Н. Бадера, Н. Н. Гуриной, П. Н. Третьякова и др.

Некоторые исследователи отмечают локальные особенности псевдосетчатой керамики, выделяя, в частности, районы Прибалтики (Лозе). В то же время многие археологи считают такую керамику Прибалтики пришлым с востока явлением.

Точка зрения автора в вопросе об истоках ниточно-рябчатой керамики совпадает с мнениями тех исследователей, которые видят истоки в приемах обработки колотушкой с внутренней поверхности сосудов у носителей шнуровой керамики — поздних фатьяновцев, частого нанесения ямок или позднее зубчатых оттисков на внешней поверхности посуды ямочно-гребенчатого облика, когда их сплошные оттиски не только визуальнo напоминают псевдосетчатые отпечатки. Следует добавить, что подобные оттиски также преследуют цель — уплотнение глиняного теста, как и ниточно-рябчатые отпечатки.

Истоки ниточно-рябчатой керамики, по наблюдениям автора, наиболее ярко видны в керамике эпох неолита и раннего металла северо-запада Европейской части России, где в технологических приемах орнаментации кроются многие элементы таких отпечатков: треугольные и клиновидные ямки и мелкие дуговидные вдавления, рябчатые бороздки, ниточные хаотичные отпечатки и ниточные отпечатки, сделанные намотанным на палочку шнуром; орнамент в виде рябчатых отпечатков из клиновидных вдавлений в шахматном порядке на керамике раннего неолита; чашевидные сосуды с горизонтальными и вертикальными рябчатыми бороздками от оттисков зубчатого штампа, узоры из частых клиньев, образующих дуговидные и овальные отпечатки, дуговидные отпечатки от сглаженных ямок на посуде развитого неолита (Гурина. 1961). В эпоху

энеолита многие сосуды покрыты сплошными оттисками зубчатого штампа, имитирующими рябчатые отпечатки. В это же время распространяются характерные для населения с ниточно-рябчатой керамикой сланцевые орудия.

Таким образом, основными этническими группами, на базе которых происходило формирование культур начала эпохи железа, были местные культуры России и для значительной территории региона — культура населения с ниточно-рябчатой керамикой.

Глава 4

ФИННО-УГРЫ ПРИУРАЛЬЯ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРА)

РАННИЙ железный век в Восточной Европе начался с широкого производства железа в наиболее передовых областях в основном в VIII—VII вв. до н. э. (Патрушев, Розанова, Халиков, Шрамко). Внедрение в хозяйство и быт наиболее совершенных орудий из железа привело к техническому перевороту. Открытие железа повысило производительность труда, способствовало широкому распространению положительного технического опыта. В результате быстрого роста производительных сил, накопления прибавочного продукта усилилась неравномерность общественного развития с тенденцией резкого имущественного и социального неравенства в наиболее передовых центрах распространения железных изделий, где складываются отношения военной демократии. Специальные исследования позволяют говорить о сложной социальной структуре древнего населения (Иванов, Фарафонова). Повсеместно устанавливаются широкие культурные связи. Одни из них вызваны хозяйственной необходимостью, другие — необходимостью иметь более совершенное вооружение, третьи — политическими причинами, четвертые — этническим родством или последующей за первыми связями ассимиляцией. Хозяйственные, политические, этнические связи нередко тесно переплетались.

Изменения в экономике, общественных отношениях на археологическом материале проявились в резком увеличении памятников и площадей поселений, полном переходе на строительство наземных домов-срубов, усложнении погребального обряда, в появлении коллективных погребений, в наличии богатых и бедных погребений, широком распространении круглодонной посуды и в новых формах орудий труда, оружия. Во многих районах расселения финно-угров появляются укрепленные поселения. Городища возникли как средство защиты ценностей в виде стад домашнего скота и запасов хлеба. Необходимость укрепления поселений отразилась и в выборе места городищ. Для них в первую очередь использовались трудно-

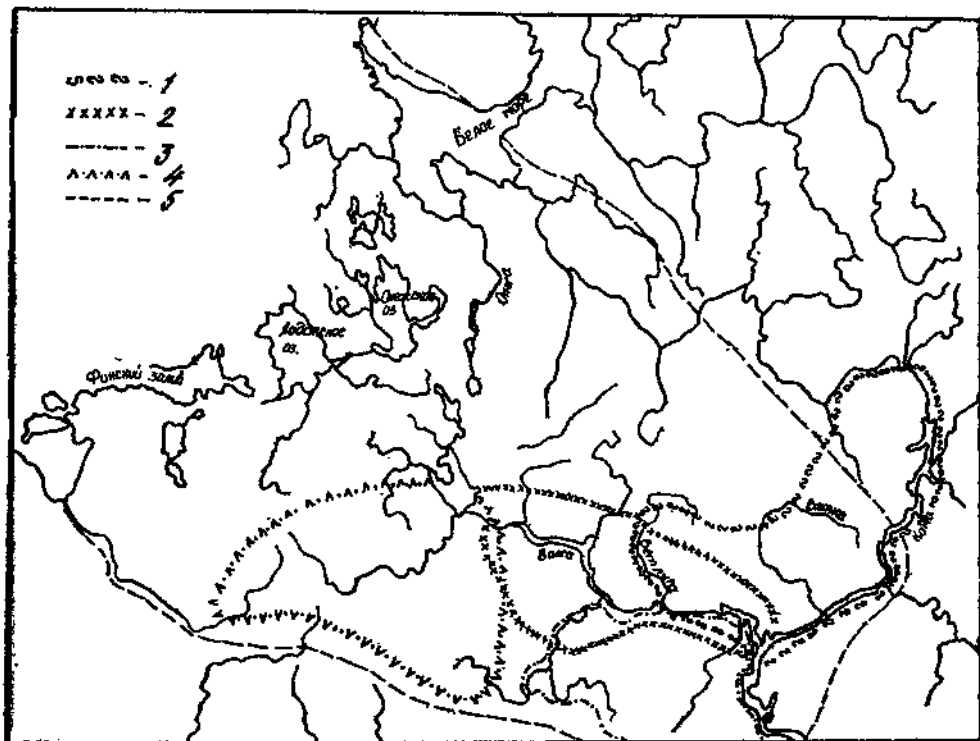

Рис. 15

доступные высокие мысы, образованные террасой крупных рек и оврагами с крутыми склонами. Относительно узкая площадка мыса с напольной, не защищенной природой стороны, укреплялась глубоким рвом и высоким валом. Вокруг площадки могли существовать и другие укрепления в виде деревянного частокола или плетня, обмазанного глиной.

Для начала эпохи раннего железа характерно усложнение этнических процессов в среде финно-угорского населения России. В европейской части России выделены ряд археологических культур (рис. 15): ананьинская в Прикамье, городецкая к юго-западу от нее, дьяковская в Причье и Верхнем Поволжье и ниточно-рябчатой керамики на всем протяжении от устья Камы до северо-западных пределов России. На значительной территории данного региона в контактной зоне между ананьинской культурой и населением с псевдосетчатой керамикой на базе последнего формируется культура населения ахмыловского облика, сочетающая восточные и западные черты (Патрушев. 1984).

Финно-угорский мир Приуралья (районы от Уральских гор до Волги) представлен обширной и яркой археологической культурой VII—III вв. до н. э. — ананьинской. Из-за локальных особенностей

в последнее время принято говорить об ананьинской культурной (Халиков. 1977) или культурно-исторической (Кузьминых. 1983) общности.

Общая характеристика классического ананьина была дана А. М. Тальгреном (1919) и А. В. Збруевой (1952). Впоследствии были исследованы многочисленные памятники в Прикамье, в бассейнах рек Вятка, Ветлуга, Белая, а также северные поселения родственных ананьинцам племен от Печоры и Вычегды на востоке до Карелии на западе. Северо-западные поселения с ананьинскими чертами объединены в позднекаргопольскую культуру.

Собственно ананьинские памятники занимают бассейны рек Кама, Ветлуга, Вятка, Белая. А. В. Збруевой (1952) были выделены нижнекамская, бельская, вятская, верхнекамско-чусовская и ветлужская группы ананьинских памятников, отличающихся процентным соотношением признаков керамики, площадью и характером укреплений поселений, в какой-то мере незначительными различиями в погребальном обряде и формах орудий труда. Впоследствии А. Х. Халиков (1977) как особые варианты выделил группы памятников с ананьинскими чертами на Средней Волге. Последние автор относит к ахмыловской культуре (Патрушев. 1984, 1989).

В развитии ананьинской культуры исследователи выделяют три этапа: ранний — VIII—VI вв. до н. э., средний — V—IV вв. до н. э., поздний — III—II вв. до н. э.

Наивысший расцвет материальной и духовной культуры ананьинских племен относится к раннему и среднему этапам, охарактеризованным на материале Ананьинского, Зуевского могильников и ряда поселений как классическая ананьинская культура.

К раннему этапу относится около 30 поселений. Среди них есть неукрепленные поселения — селища и укрепленные — городища. Укрепления сооружались обычно с напольной стороны в виде одного ряда вала и рва. Наиболее характерна дуговидная и шишкообразная форма вала. Высота его от уровня площадки городища колеблется от 1,3 до 6 м. Современная глубина рва обычно не превышает 1—2 м. Длина вала и рва колеблется от 20 до 94 м. Площади поселений в различных районах различные. На Нижней Каме они колеблются от 1 644 (Гремячий Ключ) до 9 400 кв. м (Красный исток). На Вятке в среднем площади составляют 840—2 100 кв. м. Но крупными размерами выделяется Мальковское городище, площадь которого 10 200 кв. м. В восточных районах ананьинской культуры городища появляются только на среднем этапе (Денисов).

От раннеананьинского времени сохранились остатки жилищ. На Средней Каме исследованы прямоугольные наземные жилища размерами от 14×10 до 20,8×13 м на I и VI Заюрчимском поселениях (Вечтомов). Бревенчатые стены укреплялись вертикальными столбами. Жилища имели 1—2 выхода. Внутри находились 1—2 очага и хозяйственные ямы. С внешней стороны двух жилищ имелись пристройки. На II Васюковском поселении исследовано 7 небольших наземных жилищ размерами 3×4 м.

Три наземных прямоугольных жилища открыты на I Зуево-Ключинском поселении (Нижняя Кама). Их длина колеблется от 8 до 10 м, ширина — от 6 до 6,9 м. Очаги располагались на глиняных вымостках по продольной оси жилищ. У одного из них исследован ритуальный комплекс в виде скопления костей на площади 17,5×3 м. В нем обнаружены 7 черепов медведя, один лося, кости лошадей, свиней, коров.

Остатки наземной постройки, низ которой был обложен камнями, открыты на городище Гремячий Ключ. На следы какой-то наземной постройки при раскопках городища Сорочьи горы указывал А. М. Тальгрэн.

Факт наличия укрепленных городищ на Нижней Каме, Ветлуге и Вятке и их отсутствие на Средней, Верхней Каме, Белой А. Х. Халиков (1977) объясняет грабительскими набегами кочевников (киммерийцев, савромат, позднее скифов). Скорее всего, данный факт следует сопоставить с появлением на Волге более высокой культуры финноязычного населения ахмыловского облика, могильники которых насыщены оружием.

Основные признаки раннеананьинского погребального обряда оформились еще в приказанской культуре (Халиков. 1969). Могильники располагаются на берегах крупных рек. К раннеананьинскому времени относятся 118 погребений. Характерна ориентация погребенных ногами к реке. Это перекликается с представлениями удмуртов и коми об уходе душ умерших по реке (Халиков. 1977).

Могилы ананьинцев преимущественно вытянуто-овальной формы, располагаются рядами вдоль берега реки; костяки лежат вытянуто на спине. Лишь в южных районах под воздействием ираноязычного населения появляется обычай положения умерших скорченно на боку (2,5%). Количественные и процентные данные о раннеананьинских могильниках автором получены в ходе статистической обработки материалов на ЭВМ ЕС-1036 в Информационно-вычислительном центре Марийского университета. Банк данных и программа для статобработки, подготовленные автором, находятся в Центре археолого-этнографических исследований данного университета.

Наиболее характерны одиночные захоронения (77,1%). Встречаются также парные захоронения взрослого и ребенка: Коллективные погребения (от 2 до 6 костяков) на раннеананьинских могильниках составляют 18,6%. Особенно много коллективных погребений на Луговском могильнике (16 из 69 погребений).

В засыпи могил нередко обнаружены угольки, кости животных или зубы лошади, различные предметы.

На прикамских памятниках редко прослежены остатки конструкций. Это камера-склеп, следы прокала и перекрытия в 7 могилах Ананьинского могильника. В нем же обнаружены две надмогильные стелы. Одна в виде массивной каменной плиты прямоугольной формы с закругленным верхом содержит резное изображение ананьинского воина в полный рост в остроконечной шапке. На ремне у пояса висят кинжал и колчан со стрелами. В правой

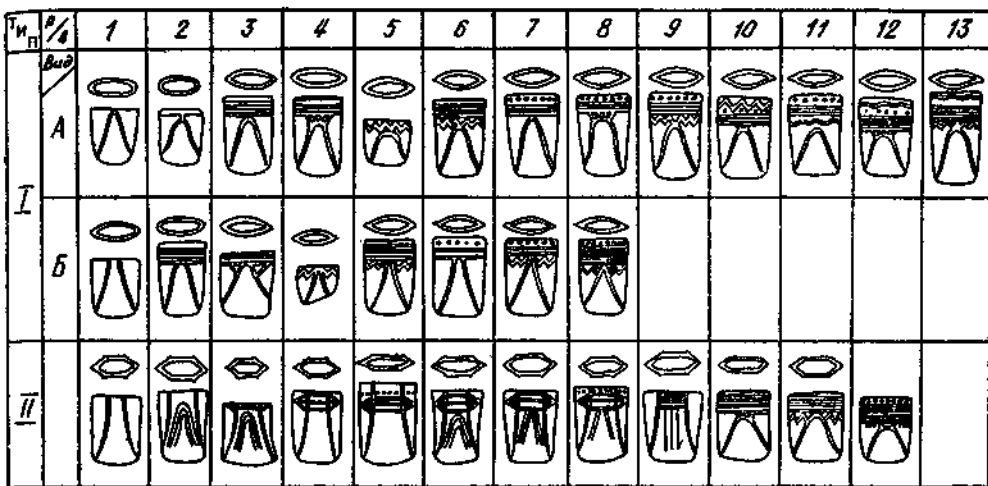

Рис. 16

руке — топор-секира. На шее изображена пластинчатая гривна. На другой плите схематично прочерчена фигура мужчины. К более позднему времени относятся несколько плит меньших размеров из этого же могильника.

Вещевые комплексы раннеананьинских памятников включают орудия труда, оружие, конскую узду, посуду, украшения, детали одежды, бытовые предметы.

Наиболее многочисленную группу находок составляют ананьинские бронзовые кельты с плоскими, в сечении линзовидными, овальными или шестигранными втулками высотой 58—95 и шириной 40—58 мм. Всего их из Приуралья и Поволжья известно 402 экземпляра (рис. 16).

По сечению втулки среди них выделяется два типа. Для всей территории ананьинской культуры наиболее характерны кельты с линзовидной, реже овальной в сечении втулкой. По орнаментации орудия подразделяются на 2 вида. Первые украшены изогнутым в виде дуги валиком с расходящимися к лезвию концами. Во второй вид включены изделия с косыми валиками, идущими по широкой плоскости под углом от верхней части к лезвию. На некоторых кельтах между ними до половины орудия опускается вертикальный валик. Есть также три изделия, у которых изогнутые боковые валики в верхней части начинаются ниже края втулки кельта и упираются в боковые грани. Все они происходят из Младшего Волосовского могильника на Оке за пределами территории ананьинской культуры. Однако типологически они несомненно восходят к ананьинским кельтам.

Развитие кельтов первого вида идет от простых узоров к более сложным в сочетании с горизонтальными, короткими косыми, зигзагообразными, волнистыми валиками и рядом выпуклин. Отмеченные различия в узорах в типологической схеме отражены в вариантах кельтов (рис. 16).

Кельты с шестигранной в сечении втулкой украшены вертикальными валиками, выделяющими боковые грани, тройными дугообразными, 3—5 горизонтальными валиками, концы которых сходятся в виде пучка на боковых гранях. Иногда на широкой плоскости дополнительно имеют вертикальные, косые, зигзагообразные валики и ряд выпуклин.

Орнаментация целого ряда кельтов характерна только для памятников в бассейнах Волги и Оки. Это кельты с усложненной орнаментацией первого типа, изделия вида А и шестигранные кельты с узором в виде тройной дуги. Данный факт объясняется изолированным развитием волжских и окских орудий от ананьинских центров Прикамья.

Как один из важнейших этнических показателей населения ананьинской культуры наряду с бронзовыми кельтами на обширной территории Прикамья и Среднего Поволжья выступает своеобразная форма бронзовых наконечников копий. При этом в Прикамье в основном встречены только бронзовые наконечники. Единичные железные наконечники копий здесь являются импортом из районов других культур. В Среднем Поволжье, наоборот, большинство наконечников копий из железа, а бронзовых довольно мало.

В основу типологической схемы положена классификация автора бронзовых наконечников копий Старшего Ахмыловского могильника (рис. 17). Все они имеют округлую у основания втулку. По наличию или отсутствию прорезей на крыльях пера выделены два типа. Изделия второго типа с прорезными перьями. Они по форме верхней части втулки подразделены на два вида — с округлой и ромбической в сечении. Внутри вида между собой они различаются по отношению длины пера к длине втулки. На многих изделиях имеется орнамент.

Все изделия первого типа в верхней части имеют округлую в сечении втулку и гладкое уплощенное перо. Это наконечники длиной 92—170 мм. Длина их (с прорезными перьями) колеблется от 84 до 189 мм. Втулка у большинства изделий завершается на $\frac{3}{4}$ высоты. За редким исключением они между втулкой и ребристым ободком у края пера имеют углубление.

На собственно ананьинской территории на раннем этапе кинжалов немного (рис. 18). Есть бронзовые. Один из них происходит из Котловского могильника VI в. до н. э. Он с грибовидным навершием с прорезями и перекрестием в виде крыльев. У бронзового кинжала из с. Бурнашево Татарии рукоять украшена двумя вертикальными рядами кружков.

Цельножелезный кинжал из Луговского могильника в верхней части инкрустирован золотой фольгой. Его навершие брусковидное, перекрестие бабочковидное. Четыре железных кинжала из Анань-

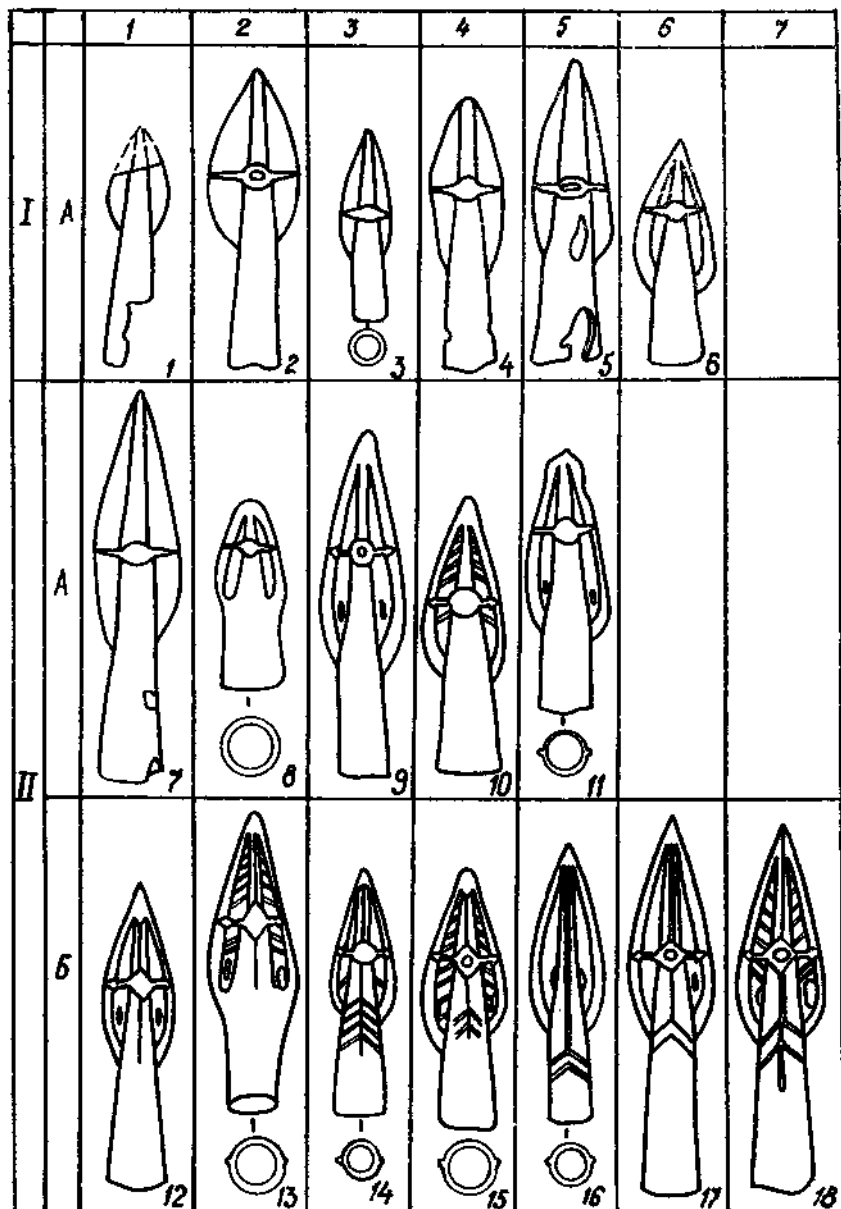

Рис. 17

янского могильника (один из них фрагмент рукояти с бронзовыми навершием и перекрестием) хранятся в Национальном музее Финляндии (Tallgren. 1919).

У ананьинцев широко использовались луки и стрелы. О потомках ананьинцев, живших в XVI в. в районах от Вятки до Камы, путешественник Герберштейн писал: «Все они... весьма искусны в метании стрел, потому что никогда не выпускали из рук лука...».

Изображение лука в виде бронзовой подвески из Буйского городища на Вятке свидетельствует о распространении в Прикамье коротких луков скифского типа сигмаобразной формы. Из с. Омары Татарской ССР происходит бронзовая подвеска с изображением горита с частью лука, завершающегося в виде орлиной головки (рис. 18).

Для раннеананьинского времени А. В. Збруева (1952) отмечает преобладание костяных и каменных наконечников стрел. Среди каменных наиболее популярны были узкие листовидные наконечники, подобные хранящимся в коллекциях Национального музея Финляндии (№ 5381) из Ананьинского могильника. Их наибольшая ширина приходится на среднюю часть. Известны также наконечники с наибольшей шириной в нижней части, короткие подтреугольные наконечники со слабо выемчатым основанием или вытянуто-треугольные наконечники с узким и плоским черешком.

Костяные наконечники (в основном трехгранные) в сечении вытянуто-листовидной формы, реже листовидные, в сечении линзовидные или вытянуто-треугольной формы, ромбические в сечении, иногда с боковыми шипами.

В раннеананьинское время начинается широкое использование лошадей для верховой езды. Об этом свидетельствуют находки предметов конской узда. Это бронзовые удила с неподвижными небольшими кольцами на концах и стремявидные. Оба типа происходят из Ананьинского могильника и хранятся в Национальном музее Финляндии (№№ 1400:173, 927; 7201:1). Известны также бронзовые двукольчатые удила, железные, бронзовые и костяные псаалин. Концы роговых псаалин из Аргыжского городища оформлены в виде головок оленей с прижатыми ушами (рис. 18). Особенно многочисленны железные S-овидные псаалин, интересный набор которых из Ананьинского могильника и Билярска хранится в Национальном музее Финляндии (№№:1400:561—563; 5384:4645).

Набор украшений из ананьинских памятников характеризует своеобразный этнографический облик населения. Из элементов костюма наиболее характерны височные многовитковые спиральные подвески с простыми концами, ожерелья из однородных частей, нагрудные или мужские налобные бляшки.

Посуда ананьинского населения до нас дошла только в глиняном исполнении. Исключение составляет привозной медный кавказский сосуд из с. Атабаево Лаишевского района Татарии (Халиков. 1977).

Глиняная посуда ананьинцев является одним из ярких этнических показателей. Для нее характерны примесь толченых рако-

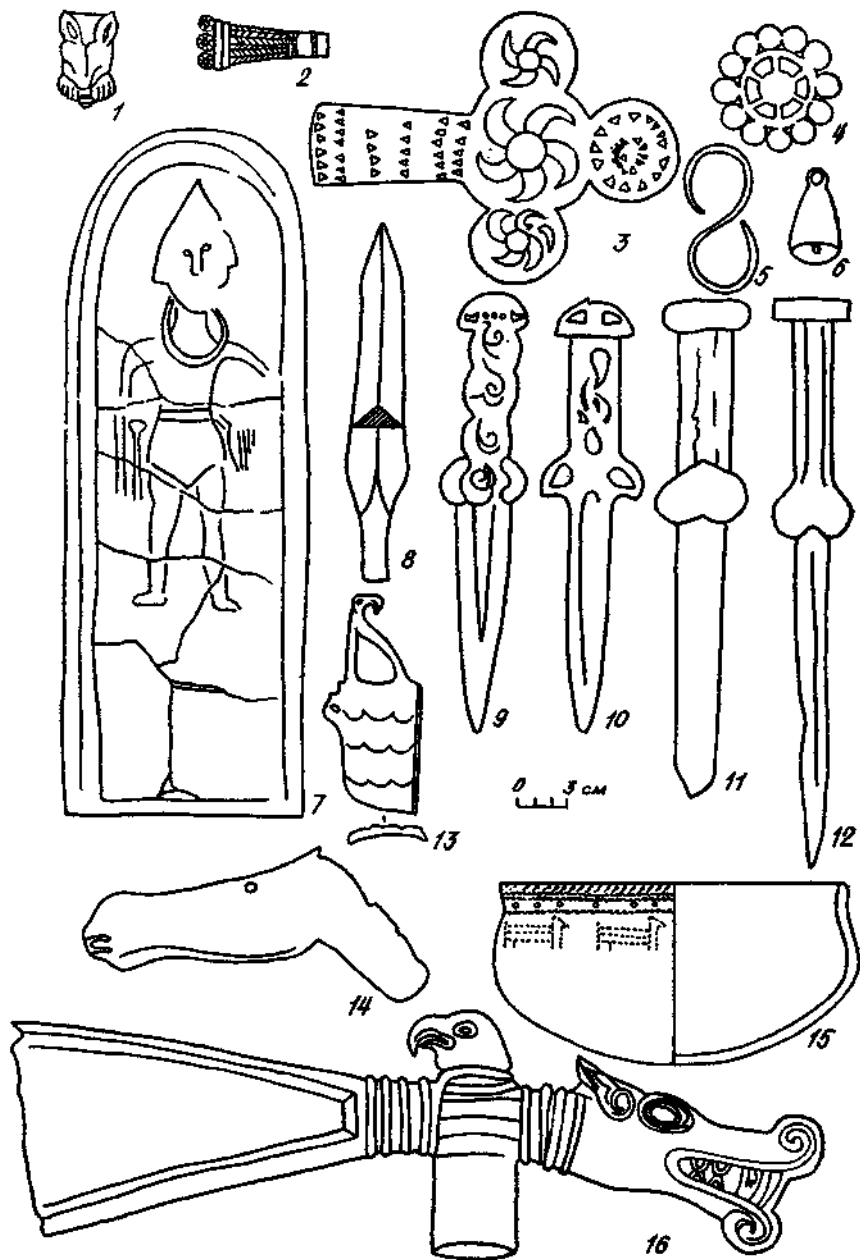

Рис. 18

вин, круглодонная и преимущественно чашевидная форма сосудов, орнаментация верхней половины сосуда горизонтальными зонами из шнуровых оттисков и круглых ямок или реже зубчатых оттисков, треугольных и клиновидных вдавлений, коротких резных линий. Следует отметить различия в формах, размерах и орнаментации сосудов из могильников и поселений. Имеются также различия в посуде различных локальных вариантов ананьинской культуры.

Для нижекамского района характерные формы посуды из Ананьинского могильника представлены в Национальном музее Финляндии (№ 1400:627—632). Это чашевидные или слабопрофилированные небольшие низкие сосуды (обычно ширина больше высоты сосуда), украшенные горизонтальными, реже косыми и перекрещивающимися оттисками шнура в сочетании с одним рядом ямок.

В керамических комплексах нижекамских поселений (I Зуево-Ключинское, Каракулинское и др.) сосуды отличаются более сложной орнаментацией из геометрических узоров (треугольники, зигзаги, ромбы, пересекающиеся линии и т. д.). Однако узоры также нанесены в основном оттисками шнура. В более поздних комплексах орнаментация становится более спокойной.

На Средней и Верхней Каме в основном изучена только керамика поселений (VI Заюрчимское и др.). Ее основными отличительными чертами являются (Денисов. 1968): 1) значительный процент сосудов с примесью органических остатков (38%), шамота (12,1%) и песка (1,3%); сосудов с примесью толченых раковин менее половины (48,6%); 2) преобладание профилированных сосудов (97,5%) и незначительное количество чашевидных (2,5%); 3) в орнаментации большой процент узоров из оттисков зубчатого штампа (22,7%), «отступающей лопаточкой» (8,3%), прореченных линий (15,9).

Керамика бассейна Вятки (городища Ройский Шихан и Мальковское) средних размеров (диаметр горла колеблется от 10 до 42 см), с примесью мелкой толченой раковины. Преобладают горшковидные сосуды (82—95,5%) с резким переходом от горла к тулову (53—56%). Узоры в основном из круглых ямок (93—97%), зубчатых (70—79%) и шнуровых (48%) оттисков. Много геометрических узоров.

На территории распространения ниточно-рябчатой керамики в Поволжье и на Ветлуге также встречены значительные комплексы ананьинской керамики. Раньше они автором были объединены под условным названием западновожского варианта ананьинской культуры (Патрушев. 1971). Впоследствии А. Х. Халиков (1977) их охарактеризовал как вариант ананьинской культуры Волга I.

На поселениях ананьинская посуда составляет более половины комплексов керамики. В отличие от нижекамской посуды довольно много узоров из оттисков зубчатого штампа и ямок. Оттиски шнура довольно мелкие. Редки геометрические узоры.

В Татарском Поволжье и устьевых районах Камы ананьинская керамика обычно также преобладает. Лишь на поселении Казан-

ка I она составляет 28% (остальная посуда — ниточно-рябчатая). Для ананьинских сосудов характерна горшковидная форма (чашевидных сосудов всего до 3,5%), преобладание узоров из круглых ямок (до 50%), много узоров из клиновидных углублений (от 21,8 до 43,1%), довольно мало узоров из оттисков шнура (от 7,1 до 15,7%) и зубчатых оттисков (от 1,9 до 23,8%), разнообразие орнаментальных мотивов.

Ананьинское население уже раннего этапа оказало значительное влияние на культуры финно-угров юго-западных районов России. В этом процессе ведущее значение имело, несомненно, установление близких контактов с населением с ниточно-рябчатой керамикой, формирование в ходе их смешения нового этноса ахмыловского облика. Очевидно, контакты эти были продиктованы экономической необходимостью западного населения. Результаты спектральных исследований металла как ананьинцев, так и западных групп населения с ниточно-рябчатой керамикой показывают, что обе группы металлических изделий изготовлены из цветного металла волгокамской и волго-уральской групп (Кузьминых. 1983). Это относится и к наиболее характерным этническим показателям двух групп населения — кельтам ананьинского и аозинско-меларского типов. К раннеананьинскому времени относится появление кельтов ананьинского типа или литейных форм для их отливки на западе от бассейна Оки до Скандинавии (Tallgren. 1911, 1937).

К этапу развитой ананьинской культуры относятся наиболее богатые погребения с яркими элементами скифского звериного стиля. Из них могилы С и G Ананьинского могильника отличаются сложными погребальными сооружениями. В первой из них выявлены конструкции из каменных плит, поставленных вокруг могилы, и слой бревен над погребенным. Во второй могиле открыты ладьеобразное сооружение размерами 2,5×1 м из больших каменных плит, слой дерева и вокруг них два кольца из каменных плит. Окружность внешнего кольца около 16 м. Захоронение мужчины находилось ниже уровня конструкций и сопровождалось богатым набором украшений, оружия и сосудом.

В одном из богатейших погребений (№ 94) Зуевского могильника найдены золотые кольца, железная бляха, покрытая золотом, богатый набор бронзовых бляшек на поясе и костяная подвеска к поясу со скульптурным изображением двух идущих один за другим медведей. На другой подвеске пояса из богатого захоронения 168 этого же могильника содержались интересные солнечные изображения, узоры из треугольников, двойной спирали и заштрихованных полос.

В женском погребении 15 Котловского могильника в области шеи костяка найдены бронзовая бляшка в виде двух стилизованных голов хищника, фигурка грифона с распущенными крыльями, бляшка с изображением человеческого лица и бронзовая ручка ножа или кинжала с изображением грифона.

А. В. Збруева (1952) отмечает появление новых черт в материалах погребений позднего этапа ананьинской культуры (III—II вв.

до н. э.). В это время широко встречаются вещи из железа, в том числе железные наконечники копий с плоским листовидным или ромбическим пером. Также широко встречаются бронзовые трехгранные наконечники стрел скифских типов. В женских погребениях впервые появляются шейные гривны (раньше с V в. до н. э. они встречены только с мужскими костяками), височные кольца, в том числе проволочные в виде арабской цифры «8», мелкие бронзовые и стеклянные бусы, бронзовые поясные крючки и амулеты из костей черепа человека. Новой чертой погребального обряда ананьинцев следует считать отсутствие в могилах сосудов и костей животных.

В наиболее позднем Уфимском могильнике на р. Белая найдены сильно стилизованные изображения хищного зверя и двух грифонов. Для позднего этапа ананьинской культуры характерна деградация скифских элементов культуры, а также многих характерных ананьинских черт. В материалах раскопок Уфимского могильника нет ни одного бронзового кельта. Вместе с тем, на позднем этапе появляются генетически связанные с предыдущими новые формы наконечников копий, ножей, гривен, височных колец. Эти формы послужили основой изделий последующей, пьяноборской культуры, развившейся на базе ананьинской.

На ряде ананьинских могильников сохранились черепа. Краниологический материал из Луговского могильника содержит европеоидные и монголоидные черепа (Трофимова). Преобладает ярко выраженный монголоидный тип с плоским, относительно низким и широким лицом, слабо выступающим носом и покатым лбом, низкого роста (у мужчин — 158—166 см, у женщин — 147—153 см). М. М. Герасимовым был воспроизведен облик человека по одному из описанных черепов. Такие же монголоидные черепа наряду с метисными формами обнаружены на Ананьинском могильнике. Из него происходят два изображения мужских фигур на каменных плитах. Первое (с лицом монголоидного типа) сопровождается выгравированными на камне кинжалом, колчаном, шейной гривной. Хорошо прослеживаются элементы одежды типа короткой куртки (или комбинезона), перетянутой поясом, и узких штанов, а также остроконечная шапка с опущенными ушами. На второй плите такие же короткий кафтан и узкие штаны, дополнительно украшенные тройными горизонтальными полосками. Возможно, последние передают аппликацию или вышивку на локтях, рукавах, коленях, поясе. Пять полосок изображены на вороте одежды и на шее — гривна. Очевидно, в обоих случаях передана одежда скифского облика, приспособленная к верховой езде.

Погребальный инвентарь могильников характеризует и другие детали мужской одежды: налобные бляшки, височные спирали, с V в. — шейные гривны, иногда богатый поясной набор из бронзовых парных бляшек, подвесок и наконечников.

Женский костюм богаче и разнообразнее. Головные украшения включают налобные венчики из тонкой сплошной медно-бронзовой пластины, из материи или кожи с нашитыми отдельными

ми бляшками, височные бронзовые подвески. На шее находились ожерелья, а на позднем этапе — гривна. Нагрудные украшения включали бронзовые бляхи, иногда в виде фигурки птицы или голов грифона, подвески или пронизки. Реже встречены браслеты и перстни. Некоторые элементы самой одежды переданы на глиняных женских статуэтках из Усть-Нечкинского, Юшковского, Конецгорского поселений: длинная прямая одежда с рукавами, одежда с поясом и передником, нагрудные вышивки и др.

Население ананьинской культуры приняло участие в формировании этнических особенностей многих поздних финно-угорских народов Европейской России.

Глава 5

ФИННОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА. ПОСЕЛЕНИЯ С НИТОЧНО-РЯБЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ.

НАЧАЛО эпохи раннего железа — исключительно важный период в истории финноязычных народов. В это время происходит консолидация финноязычных племен и формирование этнических черт, характерных для всех позднейших финноязычных народов Поволжья, Прибалтики, Карелии и Фенноскандии. Вместе с тем, в недрах огромной финноязычной общности от устья Камы до Скандинавии (автор склонен называть ее термином «финноязычный суперэтнос»; Патрушев, 1992) рождаются ростки этнических основ будущих отдельных финноязычных народов. По особенностям материальной культуры в ней можно выделить группы волжских, прибалтийских, карельских и, возможно, фенноскандских финнов.

Особый интерес представляет новый этнос, формирующийся в контактной зоне между приказанско-ананьинскими племенами финно-пермской группы и финноязычным населением с ниточно-рябчатой керамикой. На могильниках и поселениях переходного периода от эпохи бронзы к железному веку четко прослеживаются признаки обеих групп населения. Не случайно подобные памятники в 1960—1970-х годах одни исследователи относили к городецкой культуре (А. Смирнов, Трубникова, Гуляев), ошибочно считая «сетчатую» (то есть ниточно-рябчатую) керамику за признак раннегородецкой культуры, другие — к ананьинской (Халиков, Архипов, Патрушев). Однако явное отличие материальной и духовной культуры данного населения от ананьинской заставило пересмотреть вопрос об их культурной принадлежности, и автором (1982, 1984, 1986, 1989) подобные памятники выделены в особую культуру — ахмыловскую.

Формирование ахмыловской культуры первоначально происходило главным образом по берегам Волги и в устьевой части крупных ее притоков — Камы, Суры, Ветлуги, Свияги. Это территория Марийской, частично Чувашской, Татарской республик и Нижегородской области. Впоследствии памятники ахмыловского облика распространяются благодаря родственной среде населения с ниточно-рябчатой керамикой далеко на север и северо-запад до Костромского Поволжья и Вологодской области. В новых районах сохраняется сочетание на поселениях двух групп керамики — ниточно-рябчатой западного облика и гладкостенной восточного облика.

Культура получила название по полностью исследованному Старшему Ахмыловскому могильнику — крупнейшему во всем финно-угорском мире за всю первобытную историю. Именно в нем, как в фокусе, сконцентрировались этнические особенности всего финноязычного населения.

Юго-восточной границей ахмыловской культуры следует считать устьевые районы Волги. Наиболее восточным и ранним памятником является поселение Курган в Татарии. Здесь вместе, не разделяясь стратиграфически, встречена керамика приказанская, ананьинская, а также псевдосетчатая (9,6%). На поселении открыты два прямоугольных жилища наземного типа (12×4 и 10×4 м), углубленные в землю на 30—40 см (Старостин). Стены с внешней стороны укреплены столбами. Внутри жилищ находились очажные пятна. На городище Казанка I (выше по Волге, близ Казани у слияния Волги с Казанкой) ниточно-рябчатая керамика составляет уже 71,6%. Здесь же обнаружена литейная форма для отливки кельта аозинско-меларского облика VII в. до н. э. Она находилась в жилищном слое наземного жилища подпрямоугольной формы размерами 13×6,5 м. Котлован жилища углублен в землю всего на 20 см. По продольной оси жилища располагались три очага. Судя по столбовым ямам вдоль продольной оси, жилище было без потолка, с двускатным перекрытием.

Значительная группа поселений ахмыловской культуры открыта в Марийском Поволжье. Они представлены городищами и селениями.

Одним из характерных поселений начала эпохи железа является Копаньское городище в Марийской республике. Памятник расположен на крутом мысу правого берега Волги (рис. 19). Площадка городища подтреугольной формы длиной около 60 м и шириной немногим больше 25 м. С северо-восточной стороны площадка ограждена шишкообразным валом шириной около 20 м и высотой до 2 м. Наружный ров заплыл и почти незаметен. Южный склон мыса к Волге переходит в узкую стрелку. С площадки городища открывается широкий вид на реку.

Небольшие раскопки на городище проводились в 1929 г. Е. И. Горюновой. Значительная площадь в 1964 и 1971 гг. вскрыта автором. Городище датировано VI в. до н. э. по трубчатой пронизке из свернутой медной пластины, бронзовой круглой накладке, ана-

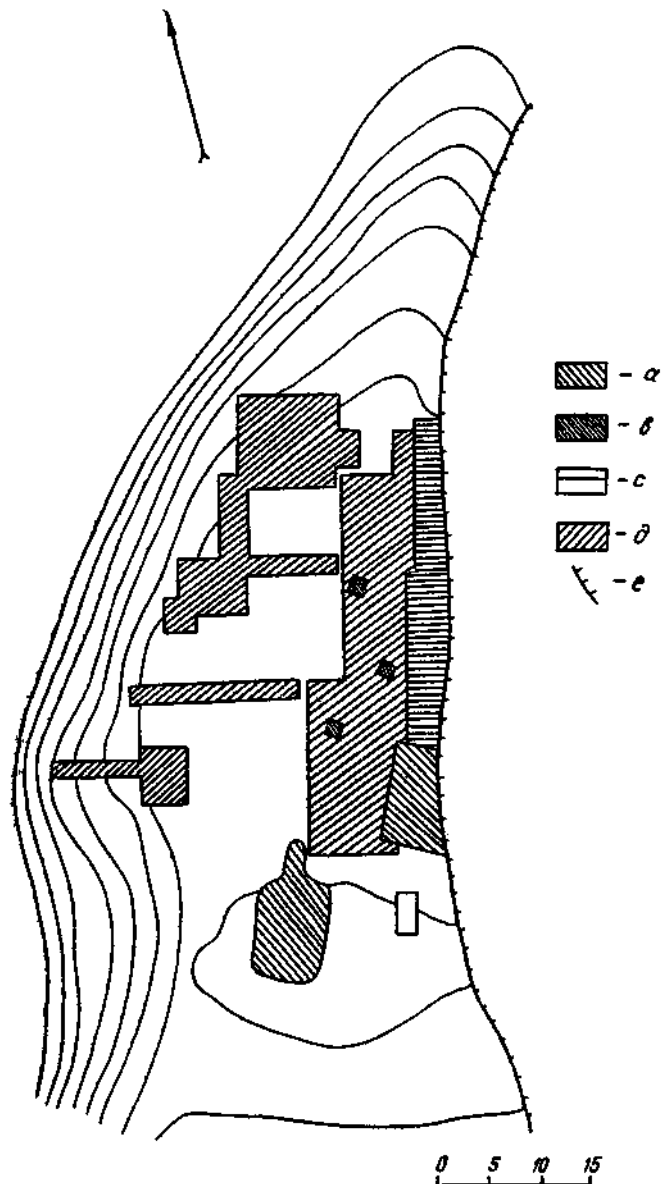

Рис. 19

логичным украшениям головного убора из Аозинского могильника (VII—VI вв. до н. э.), бронзовой бляшке с четырьмя выпуклинами (VI в. до н. э.), обломку железного топора и парной бляшке из бронзы. Были найдены фрагменты тиглей двух форм — плоскодонной и с округлым дном. Из глины изготовлены пряслица —

овальные в сечении и одно грибовидное «дьякова» типа, украшенное по одной широкой поверхности ямками. Обнаружены также фрагменты литейной формы для отливки украшений. Костяные изделия немногочисленны. Это рукоять ножа, пластинчатый наконечник стрелы с черешком, наконечник мотыги из трубчатой поллой кости с отверстием для крепления, тонкостенная низкая тарелочка из человеческого черепа диаметром 10—12 см и костяная лопаточка, возможно, используемая в бортничестве.

Интересный материал получен на Ардинском городище. Оно занимает мыс длиной 68 м, выступающий с востока на запад от коренной террасы речки Арда. Ширина площадки колеблется от 20 до 36 м, ее длина достигает 52 м, высота от уровня поймы речки — 17—18 м. С востока площадка городища защищена дугообразным валом высотой 2 м и заплывшим рвом. Раскопки городища проводились в 1975 г. (Архипов, Патрушев). Выявлены два культурных слоя. Верхний в виде темно-серой гумированной супеси дал материал древнемарийской культуры X—XII вв. Нижний слой городища ананьинского времени состоял из светло-серой гумированной супеси мощностью до 75 см. Среди многочисленных фрагментов керамики выделена посуда ананьинского облика (51,4%) с ниточно-рябчатыми отпечатками (48%). Остальные фрагменты содержат черты обеих групп (0,6%). Обнаружены кремневый черешковый наконечник стрелы с подтреугольным пером, железный нож с дуговидной спинкой, фрагменты глиняных тиглей, лопаточная кость животного с вырезанными знаками в виде двойных ломаных линий, крупные фрагменты от двух половинок литейных форм из плотного серого песчаника для отливки наконечников копий ананьинских форм. Подобные бронзовые наконечники характерны для VII—VI вв. до н. э.

Более сложная система укреплений была на Звениговском городище. Оно расположено на мысу, образованном коренной террасой правого берега Волги и оврагом, западнее г. Звенигово Марийской республики.

Площадка памятника (62×28—38 м) с напольной стороны укреплена тройной линией валов и рвов. Первый вал шириной 12, длиной 42 и высотой 2,5 м почти прямой. К западу от рва имеется свободная площадка шириной 12—14 м. Вторая и третья линии укреплений имеют более узкие и длинные валы и рвы подковообразной формы.

Городище частично исследовалось автором в 1978 г. Культурный слой достигает 72 см. В нем найдены фрагменты древнемарийской, ниже в одних слоях ананьинской и псевдосетчатой керамики.

Наиболее интересным комплексом являются Малахайские поселения, расположенные в Горномарийском районе, на правом берегу Волги. На коренной террасе, возвышающейся над уровнем Волги на 30—40 м, расположено Малахайское городище с двумя линиями укреплений, а за его валами — неукрепленное поселение и под ними на второй террасе — селище.

Вскрытие значительной площади автором на городище позволяет пересмотреть вопрос о культурной принадлежности Малахайского городища. Отнесение его к городищам культуры (А. Смирнов, Третьяков, Трубникова, Халиков) строилось на ошибочном отождествлении псевдосетчатой керамики с городищской посудой. На городище неравномерно представлены эпохи развитой бронзы с керамикой чирковского облика, раннего средневековья с древнемарийской керамикой и начала раннего железа с фрагментами керамики ананьинского облика и обнаруженными в тех же слоях и объектах псевдосетчатой керамикой. Мощность слоя эпохи железа в виде серой супеси достигает 80 см.

Особый интерес представляет жилище ананьинского времени. Судя по углистой массе на месте жилища и стратиграфическим наблюдениям, оно было наземного типа размерами 12,4×3,4 м со слабо углубленным в землю котлованом, деревянными стенами, очевидно, из бревен, поддерживаемых с двух сторон столбами, двускатной крышей, опирающейся на балку и стену. Внутри жилища находились два очага (один из них был обложен известняковыми и песчаниковыми каменными плитами). В жилище можно было попасть с помощью крытого хода, расположенного по южной длинной стене дома. К северной стене с внешней стороны примыкал пристрой или навес.

Кроме керамики на городище обнаружены тигли для плавки металла, терочники, песты и растиральные плиты, каменное ядро для пращи, наковальни из плотного песчаника, костяной предмет с отверстием (он напоминает мунштук духовых музыкальных инструментов марийцев), наконечники стрел из кости, бронзовая пронизка с треугольными прорезями и резными линиями по одной поверхности. Памятник датирован VII—VI вв. до н. э.

На нижнем поселении также исследованы прямоугольные на плане наземные жилища шириной 4,7—5,1 м. Длина их не сохранилась. Пол углублен в землю на 15—20 см. Судя по мощным углистым включениям, стены были из бревен. По углам находились столбы. Внутри жилища находился очаг овальной формы. У одного из жилищ имелся выход в сторону Волги и рядом с ним выложенный плитками известняка жертвенник округлой формы.

В районе жилищ найдены обломки глиняной посуды, плоскодонных и чашевидных тиглей, литейных форм, кости диких и домашних животных, бронзовый двухлопастной втульчатый наконечник стрелы с боковым шипом, спиральная височная подвеска из серебра, медная накладка от налобных украшений с орнаментом из точечных линий, парная накладка и трубчатая пронизка, костяные предметы. По датам находок селище, очевидно, функционировало одновременно с городищем.

Ананьинская керамика в сочетании с ниточно-рябчатой посудой в тех же горизонтах встречена на II Васильсурском, I Сомовском городищах на Волге и на Богородском городище на Ветлуге в Нижегородской области. Далее на север близкий облик культуры отражается в материалах Костромского Поволжья, кото-

рое Е. И. Горюнова (1963) включает в пределы уральской культурной области или, по крайней мере, считает пограничной территорией, на которой происходили стыки двух культур — ананьинской и «раннедыяковской». К числу таких смешанных памятников исследователь относит все поселения раннего железного века (Ватажка, Шунга, Станок, Борань, Минское городище), где много круглодонных сосудов, а на городище у с. Городище на правом берегу Волги, напротив Костромы, известна керамика с утолщением вокруг горла как на ананьинской посуде.

Комплексы ниточно-рябчатой керамики памятников начального этапа раннего железа Костромского Поволжья наиболее многочисленны. Их общее число, включенное в статистическую обработку на ЭВМ, составляет более 14 тысяч фрагментов. Количественно ведущее место среди них занимает керамика поселения Ватажка (Гурина. 1963). Памятник датирован от середины до конца I тыс. до н. э. Однако форма кельта аозинско-меларского облика, отличного в найденной на поселении форме, не может датироваться временем позже второй половины VI в. до н. э. Поскольку такие кельты относятся к кругу культур с псевдосетчатой керамикой (Meinander. 1954), начальная дата комплекса керамики также должна ограничиваться второй половиной VI в. до н. э. Кроме того, в керамике данного поселения нет поздних черт, и она довольно однообразная. Очевидно, верхнюю дату памятника следует ограничить в основном IV в. до н. э.

Помимо псевдосетчатой керамики на поселении Ватажка есть немного гладкостенной и штрихованной керамики. Близкие материалы получены на поселениях Станок, Пески и Борань, находящихся в настоящее время в зоне затопления Нижегородской ГЭС, к северо-западу от Костромы. Керамика с псевдосетчатыми отпечатками в синхронных комплексах составляет от 87,56% до 95,88%. Вместе с ней встречены гладкостенная и штрихованная керамика, не отличающаяся по другим разнообразным признакам от псевдосетчатой.

Наиболее позднее в хронологическом отношении из рассмотренных памятников Костромского Поволжья — Минское городище (II пол. I тыс. до н. э. — I—III вв. н. э., по Н. Н. Гуриной). Среди находок интерес представляют бронзовая крученая гривна (Гурина), VII—VI вв. до н. э., спиральная подвеска, железные ножи, костяные мотыга и пест.

На Минском городище в раскопках 1990—1991 гг. автором исследованы остатки жилища длиной около 18 м при ширине более 4 м. В одном конце дома обнаружена площадка, выложенная крупной галькой. В районе камней много следов металлургического производства — фрагменты ошлакированных сосудов, капли меди, медистый и железистый шлаки, куски железной крицы и др. В этом же углу жилища на площади 4,8×2,5 м обнаружены рассыпи обугленного зерна ячменя, пшеницы, проса. Здесь же в одной округлой яме размерами 0,8×1,2 м слой зерна достигал до 13 см. Это единственный случай обнаружения такого коли-

чества зерна на памятниках финноязычных народов. Часть зерна передана на исследования ученым Финляндии.

Псевдосетчатая керамика выявлена еще на 16 памятниках Костромского Поволжья.

Из памятников Ярославской области в статистическую обработку на ЭВМ включена ниточно-рябчатая керамика городища Грехов Ручей (П. Третьяков). Здесь она составляет 39,55%. Остальная керамика гладкостенная, без орнамента, эпохи раннего железа. Она обнаружена еще на ряде поселений.

Из более десятка поселений Тверской области в статобработку включен комплекс псевдосетчатой керамики городища у с. Городище.

Комплексы такой керамики из многочисленных поселений Вологодской области отражают материалы раскопок автором поселения Векса I VII—VI вв. до н. э. Здесь открыто жилище наземного типа, не отличающееся по конструктивным особенностям от одновременных жилищ Поволжья.

В жилищном слое обнаружены многочисленные следы металлообработки — фрагменты тиглей, капли меди, медистый шлак, несколько десятков фрагментов литейных форм и металлические изделия. Среди последних фрагменты гривен, навершие, фигурка человека на бронзовой пластине, кельт аозинско-меларского типа и др. (рис. 20).

Ниточно-рябчатая керамика памятников северо-западных районов России автором изучена недостаточно полно. В статобработку на ЭВМ включено ограниченное число комплексов из поселений Санкт-Петербургской области (Издады, Усть-Томица I) из раскопок Н. Н. Гуриной (1961) и Карельской республики (Келка III, Охтома I и III, Сомбома I, Кудома XI) из раскопок М. Г. Косменко (1988). Всего в Карелии известно 75 пунктов с такой керамикой. В Белозерье и Каргополье, в Вологодской и Архангельской областях таких мест открыто 85 (Манюхин). Из этих районов происходят бронзовые кельты аозинско-меларского облика из размытого поселения у с. Луковец, поселения Кинема и Кудома XI (рис. 20).

Таким образом, ниточно-рябчатая керамика в эпоху раннего железа характерна для обширной территории России от устья Камы в Поволжье до северо-западных ее пределов. В это время происходит определенная нивелировка основных признаков такой керамики, о чем говорят графы сходства по результатам вычислений критерия Стьюдента (рис. 14).

Расположение большинства поселений с ниточно-рябчатой керамикой продолжает традиции эпохи бронзы. Они располагаются компактными группами вдоль реки или по берегам озер в северных районах. Внутри больших групп выделяются более мелкие группы поселений, по 2—4 в каждой. В Поволжье в них обычно входят городище и близлежащие селища. Протяженность между крайними памятниками 15—30 км.

С середины I тыс. до н. э. резко падает количество вариантов

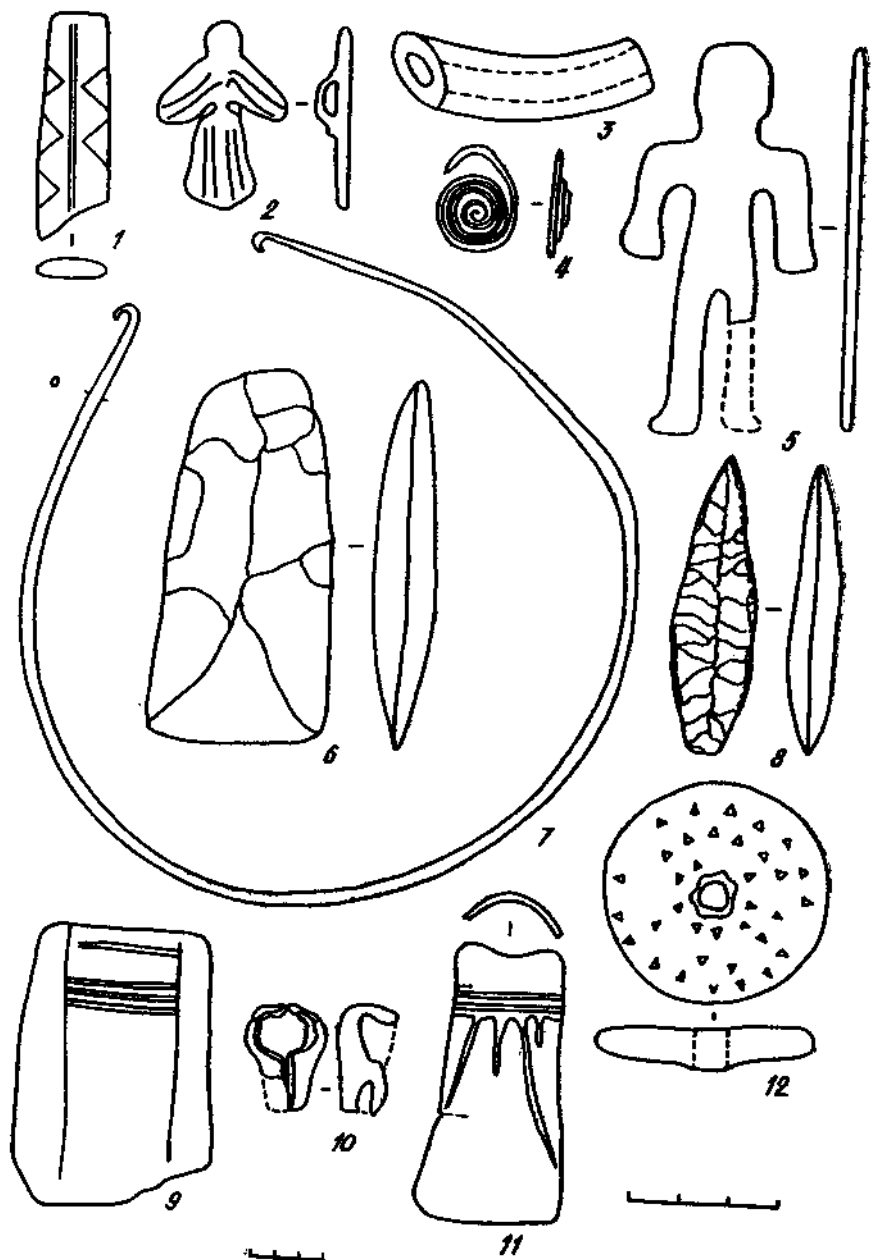

Рис. 20

ниточно-рябчатых отпечатков на поверхности, значительно возрастает число неорнаментированной посуды, а из 90 вариантов орнамента предыдущей эпохи на поздних памятниках едва насчитывается 12—14 (в основном это различные виды и сочетания ямок). Край венчика не содержит узоров. Границы распространения поздней группы такой керамики сужаются и ограничиваются районами Верхней Волги и Приочья. Поздней группе синхронна рогожная керамика городецкого облика. Близкая ранней группе ниточно-рябчатая керамика известна в Финляндии, Швеции и Норвегии. Однако вопрос о хронологических рамках бытования псевдосетчатой керамики остается открытым. Даты поселений с керамикой типа Сарса-Томица на юге Финляндии довольно широкие — 1500—1000 гг. до н. э. (Meinander, Huurre).

К. Мейнандер (1982) появление «текстильной» керамики относит к самому началу культуры киукайнен, которая господствует в 1800—1200 гг. до н. э. В то же время нижние рамки ранней псевдосетчатой керамики Верхнего Поволжья, скорее всего, должны быть ограничены временем не ранее XII в. до н. э. (по комплексам могильника Дикариха). А поскольку Верхнее Поволжье вместе с Прионежьем и Приладожьем входит в район формирования псевдосетчатой керамики, то западная группа, производная от восточной, не может датироваться более ранним временем. Правда, К. Мейнандер (1982) предполагает самостоятельное развитие «текстильной» керамики в Финляндии. В доказательство исследователь приводит некоторые различия в комплексах керамики восточной и западной групп и характер хозяйства: на Волге ранняя «текстильная» керамика относится к земледельческой культуре, а керамика Сарса принадлежит охотничье-рыболовческому населению. Вместе с тем, в Карелии «сетчатая» керамика также распространяется из Верхнего Поволжья в среде охотничье-рыболовческого населения.

Вывод о сходстве такой керамики подтверждается результатами вычислений критерия Стьюдента, среднего коэффициента сходства комплексов псевдосетчатой керамики Верхнего Поволжья и Карелии (рис. 14).

Одним из доводов параллельного развития «текстильной» керамики Поволжья и Финляндии К. Мейнандер называет факт некоторых различий такой керамики в указанных областях. На территории СНГ при наличии единого пласта псевдосетчатой керамики на всей территории ее распространения также выделяются отдельные районы с теми или иными характерными чертами местной посуды. Очевидно, это связано с восприятием населением с ниточно-рябчатой керамикой элементов местных культур.

Близость керамики типа Сарса-Томица псевдосетчатой керамике Приладожья и юго-западной Карелии неоднократно отмечали финские археологи (Meinander, Huurre).

Различия псевдосетчатой керамики отдельных областей вполне соответствуют характеристике этнической (культурно-исторической или любой археологической) общности. Д. Кларк (1968) подчерки-

вает, что внутри общности сходство комплексов должно составлять 5—30%, внутри археологической культуры — 30—65% и внутри локального варианта — 65—100%. Анализ комплексов псевдосетчатой керамики из памятников на территории России вполне укладывается в особенности археологической культуры.

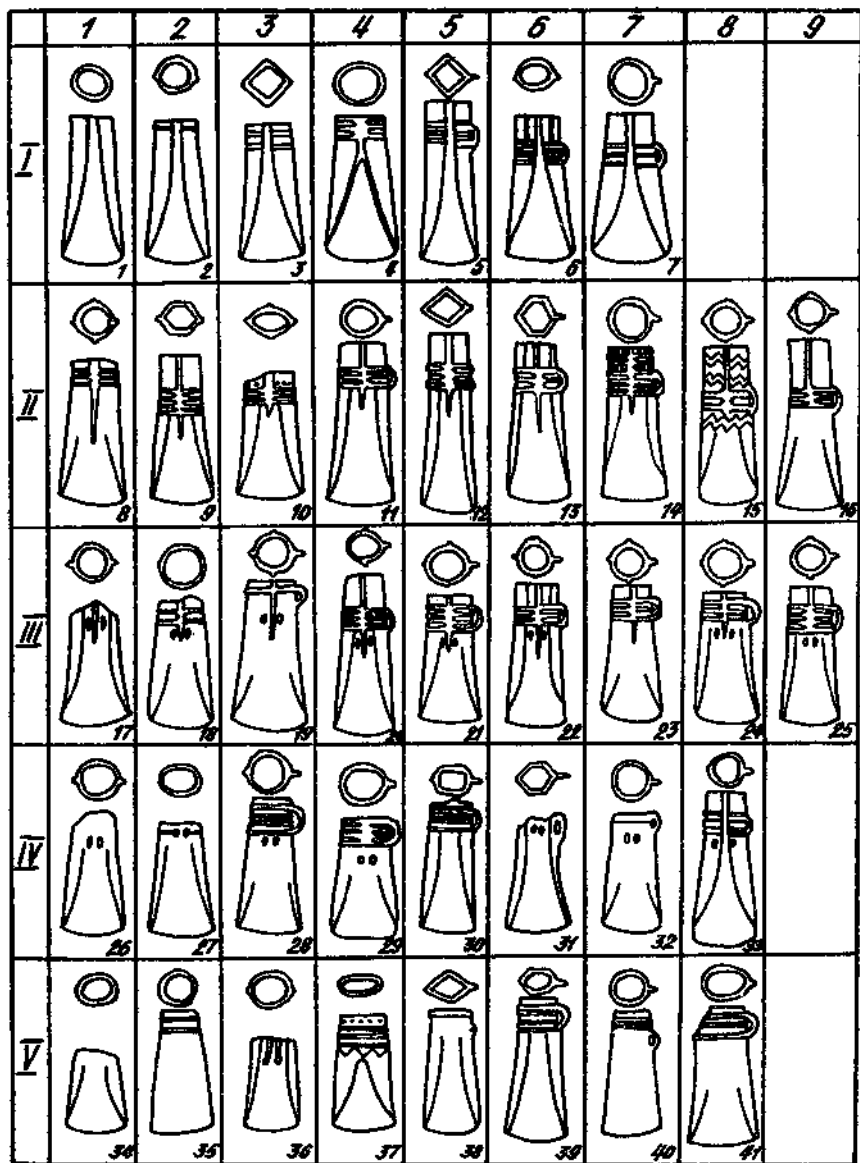
На имеющемся материале можно предполагать существование единой финно-язычной основы, представленной населением с ниточно-рябчатой керамикой. Общий пласт ее в основном приходится на конец II—I половины I тыс. до н. э.

Псевдосетчатая керамика на значительной территории и довольно долгое время сопровождается бронзовыми кельтами меларского (акозинско-меларского) облика или литейными формами для их отливки (рис. 21).

Наибольшее количество близких форм кельтов в Финляндии, Скандинавии и в Поволжье приходится на время бытования кельтов первого и второго типов по моей классификации (Патрушев. 1975), т. е. на конец VIII—VII вв. до н. э. Именно к этому времени относится большинство комплексов ниточно-рябчатой керамики как в Поволжье, так и в Вологодской, Архангельской областях, Карелии. В основном к этому же времени относится появление кельтов ананьинского облика или литейных форм для их отливки на западе вплоть до Скандинавии (Tallgren. 1911, 1937). Следует полагать, что кельты ананьинского облика попали сюда от населения ахмыловского облика, формирование которого происходило на базе населения с ниточно-рябчатой керамикой при значительном влиянии ананьинского населения. От устья Камы до бассейна Оки на могильниках ахмыловской культуры вместе встречаются акозинско-меларские и ананьинские кельты (Meinapend. 1985, Патрушев. 1984 и др.). Данный факт вполне согласуется с наличием ананьинских и ниточно-рябчатых комплексов керамики на одних и тех же поселениях, слоях и жилищах (селище Курган в Татарском, городища Ардинское и Малахайское в Марийском, I Сомовское и II Васильсурское в Нижегородском, Минское в Костромском Поволжье, Векса I в Вологодской области).

Очевидно, именно формирование нового этноса на базе населения с псевдосетчатой керамикой и приказанско-ананьинских племен вызвало движение племен ахмыловского облика на запад. А присутствие ананьинского компонента и, возможно, вовлечение в движение новых групп ананьинского населения, связанного эндогамно-экзогамными брачными отношениями с племенами с псевдосетчатой керамикой, стало причиной проникновения ананьинских элементов культуры до западных регионов населения с псевдосетчатой керамикой.

Подобное распространение признаков археологических культур вполне согласуется с идеями Л. Н. Гумилева (1989) о пассионарности в истории развития этносов. Пассионарность, по Л. Н. Гумилеву, — наследственный признак, вызывающий к жизни новые комбинации этнических субстратов, преобразая их в новые субэтнические системы. При этом образуются суперэтносы как группа

0 3
 1 2 3 4 5 6 7 8 9

этносов, одновременно возникших в определенном регионе, взаимосвязанных экономическим, идеологическим и политическим общением.

У населения с псевдосетчатой керамикой налицо все признаки суперэтнуса, объединившего в субэтническую систему все финноязычные этносы со своими локальными особенностями. Данный суперэтнос вполне можно назвать финноязычным, а основными его археологическими признаками — ниточно-рябчатую керамику и акозинско-меларские кельты.

Финноязычный суперэтнос XII—VI вв. до н. э. в значительной мере был связан с кругом индоевропейских племен балтского этнического облика. Анализ материалов из поселений с комплексами псевдосетчатой керамики показывает наличие штрихованной керамики, отождествляемой археологами с балтским этносом (Моора, П. Третьяков, Седов и др.). Судя по результатам статистической обработки комплексов керамики начала эпохи раннего железа на ЭВМ, штрихованная керамика в чистом виде на памятниках Поволжья (от Татарии до Костромской области) составляет до 2,8% всей керамики. Кроме того, на внешней поверхности сосудов нередко сочетаются штрихованные, ниточно-хаотичные и различные виды рябчатых отпечатков, составляющие вместе до 17% общего числа фрагментов керамики. Штрихованная керамика встречается также в комплексах псевдосетчатой посуды Вологодской, Ленинградской областей, Карелии и Эстонии. Налицо смещение традиций изготовления псевдосетчатой и штрихованной керамики. Любопытно отметить также наличие псевдосетчатой керамики в комплексах штрихованной посуды. Так, в центральной и юго-восточной Латвии она составляет от 1,3 до 4%, а в северо-восточной Латвии достигает 46% общего количества фрагментов (Васке).

На территории Латвии с комплексами штрихованной керамики встречены акозинско-меларские кельты (Лухтан).

Взаимодействие двух субэтнических систем (балтоязычной со штрихованной керамикой и финноязычной с псевдосетчатой керамикой) приводит к появлению в пограничных зонах между ними нового этноса. А на базе племен финно-балтского облика при сильном влиянии верхнеднепровского населения (П. Третьяков, 1966) формируется дьяковская культура. По мнению автора, она не могла формироваться на основе поздняяковской культуры. Как отмечалось выше, поздняяковские племена в основном уже к рубежу II—I тыс. до н. э. были ассимилированы населением с псевдосетчатой керамикой. Поздняяковские элементы могли проявляться в нем только как воспринятые населением с псевдосетчатой керамикой черты. Так называемая «сетчатая» керамика ранних памятников дьяковской культуры, — это элемент финноязычного суперэтнуса, ранее выделенного в культуру «текстильной» керамики (Meinander, 1954). Как формы сосудов, так и элементы орнамента, и характер «сетчатых» отпечатков ранних дьяковских городищ вполне укладываются в характерные признаки ниточно-рябчатой

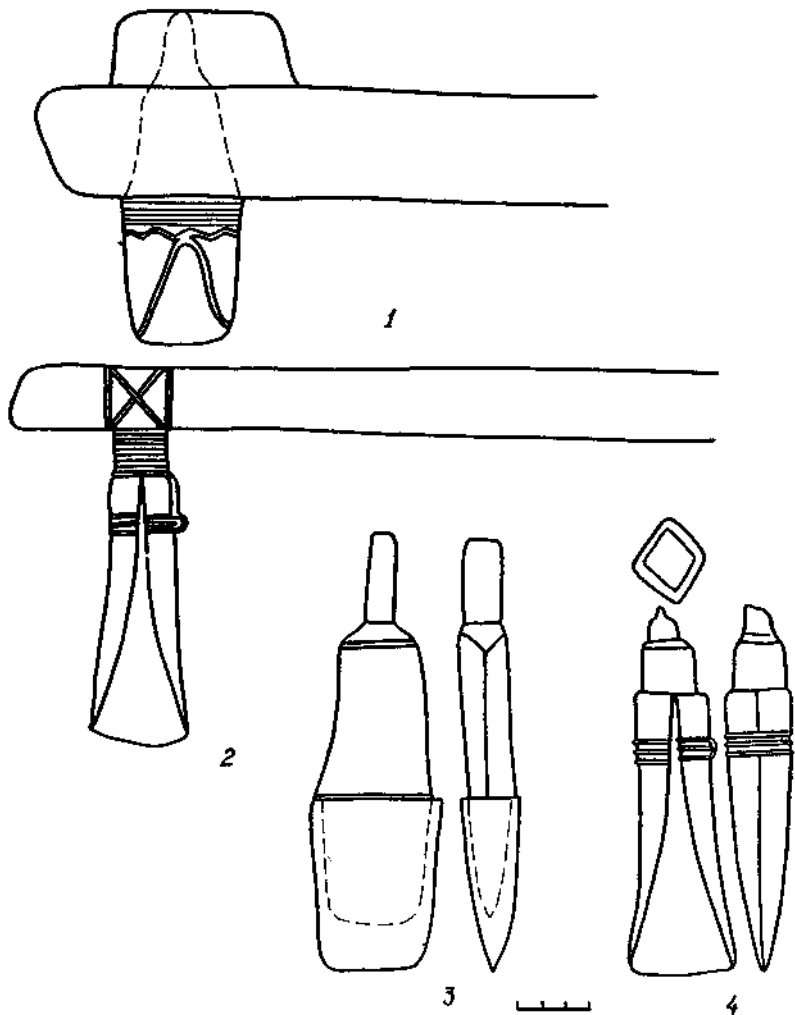

Рис. 22

керамики. Однако на дьяковских памятниках уже в начале эпохи раннего железа значителен процент гладкостенной и штрихованной посуды. Так, на Щербинском городище (Розенфельдт) в нижнем горизонте нижнего слоя встречены различные группы керамики («сетчатой» — 52,6%, штрихованной — 17,5%, гладкостенной — 29,9%), представляющие, очевидно, три основных компонента дьяковской культуры.

Определенные коррективы, должны быть внесены в характеристику городищной культуры. Так называемая сетчатая раннегоро-

децкая керамика типа Якимановского селища и Кондраковского городища (Трубникова) полностью характеризует признаки псевдосетчатой керамики позднего этапа. Такой признак, как «сетчатые» отпечатки на поверхности «раннегородецкой» посуды, вероятно, должен быть исключен из характеристики городецкой культуры. «Сетчатая» керамика городецкой культуры — это та самая основа финноязычного суперэтноса, которая при смешении с другими группами населения оказала влияние на формирование собственно городецкой рогожной керамики. Вследствие этого началом городецкой культуры следует считать распространение рогожной керамики.

Отдельные части финноязычного суперэтноса приняли активное участие в формировании более поздних народов. Население ахмыловского облика составило общность волжских финнов — предков марийцев, мери, муромы (Патрушев. 1988). Впоследствии в этнических процессах, вероятно, принимают участие племена дьяковского и городецкого облика. Учитывая факт участия в формировании этих культур населения с ниточно-рябчатой керамикой, можно говорить о единых истоках всех волжских финнов, включая и предков мордвы, поскольку формирование последних происходило на базе городецкой культуры (А. Смирнов. 1965). В северо-западных районах России также несомненно участие в этнических процессах племен с ниточно-рябчатой керамикой.

Таким образом, на базе финноязычного суперэтноса XII—VI вв. до н. э. происходило формирование этнических основ более поздних финно-язычных народов как в восточных, так и западных районах их расселения. Об их единых этнических истоках свидетельствуют многочисленные этнографические и языковые параллели, общие черты духовной и материальной культуры, общие обычаи, оригинальный стереотип поведения, свойственные лишь народам с общим происхождением.

Глава 6

МОГИЛЬНИКИ АХМЫЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ. ВЕЩЕВЫЕ КОМПЛЕКСЫ. ИСТОКИ РОДСТВА ВОЛЖСКИХ ФИННОВ

МОГИЛЬНИКИ ахмыловской культуры наиболее ярко характеризуют особенности оставившего их населения. В планировке древних кладбищ, в инвентаре, в характерных чертах погребального обряда отражаются экономика, социальные отношения, этнические особенности, этнографический облик населения, культурные связи, черты искусства, различные стороны духовной культуры.

Основной материал для характеристики культуры дает Старший Ахмыловский могильник.

Памятник находился на восточной окраине д. Ахмылово Коротнинского сельсовета Горномарийского района Марийской республики на невысокой террасе Ахмыловского озера и занимал площадь более 11 тыс. кв. м. Поверхность его без внешних признаков могил длительное время распахивалась. Старший (в отличие от Младшего, древнемарийского, расположенного здесь же) Ахмыловский могильник, открытый в 1960 году, исследовался в течение двенадцати лет под руководством А. Х. Халикова и В. С. Патрушева (1982).

Всего на раскопанной площади (13 836 кв. м) вскрыто 946 погребений (вместе с погребальными комплексами, камерами, вводными и разрушенными захоронениями, у которых тип обряда не определен). Памятник исследован полностью.

Могильник датирован концом VIII—VI вв. до н. э. (Патрушев, 1984).

В настоящее время место могильника почти полностью затоплено Чебоксарским водохранилищем.

От Старшего Ахмыловского могильника недалеко находится Акозинский могильник. Он располагался на первой наддуговой террасе правого берега Волги. Площадка памятника без признаков могил.

Раскопки могильника проводились в 1950—1958 гг. А. Х. Халиковым (1962), в 1971—1973 гг.— автором (Патрушев, 1982). Всего за эти годы на площади более 2 тыс. кв. м вскрыто 103 погребения. Могильник датирован VII—VI вв. до н. э.

Между Старшим Ахмыловским и Акозинским могильниками на левом берегу Волги в зоне затопления Чебоксарской ГЭС открыт Козьмодемьянский могильник VII—VI вв. до н. э.

В Чувашии близкий материал дал Убеевский могильник на р. Цивиль, правом притоке Волги.

К Акозинскому и Старшему Ахмыловскому могильникам близок Пустоморквашинский могильник, недалеко расположенный и территориально. Он находится на мысу, образованном второй террасой правого берега Волги и берегом р. Пустая Морквашка, между Казанью и Свияжском. В 1927 году В. Ф. Смолиным на могильнике заложено 13 небольших траншей, давших интересный комплекс вещей, опубликованный А. В. Збруевой (1952). Раскопки памятника продолжены в 1970-х годах (Халиков, Патрушев, 1980).

Многие черты могильников марийского края прослеживаются в погребениях Тетюшского могильника, вследствие чего его следует включать в число памятников ахмыловской культуры. В частности, здесь автором открыты «дома мертвых».

Сходство с Акозинским и Старшим Ахмыловским могильниками в значительной мере прослеживается в материале Младшего Волосовского могильника на Оке, где обнаружены акозинско-меларские кельты с трубчатой втулкой и кельты ананьинского облика (Городцов).

Материалы могильников ахмыловской культуры автором классифицированы, затем обобщены и систематизированы на ЭВМ

ЕС-1033 в Информационно-вычислительном центре Марийского университета вместе с раннеананьинскими материалами Прикамья. Составлен банк данных, включающий полную характеристику 1 388 погребений 19 могильников Волго-Камья. По особой программе проведены исследования сходства и различия комплексов, хронологических и территориальных групп погребений и т. д.

Раскопки памятников ахмыловской культуры дали многочисленные предметы — орудия труда, оружие, глиняную посуду, украшения, уздечные принадлежности и бытовые предметы. Так, например, только из могил Старшего Ахмыловского могильника происходит 4 935 изделий, из них больше всего медных и бронзовых (2 575), железных (699), биметаллических (11), серебряных и золотых (12), а также каменных (221), костяных (115), глиняных (82). Здесь же обнаружены многопастовые и стеклянные бусинки и даже остатки кожи, ткани, дерева.

При анализе вещевых комплексов могильников важное значение, помимо классификации, имеет датировка отдельных форм находок и закрытых комплексов погребений. Автором использованы различные методы датировки, проверяющие и дополняющие друг друга. Это основанные на типологическом методе схемы развития основных категорий находок, которые используются при датировке закрытых комплексов погребений. Комплексами находок подтверждается одновременное бытование изделий в узкие промежуточные времена.

Сравнительная датировка находок, благодаря обилию кавказских, скифских, сакских изделий, в значительной мере помогает уточнить и сузить даты комплексов погребений.

Даты погребальных комплексов уточняются и подтверждаются методом исследования взаимозависимости находок разных категорий и типов в отдельных комплексах. При этом использование возможностей теории вероятности позволяет выделить хронологически одновременные группы находок и последовательную смену таких групп за время функционирования могильника (Федоров-Давыдов). Ввиду огромной трудоемкости вычисления критерия взаимовстречаемости (или показателя сопряженности) данная работа проведена только для комплексов Старшего Ахмыловского могильника (для этого потребовалось автору провести на калькуляторе более двух миллионов арифметических и алгебраических действий!). В результате выделены три стадии развития могильника: 1) — конец VIII — первая половина VII вв. до н. э.; 2) — вторая половина VII — начало VI вв. до н. э.; 3) — VI в. до н. э., за исключением начала и конца века. Общая дата данного могильника, таким образом, конец VIII (или рубеж VIII—VII) — третья четверть VI вв. до н. э. Даты форм находок Старшего Ахмыловского могильника подтвердились установлением относительной хронологии пересекающихся погребений, определением узких дат комплексов погребений или единовременных сложных погребальных сооружений в виде домов мертвых (в них открыто от 3 до 21 погребения). Более подробно методика датировки представ-

лена в моей книге «Марийский край в VII—VI вв. до н. э.». Даты форм находок из Ахмылова стали своеобразными эталонами при датировке находок других памятников.

Одним из наиболее выразительных предметов ахмыловской культуры являются аозинско-меларские кельты (рис. 21). При помощи сомкнутой прямой втулки без обуха, опущенной к лезвию примерно на $\frac{2}{3}$ длины, кельт прикрепляется к вытянутой параллельно лезвию деревянной рукоятке (рис. 22). По широкой плоскости кельтов нанесены различные узоры, характерные для определенных форм.

Кельты аозинско-меларского типа (224 экземпляра) имеют вытянутое втульчатое тулово с округлым или подромбическим сечением, слегка округлое или реже почти прямое лезвие, длина которого больше диаметра тулова (рис. 21). Все они, кроме деформированных, имеют боковое ушко, расположенное в 2—5 см от края втулки или приближенное вплотную к последнему. От ушка вокруг тулова отходят 3—4 горизонтальных валика. Среди них выделено пять типов. Изделия первого отличает подтреугольная грань по продольной оси широких плоскостей. Кельты второго украшены вертикальными валиками и 1—7 горизонтальными полосками, реже зигзагами и рядом выпуклин. Орудия третьего типа орнаментированы дополнительно полулунными ямками у нижнего конца вертикального валика, а четвертого лишь полулунными вдавлениями и горизонтальными валиками. Пятый тип включает изделия, содержащие только горизонтальные валики и один вообще без орнамента.

Кельты аозинско-меларского типа появляются на рубеже VIII—VII вв. до н. э. и бытуют до конца VI в. до н. э.

Кельты ананьинского типа рассмотрены при характеристике ананьинской культуры. В Поволжье их общее количество (248) небольшое.

Рассмотрена выше также группа бронзовых наконечников копий. В Марийском и Чувашском Поволжье их насчитывается более 50, более 10 происходят из могильников Татарского Поволжья.

Только для ахмыловского населения характерны железные наконечники копий. Из могильников Марийского Поволжья их известно около 100 экз. Более 20 найдено в Татарском Поволжье.

Формы железных наконечников разнообразнее. Они также имеют листовидное перо и округлую втулку (рис. 23, 1, 2). По завершению втулки у острия или его основания (наличие или отсутствие ребра по продольной оси пера) все наконечники подразделяются на три типа. По характеру соотношения длины втулки к длине пера выделены виды, внутри которых по форме лопастей пера выделены разновидности. Первый тип составляют наконечники с длинной втулкой, проходящей ребром по продольной оси пера и завершающейся у его острия. Размеры наконечников варьируют от 195 до 200 мм. Наконечники первого типа находят широкие аналогии на Северном Кавказе.

Во второй тип входят находки, втулка которых завершается

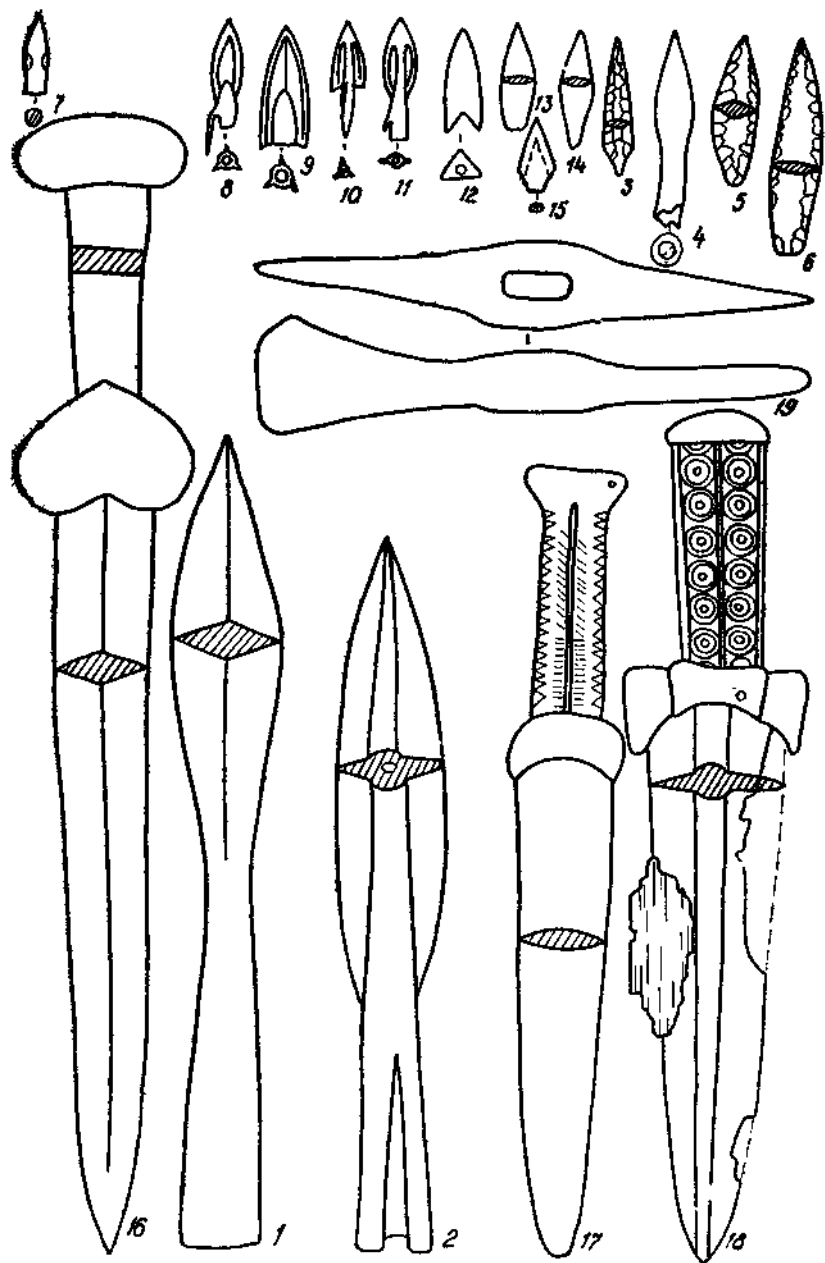

Рис. 23

в основании листовидного пера, но по его продольной оси проходит реберчатый выступ, имитирующий продолжение втулки. Такие наконечники являются, скорее всего, непосредственным развитием изделий первого типа, усложненным усилением скифского влияния.

У изделий третьего типа втулка также завершается в основании пера, но реберчатый выступ по продольной оси пера отсутствует (сечение пера линзовидное или подромбическое). Среди находок данного типа появляются остролистные наконечники скифского облика. Размеры наконечников 155—380 мм.

Свидетельством переходного периода от эпохи бронзы к железному веку являются биметаллические наконечники копий (втулки из бронзы, перо железное) из Старшего Ахмыловского и Пустоморквашинского могильников.

Следует признать, что копьё у ахмыловцев были наиболее популярным видом оружия по сравнению с южными соседями, племенами савромат Нижнего Поволжья, а также Средней Азии и Сибири, где копьё практически не использовались (К. Ф. Смирнов, Членова, Вишневская). А. Х. Халиков считает, что по использованию копий ахмыловские воины стояли в одном ряду с воинами Кавказа и, возможно, Скифии (Техов, Мелюкова), а также с широким кругом европейского населения, вплоть до берегов Атлантики (Dechelette).

Об использовании лука и стрел ахмыловцами можно судить по находкам наконечников стрел, а также по крючкам для горита и бронзовому наконечнику от лука в виде головки хищной птицы, аналогичному подобным изделиям из скифских памятников.

Из памятников Поволжья известно 268 наконечников стрел, из них 26 кремневых, 28 костяных, 106 железных и 108 бронзовых.

Кремневые наконечники (рис. 23, 3, 5—6) изготовлены из местных пород кремня коричневого цвета или кварцита и за исключением единичных изделий тщательно обработаны двусторонней ретушью. Перо в сечении уплощенно-линзовидное, лишь у некоторых более широкое сечение и слабовыраженное продольное ребро. Длина наконечника колеблется от 2,3 до 9,6 см.

По форме наконечники подразделяются на три типа: I — листовидные, II — с треугольным пером, III — ромбической формы.

Формы всех типов наконечников стрел восходят к местным прототипам от эпохи неолита до финальной бронзы (Халиков, 1977).

Костяные наконечники черешковые или втульчатые (рис. 23, 4). Больше всего их найдено на Старшем Ахмыловском могильнике, но были они и на других. Все наконечники тщательно обработаны, длина их колеблется от 2,8 до 16,5 см. По характеру крепления среди них выделено два отдела: черешковые (А) и втульчатые (Б), подразделяющиеся по сечению на три типа: трехгранные, четырехгранные, уплощенно-линзовидные. Черешковые наконечники наиболее многочисленны.

По сравнению с ананьинским Прикамьем костяных и кремневых стрел в Поволжье немного.

За основу классификации бронзовых наконечников стрел положена типология К. Ф. Смирнова савроматских наконечников. Они делятся на группы втульчатых и черешковых, а втульчатые на отделы по поперечному сечению головки стрелы и типы по форме головки и насада. Всего выделено четыре отдела: двухлопастных, трехлопастных, трехгранных, четырехгранных, а также некоторое количество типов и их вариантов (рис. 23, 7—12).

Железные наконечники происходят только из волжских могильников. По характеру крепления к дереву они подразделены на два типа — втульчатые и черешковые, среди которых в свою очередь по форме пера выделены отдельные виды (рис. 23, 13—15).

Выделяется также группа деревянных наконечников стрел (6 экз.). Все они в сечении линзовидные, листовидной формы (погребение 704 Старшего Ахмылова). Вероятно, в могилу стрелы были положены целыми, но благодаря консервирующим свойствам окиси бронзы от оказавшихся поблизости бронзовых наконечников стрел сохранились лишь их рабочие концы.

Анализ материала позволяет сделать некоторые общие выводы. Наиболее архаичным являются кремневые стрелы, большая часть которых датируется концом VIII—VII вв. до н. э. и продолжает развитие форм эпохи бронзы. Впоследствии они постепенно выходят из употребления.

Костяные наконечники встречены как в ранних, так и поздних комплексах. Характерно, что они постепенно уменьшаются в размере. Их малочисленность в сравнении с находками на синхронных ананьинских памятниках Прикамья и Поволжья следует считать одной из ярких своеобразных черт Поволжья. Скорее всего, это объясняется ранним появлением железных стрел, которые в рассматриваемых нами памятниках представлены в большом количестве. В Прикамье они сравнительно редки и появляются не раньше VI в. до н. э. (Збруева). В синхронных раннескифских памятниках они также немногочисленны, а на савроматской территории известна только одна находка в комплексе II пол. VI в. до н. э. (Мелюкова, К. Смирнов).

С распространением легких бронзовых стрел, характерных для ираноязычных кочевников южных степей Евразии, одновременно, очевидно, появляются небольшие луки, так называемого скифского типа. Зооморфный наконечник такого лука найден в погребении 926 Старшего Ахмылова. Как правило, они сопровождаются богатым набором других видов оружия. В отличие от них кремневые, костяные, а также крупные железные сравнительно редко встречены с богатым набором оружия и использовались, возможно, в основном как орудия охоты. Вместе с тем, даже в условиях отношений военной демократии войны в мирное время оставались охотниками. Например, в погребении 704 Старшего Ахмылова есть костяные и даже остатки деревянных стрел, используемых, очевидно, в охоте на дичь.

Деревянные и костяные наконечники у финноязычных народов дожили до недавних времен. Они, например, встречены на

марийских могильниках вплоть до XVIII в. (в материалах раскопок автора на могильнике Сосновая грива). У марийцев даже есть особое название для костяных наконечников стрел — «ноло». Последние были наиболее популярны вплоть до XIX в. (Крюкова).

Менее распространенным видом оружия у ахмыловцев были кинжалы (24 экз., рис. 23). Часть из них с железным клинком и бронзовой или биметаллической рукоятью, другие цельножелезные. Биметаллические кинжалы разных типов: массивный со сплошной бронзовой рукоятью, украшенной двумя рядами кружков, с рукоятью из бронзовых и железных полос, бронзовая рукоять украшена насечками или впаянными колечками по бокам, плоская бронзовая рукоять с рельефными узорами в верхней части украшена двумя головками животных. Интерес представляет однолезвийный кинжал из Ахмылова с цилиндрической бронзовой рукоятью.

Отдел цельножелезных кинжалов включает формы, известные в скифо-савроматском мире (Мелюкова, К. Смирнов). Одни из них с брусковидным навершием и перекрестьем, другие имеют сердцевидное перекрестье. Два кинжала с брусковидным и грибовидным навершиями без перекрестья. Есть экземпляр с почковидным перекрестнем. Навершие одного кинжала оформлено в виде бараньих рогов (двойных волют).

Большое число находок из Поволжья может свидетельствовать о местном изготовлении по привозным образцам.

Железные топоры (22 экз.) по назначению делятся на рабочие и боевые (рис. 23). Рабочие отличаются массивным обухом, большим овальным проухом и клиновидностью очертаний. Они близки между собой. Боевые топоры имеют узкие вытянутые очертания. Проух находится в средней части оружия. По форме и назначению среди них выделены четыре типа: топоры-молоты с расширяющимся к концу обухом; топоры-чеканы с узким вытянутым обухом; топоры-клевцы с клиновидным завершением обуха; двулезвийные топоры-секиры. Все указанные типы датируются VI в. до н. э.

Из могильников ахмыловской культуры происходит интересный набор металлических, глиняных и каменных орудий труда. Это железные кельты, ножи, кочедыки, пряслица, терочники, оселки и др.

Железные кельты довольно однообразны. Все они имеют округлую в сечении вертикальную, обычно разомкнутую, втулку и расширяющуюся к лезвию рабочую часть. Всего их известно 18 экземпляров. Большинство из них найдены в виде отдельных находок с площади могильников. Последнее обстоятельство А. Х. Халиков (1977) объясняет их назначением — ими рыли могильные ямы, а в быту древнего населения они использовались в качестве мотыг, тесел и, возможно, наконечников рала при пахоте.

К металлическим орудиям труда относятся бронзовые тесла. Они подпрямоугольно-клиновидных очертаний со слегка расширяющимся у лезвия краями (рис. 24, 29).

Металлические ножи многочисленны. Всего из Поволжья происходит 445 ножей (Ахмыловский могильник — 367 экз., Акозин-

ский — 66 экз. и т. д.). В основном они из железа, но найдены также три бронзовых. Железные ножи по характеру изгиба и лезвия А. Х. Халиковым (1977) подразделяются на типы: I — с прямой спинкой и выпуклым лезвием, II — с выпуклой спинкой и прямым лезвием, III — с выпуклой спинкой и выпуклым лезвием. Шилья в основном происходят из Старшего Ахмыловского могильника, но единичные находки известны из Акозинского могильника. Выделено два типа: I — из круглого стержня; II — из прямоугольного в сечении стержня.

Единственная бронзовая игла с ушком происходит из женского погребения 729 Старшего Ахмыловского могильника.

Небольшую, но интересную группу орудий труда составляют бронзовые кочедыки, используемые для плетения из лыка. Рукоятки двух таких изделий из Старшего Ахмыловского могильника оформлены в виде конских головок (рис. 24, 1, 3).

Напрясла или пряслица, надеваемые на один конец веретен для ускорения вращения, имеют округлую форму и изготовлены из глины или реже бронзы и камня. Их формы различны: в сечении линзовидные или овальные, подпрямоугольные, подтрапецевидные, биконические, реже шаровидные или ассиметричные грибовидных очертаний с выступом с одной стороны (рис. 24, 30—31).

На памятниках Марийского Поволжья представлены также орудия труда из камня. Терочные камни, изготовленные из темных пород кварцита, сланца или плотного сливного красноватого песчаника, подразделяются на песты, терочники и растиральные плиты. Песты и терочники в большинстве случаев округло-вытянутые, реже уплощенные.

Оселковидные подвески (рис. 24) изготовлены обычно из плотного красноватого песчаника, реже сланца и мрамора. Всего их известно 84 экземпляра. По форме они весьма разнообразны. Выделяются два основных типа: I — овально-линзовидные в поперечном сечении; II — оселки с выделенными в сечении гранями.

Об использовании ахмыловцами лошадей для верховой езды говорят уздечные принадлежности.

Многочисленные находки конских уздечек можно сгруппировать по их назначению. Это удила, псалии, бляшки-пронизки для ремней и накладки от ремней (рис. 24).

Удила составляют наиболее значительную часть узды. Они соединялись при помощи псалиев к ее ремненным частям и служили для управления конем. Изготавливались из железа или бронзы. Последние представлены изделиями двух типов: 1) двукольчатые из круглого в сечении гладкого, перевитого и орнаментированного продольным желобком и поперечными насечками дрота; 2) стремечковидные из гладкого и орнаментированного дрота, округлого или полуовального в сечении. На могильнике они встречены в комплексах VII и конца VII — первой половины VI в. до н. э. Железные удила все однокольчатые. Различия между отдельными экземплярами проявляются в характере оформления колец, длине и толщине стрежня. В Поднепрорье и на Северном Кавказе одноколь-

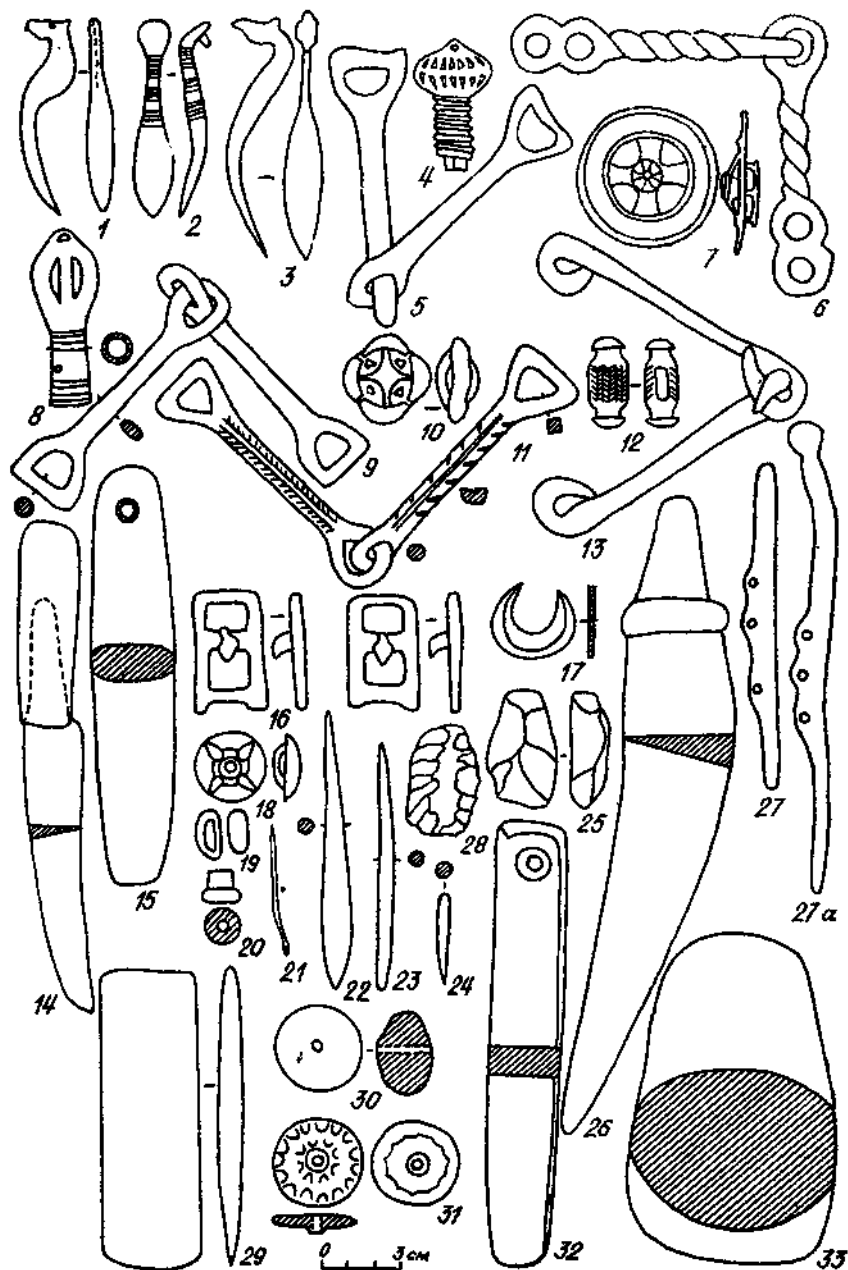

Рис. 24

чатые удила из железа встречены также в комплексе VII в. до н. э.

Псалии прикреплялись перпендикулярно к внешним кольцам удила и предвращали их передвижение в пасти коня. В Поволжье известны находки костяных псалий (Акозино), близкие по форме к ранним южным изделиям VIII—VII вв. до н. э., а также 11 железных экземпляров. Среди последних выделяются трехдырчатые с тремя боковыми петельками, двухдырчатые, двухпетельчатые в сохранившихся случаях эсвидной формы. Судя по южным аналогиям и сопровождающим датированным комплексам могильников марийского края, трехдырчатые и трехпетельчатые псалии более ранние, чем двухпетельчатые.

Совместно с удилами и псалиями обнаружены другие уздечные принадлежности — пронызки от перекрещивающихся ремней, бляшки, накладки.

Комплексы могильников ахмыловского облика позволяют представить этнографический облик населения, обитавшего в Поволжье примерно 2700—2500 лет назад. Поскольку о более древних костюмах в крае почти нет данных, мы имеем возможность познакомиться с самыми древними корнями финноугорского костюма. Элементы его, являясь наиболее ярким этническим показателем, долго сохраняют традиционные признаки и живо передают новые этнические веяния. Кроме того, массовый материал по костюму может характеризовать социальную структуру древнего общества.

Для конца VIII—VI вв. до н. э. следует отметить слабую дифференциацию женских и мужских украшений. Наиболее массовые находки (височные подвески, шейные гривны, нагрудные бляхи) встречены в обеих группах захоронений. Вместе с тем, есть и отличия. Только мужские погребения содержат одинарные налобные бляхи и остатки поясов. Женский костюм разнообразнее и богаче. Он включает составные налобные венчики, ожерелья, реже браслеты, булавки и кольца на руках.

Вначале рассмотрим общие для женщин и мужчин украшения на материалах раскопок Старшего Ахмыловского могильника.

Височные подвески (рис. 25, 1, 2) представлены двумя типами — спиралями и кольцами. Первые (77 экз.) изготовлены из сегментовидной вытянуто-округлой или тонкой прямоугольной в сечении пластины, круглой проволоки, а в одном случае из тонкой медной трубочки. Преобладают бронзовые экземпляры, но встречены серебряные (или, скорее всего, из так называемой белой бронзы с большим содержанием олова), золотые и железные. По характеру оформления концов выделены два вида — с простыми концами (А) и спиральным завершением концов (Б). Височные подвески с завершениями концов в виде плоской спирали известны только в Поволжье. Они появляются одновременно с многовитковыми спиралями с простыми концами. Обе формы характерны для VII — начала VI вв. до н. э. В хорошо датированных комплексах второй половины VI в. до н. э. они практически отсутствуют.

Височные кольца (85 экз.) изготовлены из тонкой, реже более массивной выпукло-вогнутой или трехгранной в сечении бронзовой

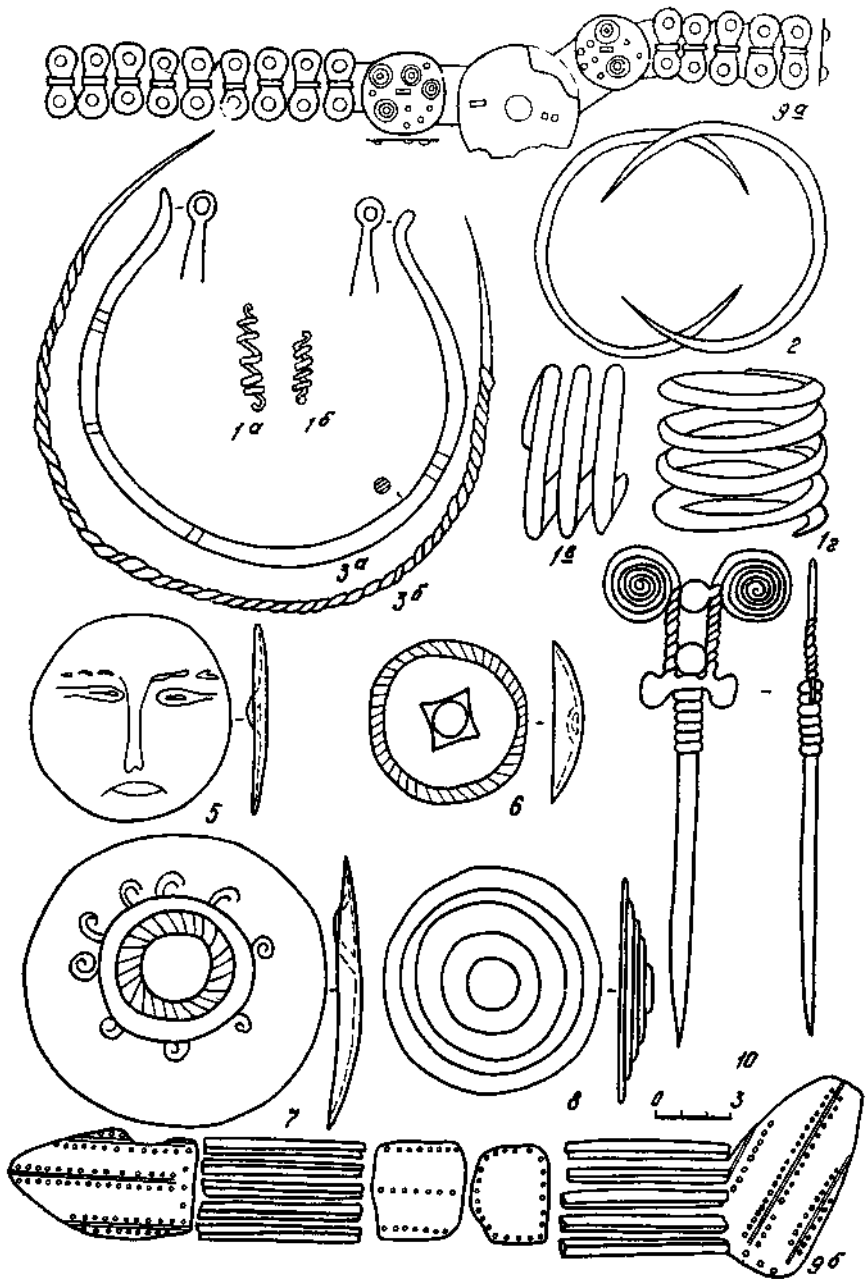

Рис. 25

пластины и реже из железа. Их диаметр колеблется от одного до девяти сантиметров. Обычно в погребениях они встречены по два, а в одном — три экземпляра. Среди них выделено два вида — с разомкнутыми (А) и заходящими друг за друга (Б) концами. Подобные кольца известны лишь на могильниках ахмыловского облика: Старшем Ахмыловском, Аозинском, Пустоморквашинском и Тетюшском. Они встречены как в ранних, так и поздних комплексах и синхронны с височными спиралями.

В захоронениях Старшего Ахмыловского могильника височные подвески распределяются следующим образом: 14,6% спиралей и 38,7% колец найдены в женских погребениях; 23,7% спиралей и 7,5% колец — в мужских; 61,7% спиралей и 43,8% колец в неопределенных по полу.

Шейные гривны (102 экз.) изготовлены из бронзовых и серебряных четырехгранных или круглых в сечении дровот или реже тонкой проволоки и пластины (рис. 25, 3). Форма гривен кольцеобразная. Их ширина обычно больше высоты. Концы в большинстве случаев разомкнуты и отстоят друг от друга на 5—16 см. Диаметры гривен колеблются от 9,4 до 23 см. В могилах они обычно располагались по одной в области шеи погребенного. Только в трех погребениях в одной яме находились две гривны. Наиболее ранними являются гривны из круглого гладкого и ложновитого или крученого дрота с кольцевым завершением. По южным аналогиям и сопровождающим комплексам они в основном датируются концом VIII—VII вв. до н. э. Во второй половине VII в. до н. э. «кавказские» формы из гладкого и ложновитого круглого дрота с кольцевым завершением в какой-то период сосуществуют с изделиями, имеющими загнутые концы, а затем те и другие уступают место гривнам с прямыми концами. Изменяется и характер орнамента: постепенно вместо господствующих ложновитых узоров становится популярным орнамент из их имитаций в виде резных линий по спирали, навитой проволоки, а затем и простых рельефных колец. Приблизительно на рубеже VII—VI вв. до н. э. появляются крученые гривны из четырехгранного дрота и пластинчатые изделия. Постепенно меняются и способы ношения гривен: в одних случаях в кольца на концах продевали ремешок и с его помощью гривна подвешивалась к шее, в других — загнутые концы сцепляли друг с другом, в третьих, обходились без концевых приспособлений для крепления, и украшения держались за счет близости концов, или возможно, пришивались к вороту.

Ряд исследователей гривны относят к характерным мужским украшениям, другие считают их мужскими и женскими. В Волго-Камье они встречены как в мужских, так и женских захоронениях (Патрушев. 1985). На памятниках Поволжья подобное явление характерно и для ранних форм гривен, а в Прикамье, где они появляются лишь в конце VI—V вв. до н. э., используются в женском костюме лишь в IV—III вв. до н. э. (Збруева). В этом можно видеть пример обособленного развития населения Поволжья.

В другую группу украшений включены различные по назначе-

нию бляхи — налобные, нагрудные, поясные, а также неопределенные в связи с условиями нахождения. Всего их из Поволжья происходит около 300. По характеру поверхности выделено три типа: I — с плоской поверхностью; II — с выпуклой; III — с выступающей в виде умбона поверхностью (рис. 25).

Характерными женскими украшениями были составные налобные венчики, состоящие из полоски кожи или шерстяной ткани с нашитыми на них металлическими накладками, бляшками и реже пастовыми бусами (рис. 25). Только на Старшем Ахмыловском могильнике их обнаружено 87 экземпляров.

По наличию и сочетанию составных частей венчики подразделяются на три типа. По количеству входящих в них элементов выделены три разновидности (А — одинаковые, Б — два различающихся по форме друг от друга элемента, В — три и больше). Различия в оформлении составных частей отмечены в вариантах. Первый тип венчиков состоит только из накладок и реже бляшек. Подобные венчики изредка встречаются и на ананьинских памятниках Прикамья. Второй тип характеризуется наличием в венчиках трубчатых пронизок, свернутых из тонкого медного листа и в одном случае из трубчатых костей птиц. По их положению на конце или в средней части выделены два подтипа, различающиеся также по назначению. Все украшения второго подтипа встречены в частичных девичьих захоронениях и особенно нарядны, так как содержат узоры и различные изображения. Венчики третьего типа содержат пастовые бисер, бусы, мелкие металлические бусы-пронизки. Они встречены в захоронениях подростков. Украшения второго и третьего типов характерны только для поволжских могильников. Часть изделий не могут быть включены в указанные типы и составляют группу венчиков индивидуальных форм.

Многие детали налобных украшений находят широкие аналогии в западных и южных от Среднего Поволжья областях (высоцкая, черно-лесская, киммерийская, скифская, кобанская, колхидская, сакская культуры, Луристан). Среди привозных изделий интерес представляют накладки с зооморфными изображениями (рис. 26, 1).

Судя по аналогии и датирующим комплексам погребений, венчики (как часть женского головного убора) бытовали весь период функционирования могильника, но их формы со временем видоизменялись. Их истоки лежат в абашевской и приказанской культурах эпохи бронзы. Отдаленное сходство они имеют с балановскими украшениями.

Налобные составные венчики характеризуют представленное на поволжских могильниках население как особую этническую группу.

Одним из видов украшений женского костюма ахмыловцев являются булавки (рис. 26). Всего их известно 16. Одни из них в форме иголок; другие в виде треугольных в сечении стержней со змееподобно утолщенными концами; третьи из круглой проволоки со спиральными или грибовидными концами, иногда в верхней части украшены медной навитой пластинкой или выпуклинами;

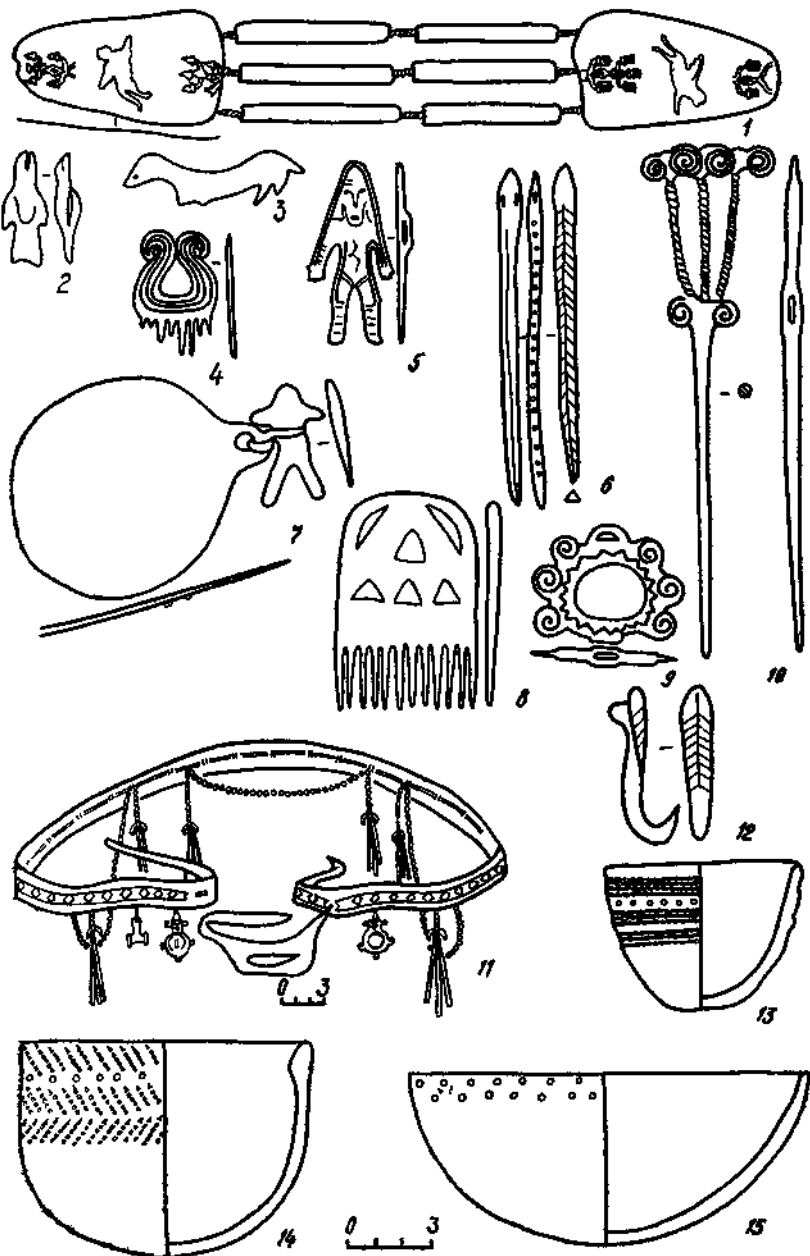

Рис. 26

Рис. 27

или же с раздвоенными концами со спиральными завершениями (в одном случае в верхней половине переходит в три стержня).

Судя по положению в могилах, они использовались для скрепления частей одежды в верхней части, а в двух случаях, возможно, в качестве заколки головного убора или волос.

Другим характерным женским украшением были ожерелья (рис. 27). Состав их частей различен: только из пастовых или стеклянных бус или бисера, металлических частей (пластин, пропизок), сочетания бус, бисера и металлических частей.

Ожерелья были характерны и для ананьинцев Прикамья, но только на ахмыловских памятниках встречаются многочисленные составные ожерелья. Многие части, особенно металлические, характерные местные.

Иногда ожерелья входят в состав более сложных украшений. К числу последних следует отнести составные нагрудные украше-

ния. Обычно они представляют собой кулоны из бисера, бус или пронизок и металлических частей (рис. 28, 3). В трех случаях это круглые бронзовые бляшки, подвешенные к нитям из бисера. У одного нити кулона соединяются в верхней части, образуя ожерелье. Интерес представляет сложная расшивка одежды (скорее всего, передника) из погребения 837 Старшего Ахмыловского могильника. Тройные нити бисера опоясывали шею, двойные нити соединяют их с нагрудной расшивкой в виде ажурного прямоугольника с закругленными углами (рис. 28, 5). Очевидно, кулоны были съёмными, а нагрудник, довольно тяжелый, не мог подвешиваться на тонких нитях и представлял собой украшения одежды.

Браслетов на могильниках немного (13 экз.). Все они встречены в женских погребениях. Большинство из них изготовлены из круглого в сечении дрота и имеют гладкую или орнаментированную поверхность. Один браслет из подквадратного в сечении дрота украшен елочными узорами и насечками на концах. Два браслета из сегментовидного в сечении дрота с гладкой поверхностью. Один изготовлен из широкой бронзовой пластины. Форма браслета из круглого дрота была широко распространена за пределами Среднего Поволжья. Имеются аналогии сегментовидным в сечении браслетам.

Перстни из памятных Поволжья единичны. Интерес представляет изделие из тонкой пластины, свернутой в несколько оборотов, со спиральными завершениями концов.

В единственном экземпляре на Старшем Ахмыловском могильнике представлены составные головные украшения двух видов: трубчатые пронизи, проходящие, очевидно, по теменной части и завершающиеся височными кольцами, и затылочные подвески, состоящие из семи полосок кожи, обернутых бронзовыми пластинами и полых с ажурными треугольными прорезами колокольчиков (рис. 28, 6).

Следует остановиться на характеристике групп украшений, характерных для мужских погребений.

Украшения поясов представлены как единичными экзеплярами, так и в богатом наборе (рис. 26, 27). По составу и назначению частей они не одинаковы. Среди них редки изделия, включающие все основные составные части поясов — бляшки-накладки, пронизи, подвески. Довольно часто пояса включают бляшки или пронизи на поясе и подвески. Иногда украшения имеются только на самих поясах, а нередко они украшены только подвесками различных типов.

Реконструкция костюма по археологическим данным представляет определенные трудности. Лишь обилие металлических украшений несколько облегчает эту задачу. В какой-то мере об особенностях одежды древних можно судить по антропоморфным фигурам (рис. 26). Большую ценность для реконструкции древних костюмов имеют этнографические материалы. Но при этом необходимо весьма осторожно проводить между ними параллели, так как есть опасность модернизации старинной одежды.

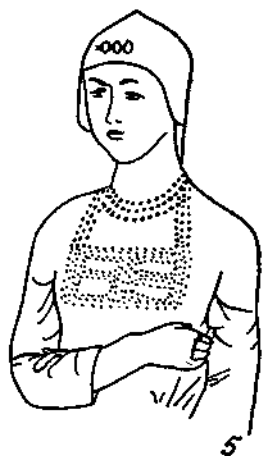
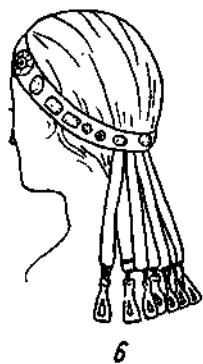
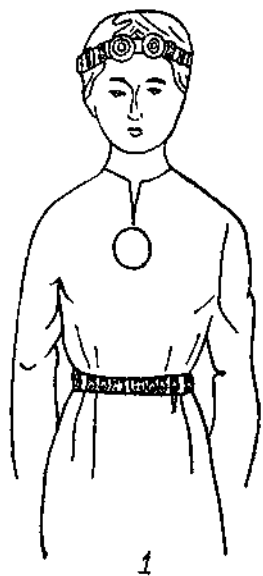

Рис. 28

Судя по многочисленным характеристикам, наиболее распространенная общая финно-угорская форма одежды — это туникообразная рубаша, слабо отличающаяся у мужчин и женщин. Близки и общие очертания верхней одежды типа марийских летних «швыр» и зимних «мыжер».

Мужской костюм ахмыловцев представлен на бронзовом идольчике из погребения 249 Старшего Ахмыловского могильника (рис. 26). Резными линиями переданы шапка-ушанка усеченно-конической формы. На ней, возможно, имелись узоры в виде косых линий. Обтягивающая тело и ноги одежда, скорее всего, представляла собой соединенные вместе в виде комбинезона короткую куртку и штаны. Подобная одежда широко бытовала у воинственных ираноязычных племен причерноморских степей — киммерийцев, затем скифов. Такой костюм, но всегда в сочетании с поясом, содержится на изображениях скифских воинов на золотом гребне из кургана Солоха, на серебряном с позолотой сосуде из Частых курганов под Воронежом, на фризе амфоры из кургана Чертомлык и др. (Артамонов). Возможно, наряду с привозными формами оружия, некоторых изделий из числа украшений, оказались привезенными из южных областей и какие-то элементы мужского костюма, поскольку одежда могла быть у воина-всадника как наиболее практичная при верховой езде.

На идольчике можно видеть и некоторые отличия от южных типов одежды: на нем нет пояса; вместо него почти от шеи до пояса идет вертикальный зигзаг с округлыми выпуклинами, имитирующий, возможно, застежки распахивающейся одежды. На руки человеческой фигурки надеты рукавички с узорами из поперечных полос (на правой руке; вероятно, перчатка с растопыренными четырьмя пальцами, удобная для стрельбы из лука зимой). На ногах высокие до колен сапожки с такими же узорами на голенище с окантовкой верхней части.

На другом идольчике (Ахмылово — п. 263) обозначены узоры из двух косых линий на шапке и складки одежды без пояса. Лицо с выступающим носом на идольчике из погребения 240 окантовано капюшоном, а на груди фигурки из погребения 301 содержатся узоры из двух уголков (Патрушев, 1984).

Необходимо иметь в виду особенности летней и зимней, нижней и верхней одежды. Почти все имеющиеся в настоящее время материалы позволяют делать лишь различные предположения. Несомненно одно — у данного населения были свои этнические особенности в покрое одежды, сохранившиеся вплоть до исторических времен и известные по этнографическим данным. Археологам остается суммировать имеющиеся материалы и при сходстве (в историческом развитии) значительного числа общих признаков культуры сравнивать уже с одеждой поздних времен и народов. Облик представителя древнего населения по материалам двух погребений Акозинского могильника был дан А. Х. Халиковым (1962). С использованием основных черт самого костюма, предложенных исследователем, мы предлагаем реконструкцию мужского костюма с пол-

ным набором украшений и оружия из погребения 900 Старшего Ахмыловского могильника (рис. 27). Он является одним из богатейших на могильнике. Обычно же мужские костюмы весьма скромны по наличию металлических украшений.

Женский костюм богаче представлен украшениями (рис. 27, 28). Но от самой одежды остались лишь жалкие остатки под бронзовыми вещами — тлены от ткани, кожи, иногда отпечатки ткани на глине или в земле.

Наборы украшений женского костюма весьма различны. Обычными являются следующие сочетания (рис. 28): налобный венчик, нагрудная бляшка; венчик, височные кольца, гривны и бляшка на груди; височная спираль, ожерелье; налобные украшения и гривна. Есть и необычные украшения: на лобной части к шапке прикреплены три бусины из египетского стекла, на груди — сложная расшивка (п. 837); налобный венчик и подвешенные к нему затылочные украшения из полосок кожи, обернутых медными пластинками, колокольчиковых подвесок (п. 991); весьма оригинально головное украшение, очевидно, типа «шурка», представляющее собой накладки от твердой основы в виде усеченного конуса (п. 479) и т. д. Довольно часто различные типы украшений являются единственными. Это налобные венчики, височные спирали или кольца, шейные гривны или ожерелья.

Характер и способы ношения основных типов украшений наиболее ярко отражают этнические особенности населения Поволжья.

Бытовые предметы включают зеркала, гребни и огнива. Среди зеркал по характеру оформления выделены изделия без ручки или петли с обратной стороны, с петлями с обратной стороны, с дужкой и бортиком в виде валика по краю или с двумя штырями вместо дужки, с выступающей боковой ручкой и двумя штырьками на внутренней поверхности (рис. 26, 7).

Гребни между собой различаются как по количеству зубьев (от 6 до 12), так и по характеру оформления ручек (рис. 26, 8). Есть изделия со сплошной закругленной ручкой или ажурной ручкой, украшенной тремя спиральками. У одного гребня ажурные ручки имеют форму финноугорских «коньковых» подвесок.

Огнива встречены в одиночных, коллективных, частичных и вещевых погребениях, а также в комплексах «домов мертвых» почти всех могильников ахмыловского облика. Очевидно, наличие огнива в могилах объясняется двояко. Во-первых, это погребальный инвентарь, сопровождающий покойника для добывания огня «на том свете». Во-вторых, олицетворение самого огня, тепла, света, т. е. элемент погребального обряда (подобно кусочкам кремней на дне могильных ям).

На всех могильниках ахмыловского облика обнаружена глиняная посуда. Особый интерес представляют сосуды Старшего Ахмыловского могильника (рис. 26). Всего их обнаружено 53. Почти все найдены целыми в могилах. Большинство сосудов близки к ананьинским — с примесью толченых раковин в тесте, тонкостенные, круглодонные. Почти четвертая часть сосудов отличается

от ананьинской посуды. Восемь имеют уплощенные днища, один — плоское дно.

Сосуды небольшие (диаметры горла колеблются от 4 до 15 см). Это объясняется их особым назначением.

Значительная часть сосудов орнаментирована (62%) ямками, шнуровыми и зубчатыми оттисками. Преобладает чашевидная форма. Статистический анализ находок Старшего Ахмыловского могильника и ананьинского Прикамья дал интересные результаты: в целом только 26,1% предметов находят аналогии с изделиями из ананьинского Прикамья (Патрушев. 1984). Частичное сходство или единичные параллели с прикамскими вещами имеют 11% находок.

Наиболее многочисленны находки в закрытых комплексах предметов волжских форм (62,9%). При этом как волжские, так и камские формы одинаково располагаются на всей площади могильника.

При сопоставлении форм предметов особо выделялись украшения. Только волжскому населению свойственны 71,1% украшений. Особый этнографический облик населению Поволжья придают налобные венчики, височные кольца и спиральные подвески со спиральными завершениями концов, составные нагрудные украшения, булавки, а также своеобразные элементы мужских поясов, ожерелий и отличные от прикамских формы большинства блях, браслетов, гривен. Сходные формы ахмыловских и камских украшений прослеживаются у 15,6%. Незначительное проявление сходства при преобладании ахмыловских элементов показывает 13,3% находок. Из числа орудий труда и вооружения ахмыловских форм изделий — 53,8%, камских — 37,8%, волго-камских — 8,4%.

Таким образом, основные группы находок из волжских могильников имеют черты, характерные как для Прикамья, так и специфические, волжские элементы.

Наиболее ярким этническим показателем ананьинского и волжского населения являются кельты двух форм. Как аозинско-меларские, так и ананьинские кельты на Старшем Ахмыловском могильнике встречены с одними и теми же категориями изделий (Патрушев. 1984). Различия настолько незначительны, что они ни в коем случае не могут нарушить картину «культурного равновесия».

Погребальный инвентарь других волжских могильников также подразделяется на волжские, камские и волго-камские формы. На Аозинском могильнике и ряде памятников устья Камы обнаружены и характернейшие волжские формы аозинско-меларских кельтов и ананьинские кельты с линзовидной и шестигранной в сечении втулкой (Халиков. 1977; Патрушев. 1982 а).

На всех волжских могильниках встречены, кроме кельтов, не характерные для ананьинского Прикамья предметы. Такие же черты выделены в элементах погребального обряда волжских могильников (Патрушев. 1982 а):

В одной из работ автора с целью выявления единства культурных признаков проведено сопоставление элементов погребального

обряда Старшего Ахмыловского могильника с основными группами находок (Патрушев. 1987). Оно показало, что и волжские, и камские формы находок в одинаковой мере сочетаются с большинством элементов обряда, т. е. они составляют единый культурный комплекс ахмыловского облика. Если бы камские формы находок встречались только с камскими элементами обряда, а волжские — с волжскими, то мы могли бы предполагать разобщение, чересполосное сожителство двух групп населения, как предполагал С. В. Кузьминых (1983). Но поскольку такого разделения нет, то мы должны признать существование особой группы населения ахмыловского облика.

Автор полагает, что в переходный период от эпохи бронзы к железному веку существует единый финноязычный суперэтнос в лице населения с ниточно-рябчатой керамикой, а в его недрах формируется и археологически прослеживается вплоть до первой половины I тысячелетия нашей эры единая общность волжских финнов ахмыловского облика. Она включает предков мари, меря и мурома. Эта общность автором названа прамарийско-прамерянской (или прамарийской).

Данное положение подтверждается исследованиями истоков марийского и мерянского костюмов, в которых в одинаковой мере в несколько измененном виде представлены элементы ахмыловских украшений (Патрушев. 1986, 1990). При сравнении основных групп украшений были вычислены средние коэффициенты сходства сначала для всех групп украшений. При этом именно волжские типы украшений, не известные в ананьинском Прикамье, наиболее близки марийским и мерянским. Например, средние коэффициенты сходства височных колец в древнемарийском costume IX—XI вв. составляют 36,6, в мерянском — 35, в то время как у мордвы данный показатель — 7, у удмуртов и коми они отсутствуют; налобные венчики у древних марийцев составляют 67, у меря — 66, у мордвы — 35,4, удмуртов — 33,8, коми — 1 и т. д. По сумме типов украшений Старшего Ахмыловского могильника средние коэффициенты сходства следующие: мари — 35,8; меря — 35,2; мордвы — 28,1; удмуртов — 16,2; коми — 12.

О тесных контактах мари и меря, а также мурома, и о возможном включении мерянских и муромских родов в этнический состав марийцев с давних времен свидетельствуют антропонимы меря и мурома среди горных и луговых марийцев (Козлова. 1978; Черных). Патронимы Костромского Поволжья «дютя» — дед, «папи» — бабушка, зоонимы «мась» — ягненок и др. полностью соответствуют горномарийским (Акцорин. 1981). В жгонском языке Костромской области до 50% выделено марийских слов (Акцорин).

О существовании общности у предков мари и меря могут говорить следы мерянского языка, близкого к марийскому. В русском говоре Костромского Поволжья, в частности, сохранение до настоящего времени марийской формы винительного падежа (Акцорин. 1981). Следы поселений не только меря, но и марийцев (черемис)

в Костромской губернии отмечены в исторической литературе (Самарянов). Несомненно марийские местные географические названия отмечены в бывших Варнавинском, Ветлужском, Кологривском, Макарьевском уездах Нижегородской губернии (Казанцев, 1985; И. Смирнов). В этнографических материалах, в элементах материальной культуры древних мари и меря многие исследователи видят не только сходство, но и «племенное родство и этническое единство» (Бадер, Генинг, Горюнова). Доказательством единства следует считать широкое распространение зооморфных и антропоморфных украшений не только у волжских финнов, но и впоследствии у русского населения на территории, где раньше расселились племена мерянского облика. Такое сходство особенно ярко проявляется с марийскими, поскольку марийцы сохранили этнические особенности указанных групп волжских финноязычных народов.

О существовании особой группы населения ахмыловского облика со смешанными восточными и северо-западными элементами культуры от устья Камы на юго-востоке до Костромского Поволжья на северо-западе свидетельствуют антропологические материалы. В антропологическом отношении данное население отличалось большей европеоидностью в отличие от синхронного населения ананьинского Прикамья (Акимова). Об этом же свидетельствуют результаты анализа зубов от костяков из Старшего Ахмыловского могильника. В одонтологическом материале имеют место как элементы западного одонтологического ствола, так и некоторое влияние восточных компонентов, и варианты одонтологических признаков маркируют тенденции соединения западных и восточных влияний (Зубов, Халдеева, 1990). При этом материалы говорят о присутствии компонентов средневропейского одонтологического типа, а в целом комплексе черт указывает на идущий процесс формирования одонтологического типа населения, оставившего данный могильник.

Преобладание черт западного одонтологического комплекса при четко выраженном налете восточного комплекса в одонтологическом типе современных марийцев (Зубов, Халдеева, 1979) может свидетельствовать о сложении данного антропологического типа в контактной зоне между восточными финно-пермскими и западными финноязычными группами населения в X—VI вв. до н. э. Серологические характеристики также указывают на большое своеобразие марийцев как этноса, сочетающего в себе черты как «восточного», так и «западного» тяготения (Золотарева, 1980). Скорее всего, ко времени существования ахмыловской культуры относятся возможные контакты финнов с предками марийцев, определившие появление у них некоторых физиономических особенностей (Каяноя). Такие контакты археологически прослеживаются в распространении вплоть до Финляндии некоторых форм аозинско-меларских кельтов и посуды с ананьинскими чертами (Патрушев, 1975; Кузьминых, 1983 и т. д.). Очевидно, представители восточного (приказанско-ананьинского) и западного (с псевдосетчатой керамикой) населения в ахмыловской культуре составляли две тесно

связанные этнокультурные группы, подобно горным и луговым марицам наших дней (Козлова). Возможно, и некоторые антропологические различия среди последних (Форснус и др.) определились благодаря двум истокам ахмыловской культуры.

Таким образом, исследования древнего населения Поволжья приоткрывают давнюю загадку близости отдельных групп финноязычного населения, известных по русским летописям как черемисы, меря и мурома. Время существования общности их предков в лице населения ахмыловского облика составляет один из важных этапов в этногенетических процессах финноязычных народов Поволжья.

Глава 7

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ВОЛЖСКИХ ФИННОВ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (НА ПРИМЕРЕ СТАРШЕГО АХМЫЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА)

РОЛЬ погребального обряда в определении культуры и ее особенностей неизмеримо велика. Погребальный ритуал является наиболее устойчивым элементом духовной культуры древних людей. Изменения и появление новых черт в обряде погребения, как правило, происходят вследствие этнических смешений.

Погребальный обряд следует считать одной из основных черт в выделении особенностей культурных групп. Возможность выделения особенностей погребального обряда волжских финнов стала реальной в результате исследования Старшего Ахмыловского могильника. Для данного памятника характерно чрезвычайное разнообразие погребального обряда. Разнообразно также расположение могил. Здесь попеременно встречаются вытянуто-подпрямоугольные ямы частичных и вещевых погребений, остатки камер и сложных погребальных сооружений — домов мертвых. Погребения хорошо увязываются с топографией местности. Они в основном занимают край террасы шириной 24—36 м. В западной части могильника он вытянут с западо-северо-запада на восток-юго-восток, а в восточной части меняет свое направление и коренной берег тянется с юго-запада на северо-восток. Соответственно ряды могильных ям также меняют свою ориентацию. Вместе с тем, могилы группируются также по кучевому признаку. При этом часть их может быть ориентирована на видимую водную поверхность, другие же имеют меридиальное направление. Нередко сосредоточение погребений приходится на слабые возвышения на местности, а пустующие участки или же места с единичными погребениями — на естественные понижения, где скапливается талая или дождевая вода. Топографические особенности подчеркивают размещение

Могильные ямы в абсолютном большинстве случаев имели овальную или четырехугольную форму с округлыми углами. Особо выделяются округлые ямы частичных погребений. Стенки могильных ям отвесны, реже скошены, и ямы суживаются ко дну. Дно могил плоское или корытообразное (рис. 30).

Для Старшего Ахмыловского могильника характерно почти полное отсутствие детских захоронений. Лишь в единичных случаях (в коллективных погребениях) можно говорить о наличии детских костяков, вероятно, одновременно умерших с родителями. Объяснение такому факту можно найти в этнографическом материале. Исследователи отмечают, что у самоедов маленьких детей вовсе не хоронят, а в ящиках или зыбках вешают по деревьям для того, чтобы они, как существа чистые, не находились в соприкосновении с грешным людом (Ислави). У улчей тела умерших детей также не передавали земле: его клали в долбленный гроб и вешали на дерево (Золотарев). Любопытно заметить, что гроб-колода встречен в коллективном погребении 114 с детским костяком.

Размеры могильных ям при труположениях обычно зависят от возраста и роста погребенного или количества костяков в одной могиле. Глубина ям различна и колеблется от 20 до 180 см.

В засыпи могил отмечены угольки, охра, пережженные косточки, а также различные предметы: кельты, различные орудия труда, оружие, предметы конской сбруи, украшения, сосуды и огниво. Судя по глубине их нахождения, они попали в могилы в процессе их засыпки. Хотя вещи не содержат следов огня, обычно они встречаются на тех уровнях, где прослежены угольки. Очевидно, когда зарывали могилу, в нее засыпался не только уголь из жертвенного костра, но туда же нередко бросали какие-либо предметы — своеобразный прощальный дар погребенному. Подобный обычай известен у марийцев до настоящего времени под названием «мланде араш» («откуп земли»). У сернурских марийцев автору приходилось видеть, как во время засыпки в могилу бросают медные монеты.

На Старшем Ахмыловском могильнике прослежены также остатки ритуальных комплексов в виде кострищ. Они располагались над могильными ямами, рядом с могилой, или же прокал или кострище выявлены в самой могиле. Роль огня в погребальном обряде проявляется также в наличии в могильных ямах кремешков, которые отождествляются с огнем. Очевидно, с ролью огня следует увязать и обычай сжигать сложные погребальные сооружения в виде домов мертвых на месте будущих погребений. В этом случае сжигается как бы обиталище душ. А позже, уже в I тысячелетии нашей эры, с переходом к подсечно-огневому земледелию, начинают сжигать и первоначальную оболочку души — человеческое тело.

На могильнике выделяются одиночные и коллективные захоронения с целым труположением, вторичные захоронения, частичные погребения отдельных голов и погребения одних лишь вещей умершего или могилы в честь погибшего при отсутствии остатков костяка. К последним близки и пустые могилы, не содержащие как

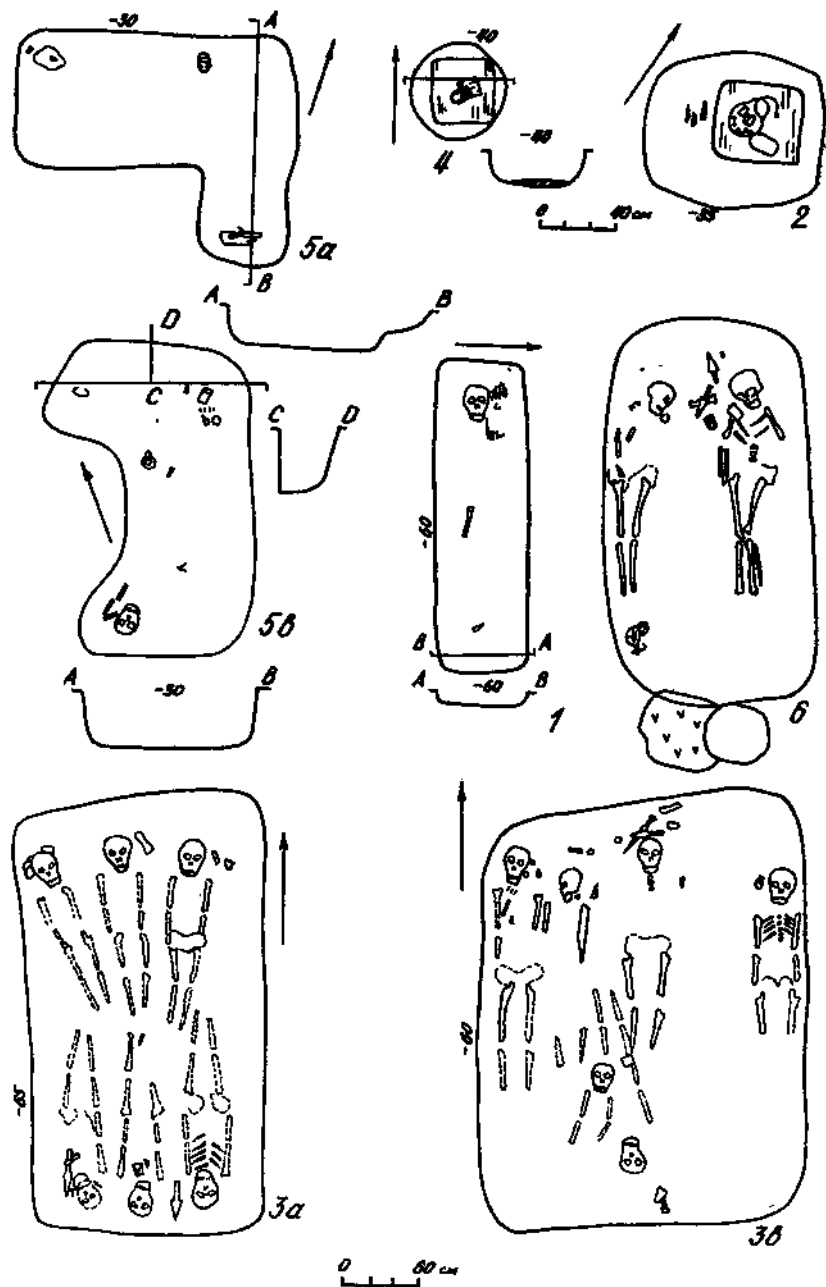

Рис. 30

следов костяка, так и какого-либо погребального инвентаря на дне ямы.

Костяки обычно располагаются на спине с вытянутыми нижними конечностями. В одном случае костяк оказался на спине с подогнутыми ногами. В редких случаях установлено положение рук: вытянуты обе, согнуты одна или две руки. Четырнадцать костяков выявлены на боку. Из них десять — с вытянутыми конечностями, четыре — скорченно. Положение ряда погребенных не прослежено. В целом для могильника характерна весьма слабая сохранность костей погребенных.

Обряд одиночного труположения близок ананьинским памятникам Прикамья. Но следует отметить и целый ряд своеобразных черт. К ним относится наличие одной или двух земляных камер, устроенных для помещения в них различных комплексов в виде предметов или жертвенного мяса. Близкие аналогии подобным камерам с помещенными в них комплексами вещей известны на Мари-Луговском могильнике IV—V вв. н. э. (Республика Марий Эл). На могильнике отмечены следы подстилки. Дно выстилалось берестой или было обложено деревом. Реже могильные ямы имели древесное перекрытие. Подстилка или перекрытие из бересты и досок (без следов гроба) в Восточной Европе широко распространены как в более ранних памятниках (например, в абашевских курганах), так и в более позднее время. Исследователями они отмечены в погребальном обряде марийцев XVI—XVII вв.

На Старшем Ахмыловском могильнике неоднократно прослежены остатки различных конструкций. Это следы устройства ложа для покойника в виде тлена от древесины шириной 15—20 см поперек могилы или реже остатки такого же тлена вдоль ямы. Ложе представляло собой деревянный помост из поперечных и положенных на них вдоль ямы плах.

Столбики в могильных ямах могли предназначаться для других сооружений, учитывая, что они расположены обычно по углам могилы или по ее концам, по одному в центре. На них могли опираться навесы, устроенные над могилой. Например, в погребении 620 следы столбовых пятен по углам ямы диаметром 10—15 см расположены выше уровня погребенного на 15 см. Вероятно, столбы закопали во время засыпки могилы. Кроме столбовых пятен в могиле нет древесного тлена от стен погребальной камеры. Видимо, они предназначены для наземных сооружений (возможно, навеса). Подобные навесы на четырех столбах прослежены этнографически у удмуртов. Столбовые пятна нередко располагались и за пределами могильной ямы. Очевидно, это следы оградок вокруг могил. У восточных марийцев они встречаются до настоящего времени. Там же встречены легкие наземные конструкции. Одиночные столбовые ямы на одном конце могилы или близ нее могут говорить о наличии столбов или шестов над захоронением. Любопытные свидетельства подобных признаков обряда зафиксированы этнографом Г. А. Селеевым на марийском кладбище в Башкортостане. На них помещались скульптурные изображения птиц из дерева.

Коллективных погребений на Старшем Ахмыловском могильнике вскрыто 69 (219 костяков). Из них больше всего парных, но встречены также от трех до восьми костяков, а два погребения содержали по одиннадцать и тринадцать.

Положение костяков в коллективных погребениях одинаково с одиночными — вытянуто на спине. Однако разнообразнее их ориентации. В одних случаях костяки расположены в одном направлении. В остальных часть их имеет одну ориентировку, другая — противоположную или реже поперечную. Преобладает меридианальная ориентация.

В парном погребении 688 мужской и женский костяки с примерно равным инвентарем были разделены сгоревшей деревянной перегородкой.

Встречены два мужских костяка с одинаковой ориентацией. В одном случае можно говорить о захоронении двух женщин с равноценным инвентарем. Нередко в могилах мужчина и женщина лежали в одном направлении. Обычно мужские костяки богаче женских. А в ряде парных погребений мужчина сопровождался вещами, вторые костяки без вещей. Ориентированы одинаково. Иногда взрослые умершие были положены без вещей.

Таким образом, для парных погребений характерна одинаковая ориентация костяков, которая не зависит ни от социального положения, ни от половозрастных особенностей погребенных. Лишь в одном погребении мужской и женский костяки примерно с равноценными находками лежали головой в противоположных направлениях.

В коллективных погребениях часть костяков нередко располагается в одном направлении, другая — в противоположном.

Характерно, что в большинстве погребений ориентированные головой на север костяки сопровождаются более богатыми вещами (вероятно, мужские). Но есть и исключения. Например, в погребении 251 все шесть костяков без вещей и ориентированы в разных направлениях.

В Поволжье неоднократно встречались вторичные захоронения. Многими исследователями они связываются с практикой надземных погребений (Гольмстен, Третьяков). Первоначально умершие длительное время находились в наземных условиях, где происходило разложение мягких частей тела (в том числе соединительных тканей и сухожилий костяка). После этого кости собирались и перемещались в могильную яму. В погребениях они выявляются в виде груды человеческих костей.

Вторичные захоронения выявлены как в коллективных, так и в одиночных погребениях. Судя по длине костей, иногда это костяки подростков.

В целом данный обряд, не свойственный для ананьинских могильников Прикамья, следует считать специфичным для населения ахмыловского облика.

В более позднее время отражение данного обряда находим у поволжских финнов. Обычай временного погребения на деревьях

с последующим захоронением в земле отмечен у мордовского населения в XIX веке. Умерших зимой не хоронили на кладбище, а привешивали на сучья березы на «горе плача». С наступлением весны их зарывали здесь под березой. Местные жители такой обычай объясняют двояко: 1) зимой трудно копать; 2) чтобы душа покойника была чиста и бела, как снег или кора березы (Смирнов. 1895). В мордовской сказке о «Дуболго Пичай» и песнях о девице Кемал и красавице Оле также говорится о надземных захоронениях в гробах на подставках; подобный обряд был зафиксирован у вятских марийцев (Смирнов, 1889).

Для объяснения вторичного захоронения интерес представляет этнографический материал о гольдах. У последних, если близкие родственники в отъезде, похороны умершего откладываются до их возвращения, иногда на длительное время. Кроме того, души умерших уводит шаман, и без него не хоронят; если нет шамана, в селении накапливается много покойников, и его ждут годами.

С обычаем расчленения костяков связаны частичные погребения. На могильниках Поволжья они представлены погребениями отдельных черепов, положенных обычно в небольшие округлые ямы диаметром 30—50 см в сопровождении погребального инвентаря (рис. 30).

Частичные захоронения нередко совершались в берестяных или деревянных коробках подквадратной формы размерами 20×20—35×40 см. По древесным остаткам реконструкцию коробов можно представить следующим образом. Его основание составляла сплошная деревянная доска или плетенье из лыка. Верхняя часть состояла из сплошной тонкой коры березы (бересты) и в соединении (очевидно, в одном из углов) сшита лыком. Возможно, верхняя часть укреплялась деревянными планочками.

Положение черепов в ямах различно. В большинстве случаев они лежат на затылочной части или реже на правом виске темнем на север, запад, восток. Иногда их ставили стоймя лицом на юг, север или запад. Довольно значительно число черепов, обнаруженных в гумусном пятне без следов могильной ямы. Их больше всего в районе домов мертвых. Большинство частичных погребений открыто в группах округлых ям.

Этот обряд можно объяснить следующим образом. Тело умершего, очевидно, хоронилось в родовом поселке или поблизости, а голову, какместилище души, помещали на общеплеменном кладбище. Об этом свидетельствуют и некоторые этнографические параллели. У мордвы и марийцев прослежен обычай, когда тело девушки хоронили поблизости от поселка, ибо считали, что девушка до выхода замуж не имеет права покидать поселок. Умерших девушек у марийцев везут как на свадьбу, сбруя у лошадей праздничная. В гроб кладут шарпан и нашмак — приданое, которое ей пригодится, когда на том свете выйдет замуж (Смирнов. 1889). Интересно отметить, что в одиночных погребениях наряду с налобной повязкой на черепе костяка известны случаи, когда более сложные налобные венчики положены свернуто у черепа.

Частичному захоронению, однако, подвергались не только женщины. Часть черепов сопровождалась оружием или кельтами. Их следует считать мужскими. При нескольких частичных захоронениях находились оселки и сосуды. Ряд погребений содержал лишь ножи и шилья, а два захоронения черепов встречены без вещей.

Наличие женских частичных погребений, черепов без вещей или с маловыразительным инвентарем (шило, нож) является отличительной чертой населения Поволжья.

Погребальный или иной инвентарь нередко находился в небольших ямах округлых очертаний без следов костяка. Исследователи Старшего Ахмыловского могильника их называли вещевыми погребениями (Патрушев, Халиков). По характеру расположения и составу вещей последние весьма близки к описанным выше частичным захоронениям. Их объединяют одинаковые формы, размеры и глубина могильных ям, наличие в засыпи их угля, реже пережженных костей и зубов лошади, присутствие древесных коробов одинаковых размеров. Известны случаи их совместного нахождения. Следует полагать, что вещевые погребения могли являться особым обрядом, например, подобным кенотафам. Данный обряд значительно отличается от последних.

По характеру погребального инвентаря близки к вещевым погребениям отдельные комплексы вещей и надмогильные вещевые комплексы. Над ямой одиночного мужского захоронения в погребении 139 находились женские комплексы. Известны также мужские комплексы над женскими погребениями. Кроме того, встречены женские украшения над женскими же захоронениями и в мужских могилах над костяком комплексы оружия.

Любопытно отметить наличие вещевых комплексов в коллективных погребениях. Над остатками семи костяков погребения 114 выявлены два комплекса вещей. В одном на древесной подстилке лежал кельт ананьинского типа и тлен от тонкой кости (очевидно, ребра животного).

Второй также состоял из кельта ананьинского типа, положенного, вероятно, в берестяной короб. Два интересных комплекса открыты над парным погребением 396, где умершие были положены в специально устроенную камеру-склеп (рис. 31, А, Б). В первом на тлене от дерева лежали кельт, бронзовое копье, железный нож и кремь. Во втором находились бляха с выгравированным человеческим лицом и бусы. Возможно, такими же комплексами следует считать находки в слое развала конструкций в виде обломков железных и медных височных колец в 3—4 оборота. На уровне комплексов лежала челюсть лошади.

Комплексы вещей иногда помещались на уровне погребенного в изголовье, в ногах или специально устроенной боковой камере наряду с вещами при погребенном. Состав таких комплексов, как и надмогильных, различен. В одних случаях это комплексы из орудий труда и оружия, в других — из украшений. Иногда комплексы смешанные.

Жертвенными комплексами являются кости животных. Жертвен-

ное мясо являлось, очевидно, долей умершего в заупокойной тризне и запасом пищи на дорогу в загробный мир. В одиночных погребениях кости животных обычно выявлены в изголовье или у черепа костяка, реже в ногах или же на уровне пояса, бедра. Большинство костей, по определению А. Г. Петренко, принадлежали лошади в возрасте 5—6, чаще 6—8 лет. Возможно, это были ездовые лошади погребенного.

В нескольких ямах одиночных погребений найдены галька и кремешки. Л. Я. Штернберг (1936) отмечает, что чуваша бросают вслед покойнику раскаленный камень из соображения против его возвращения. Вероятно, кремневые отщепы имели значение символов огня.

Объяснение надмогильным комплексам в какой-то мере находим в этнографическом материале. Они могли быть оставлены (или просто зарыты) во время поминок через некоторое время после похорон. Подобный обычай, когда в честь умерших на могилу ставили приношения в виде берестяных лукошек, чашек и даже лаптей и битой посуды, был известен у горных мари еще в XVIII веке. Возможно также, что вещи были положены во время похорон на другие (старые) могилы, чтобы умиловить погребенных раньше. Сернурские марицы (д. Шукшиер Сернурского района Марийской ССР), по моим наблюдениям, во время похорон на старые могилы кладут подношения — полотенца, еду и просят покойников принять хорошо вновь прибывшего. Однако кроме поминального характера таких комплексов их можно считать жертвенными приношениями, когда после похорон умершего ближайшие родственники на могиле зарывали свои личные вещи. Подтверждением такого мнения являются отдельные предметы в засыпи могил.

Аналогии вещевым комплексам на дне могильной ямы известны в древнемарийских могильниках. Г. А. Архипов (1973) отмечает, что наряду с сопровождающими в порядке их ношения вещами при погребенном в изголовье находился небольшой «клад» бытовых вещей или украшений, иногда завернутых в меховую одежду и уложенных в берестяные коробки.

На могильниках волжских финнов проводили ритуальные погребения вещей умершего, который погиб где-то на стороне. При этом обычно вещи помещались в могилы обычных размеров и нередко в порядке ношения, характерном для одиночных труположений. Такие могилы археологи называют кенотафами. Они также в засыпи содержат угольки, пережженные косточки, реже отдельные предметы. Нередко в них прослежены остатки конструкций, или они располагались в домах мертвых.

К кенотафам близки погребения без вещей и следов костяка. Форма могильных ям также не отличается от одиночных. Следует отметить лишь большой процент небольших ям длиной от 90 до 165 см. Очевидно, они должны быть отнесены к числу кенотафов. Возможно, это обычай сооружения могил в честь умерших детей, погребенных поблизости от поселка или в наземных условиях. То же самое можно сказать о части собственно кенотафов с погреб-

бениями вещей. Предположить, что в течение функционирования могильника несколько сот человек утонули или погибли на стороне, мало вероятно.

В целом обычай сооружения кенотафов широко известен в культурах России от эпохи бронзы до исторических времен. Данный обряд в эпоху бронзы зафиксирован у племен абашевской, срубной и поздняяковской культур, а также у скифов и племен кобанской культуры Кавказа эпохи раннего железа.

Подобный обряд известен до наших дней у восточных (Башкортостан) марийцев. В материалах этнографической экспедиции Марийского научно-исследовательского института 1962 года под руководством Г. А. Сепеева содержатся интересные сведения о могиле, сооруженной в честь погибшего в ходе сталинских репрессий вдали от родных мест писателя Яныш Ялкайна его сестрой А. Ялкаевой на его родине. На могиле надпись: «На этом месте отмечена могила Яныш Ялкайна». Археологически кенотафы прослежены на древнемарийских могильниках IX—XI вв. («Черемисское кладбище», Веселовский могильник).

При описании других обрядов отмечены устройство ложа, ограды на могилах, столбы и т. д. Вместе с тем на Старшем Ахмыловском могильнике встречены остатки более сложных конструкций. Особый интерес представляют погребальные сооружения из дерева в виде длинных наземных построек, известных как дома мертвых. Более простые конструкции открыты на Тетюшском и Пустоморквашинском могильниках в Татарском правобережье Волги.

Над некоторыми «домами» еще до их вскрытия в распаханной почве прослеживались интенсивные углистые включения, свидетельствующие о наличии каких-то наземных сооружений, очевидно, погибших от пожара. Иногда эти участки выделялись слабым возвышением 10—15 см над окружающей поверхностью. В слое пашни отмечены отдельные находки кельтов, украшений, терочников и ножей, обильные включения зубов и черепов лошади как в слое пашни, так и на горизонте нетронутой почвы. Обряд приношения в жертву лошади прослежен у ряда финно-угорских (мари, удмурты, мордва) народов. Например, И. Н. Смирнов (1889) указывает, что в случае смерти знатного черемисина в честь его закалывали и съедали лошадь, на которой он ездил. В Пермской губернии такой обычай отмечен им на сороковой день. Этим он объясняет и наличие лошадиных костей на других марийских кладбищах.

Следует отметить, что наземные части конструкций домов мертвых были уничтожены временем еще в древности. Через 1000 лет население, представленное на Младшем Ахмыловском могильнике (V—VII вв. н. э.), не застало никаких сооружений на месте «домов». Это место, вероятно, для них представлялось естественным возвышением. Последующей длительной вспашкой были растащены и верхние части конструкций. При исследовании выявлены лишь нижние части сооружений.

По характеру погребений внутри «домов» последние подразде-

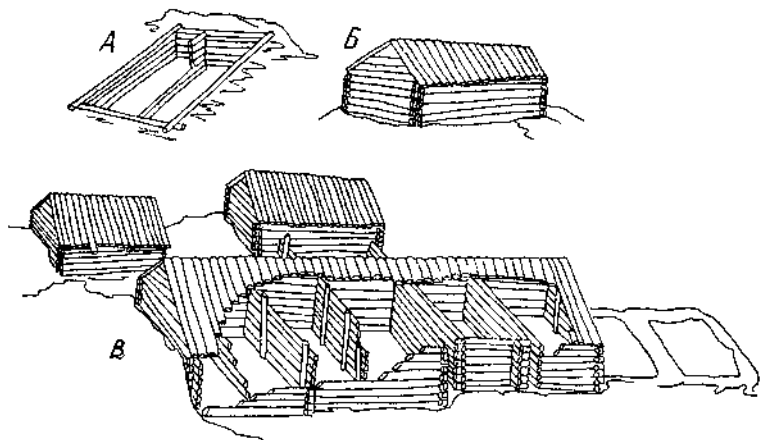

Рис. 31

ляются на два типа: I — «дома» с частичными захоронениями и отдельными комплексами вещей, II — с одиночными погребениями. Различна также их ориентация. Так, «дома» первого типа ориентированы с востока на запад, другие обычно вытянуты в меридиальном направлении.

Конструкции домов мертвых на плане очерчивались в виде длинных и узких канавок шириной 20—30 см, заполненных гумусно-углистой массой и столбовыми ямками диаметром до 30 см. Детальная фиксация всех этих канавок позволила выявить контуры сооружений, имевших подпрямоугольную форму длиной до 10 см и шириной 3,8 м. Внутри «домов» перегородки разделяют их на 6—11 неровных помещений шириной от 0,3 до 1,7 м. Характерно, что внутри «домов» одиночных грунтовых захоронений не содержится. Они примыкают лишь к внешним контурам сооружений.

Данный обряд можно реконструировать следующим образом. Очевидно, вначале строились наземные сооружения, стены которых были опущены в канавки на 40—80 см. Внутри «домов» на нары помещались деревянные коробки с частичными захоронениями, а после разрушения «дома» они оказались разбросанными в углистом слое. Возможно также, что отдельные вещи являлись поминальными жертвоприношениями погребенным. Можно предположить и другой вариант реконструкции, когда выстроенные сооружения сжигались для «очистения» места погребения, а затем на нем производились захоронения.

Иной вид имел «дом» № 11 первого типа в раскопе 1974 г. (рис. 32). Вначале под пахотным слоем (20—30 см) околонурилось сплошное гумусное пятно размерами 6×5 м. На глубине 35 см по периметру стали прослеживаться гумусные полосы с угольками от стен «дома» необычной конструкции — округло-прямоугольной — размерами 2,8×3,2—4 м, укрепленной столбами. Внутри вскрыто

Рис. 32

18 частичных и вещевых погребений. Под четырьмя из них располагались вытянутые могильные ямы одиночных погребений, а восточную стенку «дома» перерезает яма другого погребения. Данный «дом» был расположен над восточным концом объектов другого «дома» (№ 13). Вероятно, это был крытый сарай или амбар, возможно, с плетеными стенами, куда помещались или в земляной пол которого неглубоко закапывались вещевые комплексы, и совершались частичные захоронения. Действительно, в отличие от «домов» — срубов он имеет закругленные углы, в целом округлые очертания, а также столбовые пятна в канавках от стен, удаленных друг от друга. Судя по гумусному содержанию стенок, «дом» не сгорел. Дома мертвых такой же конструкции автором открыты на Тетюшском могильнике в 1980 году.

Дома мертвых второго типа содержали обычно грунтовые ямы с одиночным труположением. Обряд захоронения, как и погребальный инвентарь, в указанных погребениях не отличается от основной массы погребений.

Дома мертвых второго типа несколько отличаются по конструкции. Чисто внешние различия с «домами» первого типа — большая ширина камер, нередко прерывистость стенок. Возможно, что

некоторые камеры имели вход в наземной части, о чем свидетельствуют гумусные полосы в виде отростков, отходящих от основной линии стенок камеры.

Характерно, что в «домах» второго типа погребения располагаются на уровне дна канавок сооружений или ниже него. Углистые развалы конструкций обычно находились над могильными ямами. Данный факт свидетельствует о наземном характере конструкций, очевидно, сооруженных над могилами в виде ограды. В подтверждение этого можно отметить меньшую насыщенность слоя углем над «домами».

Таким образом, «дома» второго типа представляли собой наземные склепы, возведенные над могилами умерших (рис. 31, В). В этом отношении они близки к «домам», «домовинам» в виде камер-склепов или оград. Последние содержали одиночные, парные захоронения, или же были кенотафами.

Сложную конструкцию имела камера-склеп с парным погребением 396 (рис. 31, А, Б), примыкающий к дому мертвых № 1. Над камерой в углистом слое развала деревянных конструкций находились два комплекса вещей. После расчистки углистой массы четко выступили контуры подквадратной формы (180—210×150—175 см) в виде углистых полос шириной 12—15 см. По внешним углам она имела выступы как у срубов. В камере на разной глубине расчищены остатки двух погребений, лежавших вытянуто на спине головой на север. Между ними — углистая полоса, разделяющая камеру на две половины. Можно предположить следующую реконструкцию данного обряда. Вначале была вырыта яма глубиной 70—80 см с канавами по краям, затем построен сруб до уровня поверхности земли или несколько выше вместе с разделяющей камеру стенкой (рис. 31, А). В камере на ложе из досок помещались умершие с инвентарем и засыпались землей вместе с углем из жертвенного костра. После этого был устроен накат из бревен, куда были положены комплексы вещей и устроена крыша (рис. 31, В). Вероятно, сруб сторел, а вещи оказались в разных местах. Но возможно также, что вещи были зарыты во время поминок через некоторое время после похорон (они не имеют следов огня). В комплексе погребения 390 сохранился даже тлен от кожи и дерева.

Камеры различных конструкций имели захоронения и кенотафы (всего 19). Из них одни могли быть наземными, другие внутренними в могилах. Стенки камеры погребения 603, например, начинались выше дна ямы на 30—35 см. Она, несомненно, была наземной. У погребальных камер, устроенных в могиле, гумусно-углистые полосы стен начинаются у дна.

Некоторые камеры не содержали следов захоронений. Возможно, такие конструкции наземного типа предназначались не для захоронений, а в каких-то других целях. Любопытно отметить, что подобные камеры иногда не носят следов огня, в то время как остатки камер, содержащих захоронения, оконтурены углистыми полосами от стен.

Впоследствии наземные срубы или деревянные камеры в моги-

лах широко известны длительное время. «Дома мертвых» наряду с другими наземными захоронениями были зафиксированы на Березняковском поселении (I тыс. н. э.). Этнографический материал подтверждает наличие погребального обряда в срубках у мордвы, удмуртов и марийцев в недавнем прошлом (по И. Н. Смирнову). Следы наземного сооружения в виде столбов в верхних горизонтах могильной ямы автором прослежены на марийском Большепольском могильнике (Нижегородская область) первой половины XVII в. Традиции подобного обряда сохранились до наших дней. Имитация сруба до 3—4 венцов со столбиками для поддержки нижних бревен с помещенными в нем дарами умершим (берестяной туесок, ведро с остатками пищи) на могилах известны у восточных марийцев (Сепеев). Очевидно, распространение обряда трупосожжения, довольно широко распространенного у финно-угорского населения с I тыс. н. э., связано не столько обычаем помещения в могилу остатков жертвенного костра, сколько с обрядом сжигания наземных надмогильных сооружений.

Таким образом, мы ознакомились с основными чертами погребального обряда. Для рассмотренных могильников характерно большое разнообразие и сложность ритуала. Однако при всем многообразии погребального обряда и отличиях отдельных захоронений остается несомненным общее сходство всех комплексов погребений могильника. Различия ограничиваются лишь областью погребального ритуала. Для каждого типа погребального обряда характерны в основном одни и те же комплексы вещей.

Констатируя сложность и разнообразие погребального обряда Старшего Ахмыловского могильника, автор приходит к выводу, что собственно ахмыловские черты обряда (Патрушев. 1984) характеризуют погребальный обряд и идеологические представления финноязычного населения с ниточно-рябчатой керамикой.

Глава 8

ФИННО-УГРЫ ЗАПАДНЫХ И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

ФИННО-УГРЫ западных и северо-западных районов России в эпоху раннего железа представлены племенами городецкой, дьяковской, позднекаргопольской культур. Как уже отмечалось во введении, в книге не освещается история предков эстонцев.

Прежде чем характеризовать городецкую и дьяковскую культуры, напомним позицию автора об этнической принадлежности населения этих культур. Основой формирования обеих культур стала

культура финноязычного населения с ниточно-рябчатой керамикой (НРК). На памятниках раннего этапа их развития господствует «сетчатая» (НРК) керамика (Розенфельдт, Смирнов, Трубинкова). Лишь впоследствии, благодаря контактам и смешению с рядом других этнических групп, оформились характерные черты этих культур.

Дьяковская культура получила название по городищу Дьяково в Подмосковье. Ее основными признаками долгое время считали «сетчатую» керамику и грузики дьякова типа. В территорию этой культуры включали обширный регион в бассейнах Верхней Волги, Средней Оки и Волго-Окское междуречье. Однако оказалось, что как «сетчатая» керамика, так и грузики дьякова типа встречаются гораздо шире, вплоть до устья Камы и Прибалтики (К. Смирнов, 1969, 1974). К тому же «сетчатая» керамика на дьяковских городищах исчезает гораздо раньше самой культуры.

В последнее время признаками дьяковской культуры принято считать грузики дьякова типа, образующие в Волго-Окском междуречье типологические ряды и существующие от начала до конца использования городищ этого региона. Грузики в основном богато орнаментированы в отличие от подобных изделий на Смоленщине, в Белоруссии и в Восточной Литве.

К числу характерных дьяковских находок К. А. Смирнов (1974) относит бронзовые умбоновидные подвески и квадратные бляшки, изготовленные техникой ложной зерни, бронзовые, железные пряжки, булавки со спиральными головками, поясные кольца.

По характерным изделиям были очерчены приблизительные границы дьяковской культуры (рис. 15; К. Смирнов). Южная граница проходит по Оке, далее к западу по р. Протва и водоразделу рек Москва и Вазуза. На западе к этой культуре отнесены верховья рек Западная Двина и Ловать. На востоке она граничила с городищной культурой. Северные границы исследователи приблизительно доводят до Костромы. Оговоримся, что указанные границы устанавливались и с учетом такого признака, как «сетчатая» керамика. К. А. Смирнов (1974) на основании изображения на ниточно-рябчатом сосуде человека или птицы, близкого к украшениям грузиков дьякова типа, склонен относить к дьяковской культуре также Минское городище близ Костромы. Следует полагать, что вопрос о восточных и северных границах дьяковской культуры должен быть пересмотрен.

Городища дьякова типа существовали около тысячи лет (VII—VI вв. до н. э.—V—VI вв.). В развитии дьяковской культуры выделены три этапа (К. Смирнов).

I этап — древний — от VII—VI до III в. до н. э. В это время появляются городища. В материалах раскопок преобладают костяные изделия. Наиболее характерной чертой этого этапа исследователи называют «сетчатую» (НРК) керамику. На Щербинском городище И. Г. Розенфельдт выделила нижний горизонт первого (нижнего) слоя, где «сетчатая» (НРК) керамика составляет 52,6%, штрихованная — 17,5%, а гладкостенная — 29,9%. При этом глад-

костяная посуда по примеси, структуре и орнаменту не отличается от ниточно-рябчатой керамики. Нижний слой в целом датируется от VIII—VII по IV—III вв. до н. э. (Розенфельдт, Дубинин). Нижний горизонт данного слоя, по свидетельству И. Г. Розенфельдт, содержит хронологически более ранние находки, судя по описаниям, позже середины I тысячелетия до н. э. Поэтому находки из памятников начального периода дьяковской культуры мало чем отличаются от комплексов памятников с псевдосетчатой керамикой Верхнего Поволжья и северных районов. Набор ранних костяных изделий (наконечники стрел, гарпуны, «тупики», рукояти ножей, булавки, проколки и др.) характерен для широкого круга памятников, и они плохо датируются. Только по форме однокрылых черешковых наконечников стрел каширского типа, встречаемых на смежных территориях с вещами латенского типа V—IV вв. до н. э., можно начать отсчет собственно дьяковских форм вещей. Вероятно, ранние памятники дьяковской культуры с преобладающими комплексами ниточно-рябчатой керамики, продолжающими развитие такой посуды от финальной бронзы, правильнее включать в единый пласт культуры финноязычного суперэтноса XII—VI вв. до н. э. Лишь впоследствии с преобладанием балтских и верхнеднепровских элементов (П. Третьяков. 1966) можно говорить о формировании дьяковского населения со смешанными балто-финскими чертами культуры и, очевидно, языка. По крайней мере, вопросы о происхождении, ранней истории, периодизации и этнической принадлежности населения дьяковской культуры могут считаться открытыми и должны стать объектом специальных исследований.

На раннем этапе дьяковской культуры появляются укрепленные поселения двух типов: поселки с жилыми стенами (Троицкое городище); городища, огороженные по краю тыном (Шербинское, Старшее Каширское). Разнообразны жилища: многокамерный дом, круглые землянки, небольшие срубы.

Основой хозяйства было оседлое скотоводство, большую роль играла охота (К. Смирнов).

II этап развития дьяковской культуры (средний) охватывает время с III—II вв. до н. э. по II в. н. э. Его называют временем наивысшего расцвета этой культуры. К концу этапа исчезает «сетчатая» посуда. Наиболее характерна гладкая грубая посуда, насыщенная крупной примесью и орнаментированная по краю венчика и верхней части сосуда.

Широкий размах получает изготовление железных предметов, которые количественно к концу II этапа начинают преобладать над костяными изделиями.

На II этапе возводятся более мощные укрепления на городищах. В большинстве случаев они окружены 2—3 рядами валов и рвов. Из жилищ, повсеместно распространяется прямоугольный наземный сруб.

Основой хозяйства остается оседлое скотоводство. Однако резко возрастает значение земледелия.

III этап (поздний) охватывает время со II по V—VI вв. н. э.

В этот период появляется лощеная посуда (поверхность сосудов заглажена до блеска. Но количественно по-прежнему преобладает грубая посуда. Значительно разнообразнее становятся формы железных предметов и увеличивается количество изделий из цветного металла. Много предметов привозных, особенно западного (балтского и славянского) облика. Много также красных пастовых и золоченых бус южного типа.

К концу третьего этапа основой хозяйства становится земледелие. С изменением характера экономики К. А. Смирнов связывает широкое распространение селищ: жители стали уходить в них с городищ. Подсобный характер имеет охота.

В связи с изменениями основных черт материнальной культуры на последнем этапе интерес представляет точка зрения П. Н. Третьякова (1966). Гладкостенную керамику, как и грузики дьякова типа, он считает восточнобалтскими. Соответственно, поздний этап дьяковской культуры не может отражать культуру финноязычных племен. Поэтому поселения второй и третьей четверти I тыс. н. э. он предлагает выделить в особую позднедьяковскую культуру. Ее формирование, как считает исследователь, происходило на основе восточнобалтского населения и смешения с местными группами племен. В какой-то мере с мнением исследователя соглашаются О. Н. Бадер и Е. И. Горюнова. А. А. Спицын и В. А. Городцов также отмечали неоднородность материала городищ дьякова типа.

Вещевой комплекс дьяковских городищ включает несколько тысяч предметов вооружения, украшений, орудий труда (рис. 33). Много предметов из кости — наконечники стрел, гарпуны, булавки и т. д.

Костяные наконечники стрел по способу крепления подразделяются на два отдела — втульчатые и черешковые. По форме пера среди втульчатых выделяются конические или пулевидные, листовидные, цилиндрические. Черешковые наконечники трехгранные (иногда с боковыми шипами), ромбические, пирамидальные, овальные, одно-или двушипные, ланцетовидные, плоские и др.

Небольшое число железных наконечников стрел также представлено втульчатыми двушипными, ланцетовидными или трехлопастными формами.

Гарпуны односторонние и двусторонние с различным количеством зубьев. Есть также рыболовные крючки и ножи.

Оружие представлено несколькими железными и костяными наконечниками копий и дротиков, 8 наконечниками булав.

Довольно много серпов с небольшими изгибами, с прямыми или загнутыми черешками. Есть инструменты для обработки железа и дерева, костяные проколки.

Из металлов изготовлены булавки со спиральным, цилиндрическим, дисковидным и многогранным навершием. Известны также костяные булавки.

Среди находок имеются костяные и металлические пряжки, застежки, фибулы. Довольно много различных украшений. Большая группа подвесок подразделяется на умбоновидные литые или такие

Рис. 33

же шумящие, различной формы шумящие с колокольчиками или трапециевидными привесками, а также конические, пирамидальные, овальные пластинчатые, лапчатые и т. д.

Среди множества бляшек чаще встречаются медные и бронзовые прямоугольные с петельками, нередко орнаментированные, круглые бляшки с отверстием в центре или петельками с обратной стороны. На одной бляшке чеканкой изображены три фигуры с поднятыми вверх руками. Их головы переданы концентрическими кругами. Орнамент в виде точек и лучей содержится на костяной круглой бляхе.

Шейные гривны единичны, и все они позднего облика. В основном к позднему времени относятся браслеты из круглого дрота или пластин. Есть также спиральные браслеты из овального в сечении дрота. На всех поселениях всего десять перстней из пластин или проволоки. Украшениями ремня К. А. Смирнов называет орнаментированные бронзовые пластины. Ожерелья включали керамические, стеклянные или пастовые бусы и просверленные зубы животных. Однако в целом наборе ожерелья не найдены.

На ряде памятников дяковского облика найдены кресала, предметы конской упряжи, кочедыки и предметы металлургического производства — железные шлаки, крицы, тигли, льячки, литейные формы.

Наиболее многочисленны грузики дякова типа, подразделяющиеся на 14 типов и распространенные неравномерно на всей территории дяковской культуры и за ее пределами (К. Смирнов. 1971). Наиболее многочисленны конусовидные и грибовидные формы. Нередко они орнаментированы ямками и насечками.

Интерес представляют примитивные глиняные статуэтки, изображающие фигурку женщины в полный рост. Выступами показаны ноги, руки и голова. Пол угадывается по сильно подчеркнутым ягодицам. Четыре фигурки (из 36) орнаментированы узорами из точек в области ягодицы, бедра, пояса или по всей лицевой поверхности.

Знакомство с находками из памятников дяковской культуры позволяет выделить довольно своеобразный комплекс предметов, в котором видны как местные формы, так и элементы культуры западного облика. Учитывая факт преобладания на раннем этапе ниточно-рябчатой керамики, очевидно, для VII—VI или V вв. до н. э. можно говорить о культуре финноязычного населения памятников Волго-Окского междуречья. Впоследствии оно приобретает западный культурный облик. Данный факт П. Н. Третьяков и И. Г. Розенфельдт объясняют преобладанием балтского этноса и культурной переориентацией волго-окских городищ. Однако в таком случае остается загадкой факт распространения в этом регионе культуры финноязычных племен меря. Учитывая параллели в погребальном обряде и в домиках мертвых Старшего Ахмыловского могильника, с одной стороны, и Безводнинского могильника, погребальных конструкциях на городище Березняки, с другой стороны, автор считает возможным распространение элементов

культуры финноязычного населения ахмыловского облика на территории дьяковской культуры и ассимиляцию балтского населения примерно с IV—V вв. н. э. Соответственно, с этого времени дьяковская культура в районе расселения будущих меря прекращает свое существование. А население ахмыловского облика, у которого ниточно-рябчатая керамика сменилась грубой гладкостенной посудой с обильной примесью дресвы, а позднее шамота, составило единую основу для мери, муромы, мари.

Таким образом, население дьяковской культуры, сформировавшись как смешанный финно-балтский этнос с преобладающими финноязычными чертами, в ходе своего развития приобретает значительные балтские элементы, а в новых исторических условиях при консолидации волжского финноязычного этноса вновь теряет балтские черты. Однако пласт балтских элементов этого времени в значительной мере сохранился в топонимике Волго-Окского бассейна и в языковых особенностях мери и мари (Ткаченко, Гордеев, Галкин).

Южная группа финно-угорских племен России начала эпохи раннего железа представлена памятниками городецкой культуры в правобережье Волги (рис. 15, 3). Исследователи датируют данную культуру временем от VIII—VII вв. до н. э. до IV—V вв. н. э. (Трубникова, А. Смирнов).

Свое название культура получила по своеобразному памятнику близ с. Городец в Спасском уезде Рязанской губернии (Городцов). Однако русский археолог А. А. Спицын городецкие памятники считал городищами дьякова типа. Такая точка зрения существовала до последних десятилетий (Халиков). По мнению автора, различия одних и тех же материалов связаны с тем, что на посуде как городецкой, так и дьяковской на раннем этапе содержатся ниточно-рябчатые отпечатки. Посуда раннего этапа городецкой культуры ничем не отличается от ниточно-рябчатой керамики финноязычного суперэтноса XII—VI вв. до н. э. Нет на раннегородецких памятниках резких отличий в других категориях находок. Поэтому поселения с ниточно-рябчатой керамикой на современном уровне знаний нельзя относить к городецкой культуре. По мнению автора (1992), городецкая культура начинается только с распространением на памятниках рогожной керамики.

В целом в характеристике городецкой культуры много неясного. Ее территория определена весьма приблизительно (рис. 15). Не могут удовлетворить существующие точки зрения о ее происхождении (Трубникова. 1959; Миронов, Халиков и др.). Требуется конкретизации выделение характерных черт этой культуры и определение дальнейших судеб городецкого населения.

Городища городецкой культуры устраивались на высоких мысах и с напольной стороны укреплялись одним, двумя или тремя рядами валов и рвов. Иногда валы сооружались из обожженной глины, двух рядов плетня, между которыми насыпали землю.

Известны и неукрепленные поселения, также расположенные на высоких местах.

Жилища городецкой культуры различных типов. На Городецком городище открыты землянки прямоугольной формы длиной 7—13 м и шириной до 6 м, углубленные в землю до 1 м. В центральной части находились очаги. На Палецком и Чардымском городищах исследованы округлые наземные жилища небольших размеров, диаметром до 4 м. Но известны землянки и размерами 11×3 м.

Интерес представляют своеобразные жертвенники из глины или камней с явными следами огня (Городецкое, Алексеевское городища и др.). На поселении Бабий Бугор на территории Татарской ССР диаметр жертвенника округлой формы составлял 5,2 м. Религиозным центром целого племени некоторые исследователи считают жертвенное сооружение Шолом в Ульяновской области, где на холме будто бы обнаружены остатки идола и округлых жертвенников (Смирнов, Трубникова).

Керамика городецкой культуры с грубыми крупными прямоугольными отпечатками штампа известна как рогожная. Сосуды горшковидные, слабо профилированные, с плоским дном. Есть также посуда без оттосков штампа, с шероховатой поверхностью из-за обильной примеси дровяной стружки или шамота.

Характерными предметами городецкого населения являются своеобразные пряслица или грузики, битрапедиевидные в сечении, с широким отверстием. Другие подобные изделия в виде усеченного конуса, биконические или имеют цилиндрическую форму. Есть и массивные грузила пирамидальной формы.

Все другие находки встречаются на памятниках других культур и их нельзя считать характерными изделиями городецкой культуры. Много костяных гарпунов, черешковых стрел, проколов. Предметом культа считается навершие костяного топорика с резными елочными, треугольными, волнистыми, кружковыми узорами.

Предметы из камня представлены плитками, терочниками, пестами. Найдены массивные каменные молоты.

Металлических предметов на городецких памятниках очень мало. Это серповидные ножи, шилья, единичные втульчатые наконечники стрел и копья, кольчатые удила, железные кельты (рис. 34). Тем не менее о местной обработке металлов свидетельствуют находки шлаков, обломков криц, льячек, тиглей, а также бронзовых украшений.

Некоторые исследователи указывают на возможность отнесения ряда могильников к городецкой культуре (Кошибеевский и др.). Однако их отнесение к ней весьма спорно. Могильники типа Кошибеевского, Младшего Волосовского в большей мере находят близость с могильниками ахмыловского облика.

Продолжение культуры городецкого облика некоторые исследователи видят в материалах рязанско-окских могильников I тыс. н. э. (I—II — первая половина VIII вв.). А. П. Смирнов (1952) писал о трансформации городецкой культуры в культуру рязанских могильников, образовавших этнические особенности мешеры.

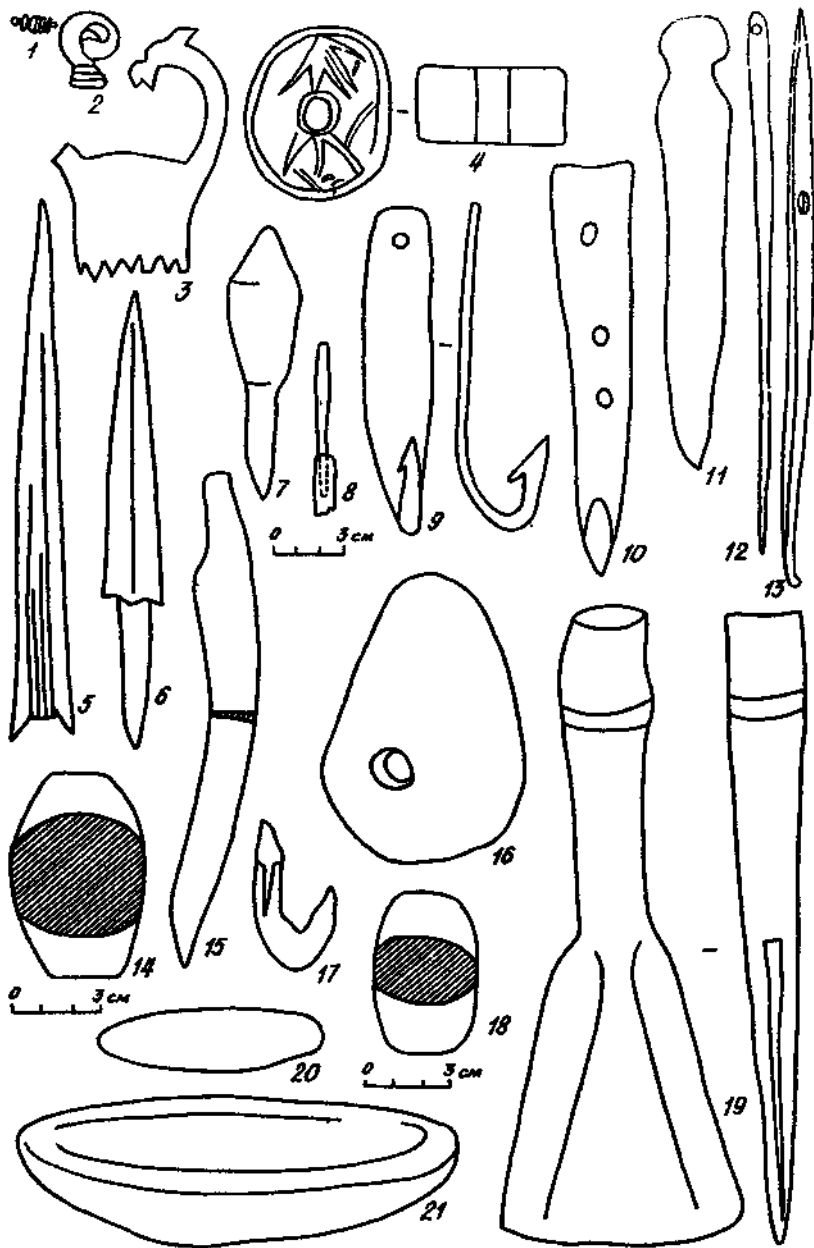

Рис. 34

Востоочнофинскими считали данные могильники В. А. Городцов (1910), А. М. Тальгрэн (1929) и др. О генетической связи городецких городищ и рязанско-окских могильников пишет В. В. Седов (1987). Он отмечает близость горшковидных сосудов двух групп памятников. На Троице-Пеленицком городище прослеживается эволюция инвентаря от городецких к рязанско-окским формам. Керамика с типично городецким рогожным орнаментом встречена вместе с гладкостенными сосудами баночной формы и лошевой посудой черного или коричневого цвета, которые характерны для рязанско-окских могильников. Здесь же обнаружены обычные для них предметы: листовидный наконечник копья, трапециевидные и конические привески, бронзовые пряжки с концами в виде трубочки, литейная форма для изготовления подвесок с прорезями и веревочным орнаментом (Седов). Связь с городецкими видна и в характере языческого святилища Старорязанского городища. Оно состояло из семи жертвенников в виде ям овальной формы средними размерами 2,5×2 м и глубиной до 0,5 м, заполненных углем и золой. Здесь же найдены зерна мягкой пшеницы и ячменя, кости животных, бытовые предметы и украшения. Святилище датировано VI—VIII вв.

Наряду с городецкими элементами культуры в инвентаре и погребальном обряде рязанско-окских могильников ряд исследователей отмечают многие балтские признаки. П. П. Ефименко (1926) в ранних работах полагал, что культура данных могильников приходящая, не связана с культурой городецких и дьяковских городищ. Однако балтский пласт в культуре могильников является вторичным (Седов, 1987).

На хорошо исследованных могильниках (Борский, Шатрищенский, Кузьминский и др.) открыты сотни погребений, расположенных бессистемно или на отдельных участках рядами. Выделены четыре типа захоронений. Больше всего исследованы труположения в ямах, где костяки ориентированы головой на север или восток. Менее характерны погребения отдельных черепов, трупосождения и кенотафы. В. В. Седов (1966) провел основательный анализ взаимосвязи типов обряда с формами находок и пришел к выводу о разноэтничности погребенных в отдельных частях могильников. Так, в могилах с восточной ориентировкой костяков много балтских предметов: подковообразные застёжки с завернутыми концами, браслеты со змееголовыми концами или из толстого дрота с утолщенно-коническими концами, арбалетные и крестовидные фибулы, умбовидные привески, шейные гривны из трех проволок с кольцевыми концами или из толстого дрота с обмотанными проволокой концами и головные уборы из нескольких рядов спиральных проволочек. Незначительное число захоронений по обряду кремации также сопровождается балтскими изделиями.

На ряде могильников восточнофинские и балтские признаки выступают в сильно смешанном виде, что говорит о метисации и ассимиляции разноплеменных групп населения. К числу таких памятников относится Кузьминский могильник.

Северо-западные районы России в эпоху раннего железа были заселены племенами позднекаргопольской культуры.

Истоки материальной культуры позднекаргопольского населения в основном прослеживаются в ананьинской культуре. Определенное влияние оказали также верхневолжские племена дьяковского облика и местная северная культура ни очно-рябчатой керамики (Брюсов, Гурина, Манюхин, Фосс и др.). С. В. Ошибкина датировала позднекаргопольскую культуру от XIV—XII вв. до середины I тыс. до н. э. Однако с такой датой трудно согласиться. Более приемлемы предложенные М. Г. Косменко даты — VI—V вв. до н. э. — V—VI вв. н. э.

Поселения позднекаргопольской культуры (их общее число 90) обычно занимают берега озер Белое, Воже, Лача, Водлозеро, Онежское и Белозерье, Каргополье в Карелии. Жилищных конструкций на поселениях не обнаружено. Однако характерные для жилищного слоя находки обычно располагались в виде скоплений диаметром до 5 м у отдельных очажных ям. Очевидно, в поселках существовали легкие переносные жилища типа чумов (Косменко, Манюхин). На поселениях Илекса V и Ольский мыс открыты остатки железодельного производства: небольшие ямки заполнены прокаленным углистым песком, содержащим кусочки шлака.

Наиболее массовый материал всех поселений позднекаргопольской культуры — это керамика. По верхним частям выделено почти 2,5 тысячи сосудов обычно крупных размеров диаметром горла от 20 до 36 см. Есть также сосудики небольшие (диаметром горла менее 10 см) и очень большие (диаметр более 40 см). Характерные формы сосудов — в виде низкого котла с круглым дном и горшковидные с плоским дном. Посуда первого типа (85—90%) аналогична ананьинской керамике Среднего Поволжья. В ней встречаются такие признаки ананьинской керамики, как валики и «воротнички» (утолщения) у края венчика (более 17% от общей массы керамики поселений), хорошо заглаженные поверхности, орнаментация из шнуровых и коротких зубчатых оттисков и др. Данная группа посуды наиболее близка ананьинской посуде из памятников ахмыловского облика от устья Камы до поселений Костромского Поволжья (типа Ватажка) и Вологодской области (Векса I).

Вторая группа керамики находит аналоги на дьяковских памятниках (Манюхин). Правда, к числу дьяковских исследователи относят и характерные поселения с ниточно-рябчатой керамикой. Однако посуда с сетчатыми отпечатками на поверхности из позднекаргопольских памятников известна лишь в единичных экземплярах. Для второй группы посуды характерны узоры, выполненные гребенчатым штампом. Из них двухзубый штамп в виде копыта и длинные двойные нарезки аналогичны узорам керамики Костромского и Ярославского Поволжья. Целый ряд узоров перекликается с узорами из оттисков гребенчатого штампа на ниточно-рябчатой керамике Поволжья и Севера России.

Помимо керамики на поселениях найдены костяные, каменные и металлические изделия. Из кости изготовлены наконечники стрел

вытянуто-листовидной формы с треугольным или ромбическим поперечным сечением или треугольной формы с уплощенным черешком. По форме они близки к ананьинским находкам. К их числу следует отнести и костяные крючки. Есть также костяные рукоятки ножей и шильев, в том числе с грибовидным завершением, датирующимся от середины I тыс. до н. э. до первых веков нашей эры. Подобная рукоятка найдена на Минском городище близ Костромы в слое V—III вв. до н. э.

Каменных изделий немного. Это скребки на отщепах, листовидные наконечники стрел, долотовидные орудия, скобели, сланцевые топорики. На обломке сланцевого молота сохранилось вырезанное изображение ромбов с крючками.

Бронзовые украшения, как показали результаты спектрального анализа, изготовлены из металла Прикамья. Среди них круглая выпуклая бляха с ушком как на ананьинских памятниках. К пьяноборскому времени (I—II вв. н. э.) относятся поясные бляшки прямоугольной формы с вырезанным орнаментом из двух рядов треугольников. Есть также подвески — лапки, аналогичные азелинским (III—V вв. н. э.). Интерес представляет бронзовая бляха с изображением трех медведей из поселения Илекса III, близкие которой известны из памятников Приуралья и Западной Сибири. К предметам уральского происхождения относится фигурка выдры из поселения Водоба II.

В г. Каргополь найдены римские монеты.

Хотя большая часть вещей представляет импорт из восточных областей, о местной металлообработке свидетельствуют находки глиняных литейных форм для отливки круглых в сечении прутьев, фрагменты тиглей, льячек, ошлакованных сосудов. Металлообработка, очевидно, базировалась на привозном сырье.

С территории позднекаргопольской культуры происходит всего три изделия из железа. Это целый и в обломках ножи из поселений Муромское VII и Ольский мыс.

В своем развитии позднекаргопольская культура прошла несколько этапов. В ней со временем все больше и больше появляются гибридные черты. Например, наряду с характерными ананьинскими узорами из оттисков шнура появляются местные модификации из поясков протасненного штампа, каннелюр и др.

Материалы раскопок позднекаргопольских памятников позволяют говорить об охотничье-рыболовческом укладе их экономики.

По мнению М. Г. Косменко (1980), охота и рыболовство оставались основными отраслями хозяйства всего населения Карелии вплоть до проникновения в эти земли славян. Среди находок из позднекаргопольских памятников господствуют каменные и костяные орудия, характерные для охотничьего и рыболовческого уклада жизни.

Следует отметить значительное влияние на население позднекаргопольской культуры местных племен протосаамов, финнизированных еще ранее (Косменко). На поселениях Олонцкого перешейка (Кудома X, XI, Суна VI и др.) керамика аборигенов с при-

месью асбеста составляет почти половину всей посуды, а вместе с производной от нее гибридной она достигает 55,5% от всей керамики поселений эпохи раннего железа (Косменко). Вместе с тем, в северных районах Карелии и в Финляндии протосаамы испытали довольно сильное влияние культуры финноязычных племен. Например, керамика поселений на берегах озер Чудозеро и Кудомгубское в Карелии, характерная для финноязычных племен, составляет до 26—29%. М. Г. Косменко (1980) полагает, что под влиянием финноязычных племен часть протосаамов отошла в северные районы; одновременно отдельные группы финноязычного населения проникли в северные районы и воздействовали на культуру протосаамов.

Глава 9

ХОЗЯЙСТВО, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ И ИСКУССТВО ФИННО-УГОРСКИХ ПЛЕМЕН РОССИИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

ХАРАКТЕРИСТИКА культуры финно-угорских народов была бы неполной без освещения вопросов, выделенных в названии главы. Однако в связи с широким кругом проблем и огромной территорией финно-угорского мира многие вопросы автор вынужден осветить лишь в тезисном виде.

В начале эпохи раннего железа уровень экономики и общества во всем финно-угорском мире достигает невиданных высот. Тем не менее на уровень развития различных районов влияли не только переход к изготовлению железных орудий труда, но и переход к более интенсивному ведению сельского хозяйства в лесной зоне и широкие контакты между различными племенами. Немаловажное значение в процессе развития отдельных групп племен имела необходимость быть на уровне более передовых соседей, в первую очередь в военном отношении. В значительной мере финно-уграм начала железного века пригодился опыт постоянных контактов, опыт защиты от экспансии иноязычных племен и опыт восприятия всего полезного эпохи развитой и финальной бронзы.

Наиболее высокий уровень развития экономики, общественных отношений и всей материальной культуры в начале эпохи раннего железа по археологическим данным фиксируется у населения ахмыловского облика в лесном Поволжье.

Ведущее место в экономике занимало сельское хозяйство. О развитии скотоводства можно судить по находкам костей домашних животных. Так, на Малахайском поселении из 1 089 костей они составляли 76,2%. В основном это были кости лошади (40,9% от общего числа домашних животных), свиньи (39,2%) и крупного

рогатого скота (18,9%). Незначительное место занимал мелкий рогатый скот (1%). Домашнее животноводство в основном имело мясо-молочное направление: коровы, быки, лошади забивались на мясо в возрасте 3—9 лет, свиньи — 1,5—2 лет. О роли скотоводства свидетельствуют жертвенные кости животных (лошади и коровы) на Старшем Ахмыловском могильнике. Кости домашних животных преобладают на ананьинских поселениях Прикамья. Лишь в Верхнем Поволжье и на Севере России вплоть до V в. до н. э. большое значение имеют охота и рыболовство. Многочисленные находки бронзовых удил, псалий, деталей конской сбруи говорят об использовании лошадей для верховой езды. Датировка указанных находок раскрывает картину постепенного увеличения роли лошадей. В конце VII—VI вв. до н. э. по сравнению с концом VIII—VII вв. их количество возрастает в 2,5 раза.

О занятии земледелием свидетельствуют многочисленные находки орудий для обработки земли, для сбора урожая и переработки продуктов земледелия. Первые представлены железными пешнями, бронзовыми кельтами при их креплении лезвием перпендикулярно к рукояти. У ананьинского населения Прикамья широкое распространение получают мотыги из рога или кости. Орудиями для сбора урожая были многочисленные серповидные ножи, найденные на могильниках финно-угров Поволжья. Они имеют дуговидную спинку и вогнутое лезвие. Для конца VIII—VII вв. до н. э. характерны широкие ножи без черешка длиной 12—19 см, а в конце VII—VI вв. до н. э. распространение получают серповидные ножи с узкими клинками и коротким черенком для насаживания рукояти.

К орудиям для переработки продуктов земледелия относятся зернотерки, терочники и песты. Они обнаружены как на поселениях, так и на могильниках. Земледелие у ахмыловцев и ананьинцев имело подсечно-огневой характер. Для расчистки участков под посевы использовались железные топоры, а также бронзовые кельты при креплении лезвием параллельно рукояти (во втулку кельта вставлялся деревянный вкладыш, на него надевали рукоять длиной 39—45 см. Длина ее определена автором опытным путем согласно теории ручных орудий). Кроме того, использовали черноземные почвы пойменных и надпойменных террас долины Волги и ее притоков. Такие почвы содержат до 13% гумуса и требуют минимальных затрат сил на их обработку. Особенно приемлемы для долинных почв просо и гречиха. В слоях раннего железа обнаружены зерна проса, ячменя и мягкой пшеницы. Учитывая сходный характер хозяйства, следует полагать, что их культивировали на широкой территории. Определенную роль в хозяйстве играли охота и рыболовство. В остеологическом материале Малахайского поселения кости медведей составляли 7,5% от общего количества костей, северного оленя — 0,8%, бобра — 1,3%, куницы — 0,5%, кости рыб (сом) — 0,14% (Петренко). На ряде памятников обнаружены рыболовный крючок, грузила от рыболовных сетей, а также многочисленные наконечники стрел. Подсобным видом добывания пищи был сбор дикого меда, орехов, ягод, грибов, различных дико-

растущих растений. С бортничеством связаны находки костяной лопаточки из Копаньского городища. Скорлупа орехов входила в состав женского ожерелья в одном из погребений Старшего Ахмыловского могильника.

Больших успехов древнее население края достигло в развитии ремесла. В керамическом производстве господствуют традиции изготовления посуды ленточно-жгутовым способом.

Об уровне развития металлургии в первую очередь свидетельствуют многочисленные орудия труда, оружие и украшения. Только из погребений Старшего Ахмыловского могильника происходят 2 575 бронзовых и 699 железных изделий. У ахмыловского населения был высокий уровень изготовления бронзовых предметов. О выделении меднолитейщиков говорят их захоронения на Старшем Ахмыловском могильнике в сопровождении чашевидного и плоскодонного тиглей. Древние мастера изготавливали изделия из серебра и золота. Они знали также способы холодной обработки цветного металла: накладки налобных венчиков содержат выбитые узоры из пунктирных, точечных, резных линий (Кузьминых).

Технологические исследования черного металла Старшего Ахмыловского могильника позволяют говорить о высоком мастерстве древних кузнецов. По времени и уровню освоения железа население Среднего Поволжья не только не отставало от населения более южных областей, но в некоторых отношениях даже опережало его. Технологический анализ 56 железных ножей, топоров, наконечников копий, кинжалов и украшений (Розанова) показал, что уже изделия конца VII в. до н. э. изготовлены из высокоуглеродистой стали. При этом большинство предметов имеют весьма высокое качествоковки, включая изделия первой половины VII в. до н. э. Данный факт свидетельствует о довольно раннем приобщении металлургов Поволжья к производству железных изделий. В этот период, по общему мнению специалистов, господствовал сыродутный способ добычи железа. Начало железного века в Поволжье относится к концу VIII в. до н. э., но полное вытеснение бронзового оружия и орудий труда железными наблюдается лишь во второй половине VI в. до н. э. (Патрушев. 1984).

Распространение железных орудий стимулировало дальнейшее развитие других видов ремесленного производства — ткачества, обработку кости, дерева, кожи. Для прядения использовали веретена с насаженными на них глиняными или металлическими пряслицами. Из пряжи вили шнуры и веревки; их многочисленные отпечатки имеются на сосудах. Остатки шерстяных тканей обнаружены на Старшем Ахмыловском и Ананьинском могильниках. Для шитья одежды использовались иглы, а для плетения из лыка — бронзовые кочедыки. В одной из могил Старшего Ахмыловского могильника обнаружено плетеное дно берестяного короба.

Сохранились также поделки из кости, кожи и дерева. В погребении 114 Старшего Ахмылова прослежен тлен выдолбленного гроба-колоды. На Акозинском могильнике открыты остатки сгоревшего ладьевидного сооружения. Неоднократно прослежены тлены

деревянных рукоятей ножей, топоров-кельтов, шильев, древки стрел. Костяные изделия (гребень, пронизи с нарезками, наконечники стрел и др.) свидетельствуют о высоком мастерстве древних костерезов.

В подобном сочетании производящих и присванвающих отраслей ярко проявляется комплексный характер хозяйства. Оно не только удовлетворяло потребности населения, но и предполагало избытки продуктов, которые накапливались в виде ценностей или на обмен. В результате интенсивного развития экономики у ахмыловского населения складываются новые общественные отношения. Необходимость защиты накопленных ценностей и стремление овладеть более легким путем чужими богатствами приводят к военизации быта, к частым военным столкновениям между племенами. На первый план выступает военная организация рода, и формируются отношения военной демократии. Новые общественные отношения археологически проявляются в появлении укрепленных поселений — городищ. Также складываются новые общественные единицы — патронимии, объединяющие близких родственников распадающегося отцовского рода. Такие патронимии четко выделяются на археологической карте памятников эпохи раннего железа. Они располагаются удаленными друг от друга группами. В каждую группу входят 2—4 поселения.

Дальнейшая имущественная дифференциация общества ярко проявляется в наличии богатых и бедных погребений на могильниках. По материалам Старшего Ахмыловского могильника выделены девять групп среди мужских захоронений, различающихся по инвентарю. Каждая из них сопровождалась определенным набором находок: 1) — кинжал, кельт или копье, или топор, стрелы, украшения, жертвенное мясо; 2) — кельт, копье, стрелы или нож; 3) — копье и стрелы, или кельт и стрелы, или топор и стрелы; 4) — кинжал или копье, или кельт, или железный боевой топор; 5) — стрелы, иногда еще нож или оселок; 6) — культовые предметы; 7) — только мужские орудия труда; 8) — только нож или оселок, или одно украшение; 9) — костяк без вещей. Такие же группы выделены среди женских погребений. Анализ материалов показывает, что предметами первой группы пользовались всего восемь человек (из почти 1,5 тысячи человек). Довольно высок процент рядовых воинов. Много неполноправных представителей населения, в могильных ямах которых ничего не обнаружено.

Сравнивая экономику и социальный состав ахмыловского населения, Прикамья и племен Верхнего Поволжья и Севера приходим к выводу, что как уровень экономического развития, так и общественных отношений в конце VIII—VI вв. до н. э. в Марийском Поволжье были гораздо выше. Исходя из установленной приблизительной численности поселений, в марийском крае в начальный период раннего железа одновременно обитало примерно три тысячи человек, т. е. население довольно большого племени или даже союза племен.

Развитие производительных сил, накопление ценностей, частые

военные столкновения и в связи с этим необходимость поднять уровень военного искусства и техники вовлекают финноязычное население эпохи раннего железа в водоворот развитого обмена с окружающим миром. Не только родственные племена культуры псевдосетчатой керамики Фенноскандии и Скандинавии, но и весьма отдаленные районы оказываются в тесных культурных связях с нашими предками. Особенно интенсивными были связи с Северным Кавказом. Сходные формы с кавказскими изделиями проявляются в следующих находках из могильников марийского края: кинжалы биметаллические и цельножелезные топоры, железные наконечники копий первого и частично второго типов, предметы конской сбруи — двукольчатые удила с витым стержнем, простые стремечковидные удила, двухдырчатые псалии, блестящие с лучевым орнаментом, ременные пронизки, а также многочисленные украшения — одиннадцать разновидностей гривен, умбонovidные бляхи, три формы булавок, простые зеркала, наконечник ножен кинжала с когтевидным завершением, формы крупных височных колец, узоры в виде символов древа жизни, колокольчиковидные подвески, бронзовая фибула раннекобанского типа, изображения лошадей, рыб, а также орнаментация накладок точечными узорами, спиралями, резными, геометрическими узорами.

Следует отметить одну особенность: у финноязычного населения многие привозные изделия (части конской сбруи, украшения) часто имели совершенно другое назначение. Значит, импортные вещи на Среднюю Волгу попали не вместе с их владельцами, а в результате обмена. Могилы, где обнаружены кавказские формы вещей, сооружены по местным обычаям. Происхождение ряда изделий в Поволжье связано с предкифским населением Северного Причерноморья — киммерийцами. Это плоские и конусовидные бляшки. Однако накладки с парными выпуклинами и трубчатые пронизки, известные у киммерийцев, следует считать средневожским импортом в Причерноморье, т. к. они здесь составляют господствующий элемент местных украшений.

Близкие формы булавок и гривен, парных накладок и трубчатых пронизок встречены у белогородовско-чернолесских, высокоцких и лужицких племен на территории Украины, Молдавии и Белоруссии. Четырехлепестковая и полулунная бляшка, трапециевидная поясная подвеска, бляха с вписанным в круг крестом, биметаллический кинжал известны в материалах раскопок в Венгрии (Угра, Печ, горы Матра, Испанлак, Липтау, Фюзешабонь, Секошфехервар, Нискосцер), Чехословакии (Штрамберг, Брно-Обрджаны), Австрии (Штильфрид), Польше (Гамуз). Близкие аналогии железным топорам, бронзовым наконечникам копий, лучевому и спиральному орнаменту на бляхах имеются в древностях Австрии, Венгрии, Италии, Греции, Германии. Прототипы зеркал специалисты указывают в Двуречье и Северном Иране. Оттуда же происходят бронзовые пластины с изображением крылатых львов с головой человека в короне и символами древа жизни. К выводу о существовании лунного календаря можно прийти на основе ана-

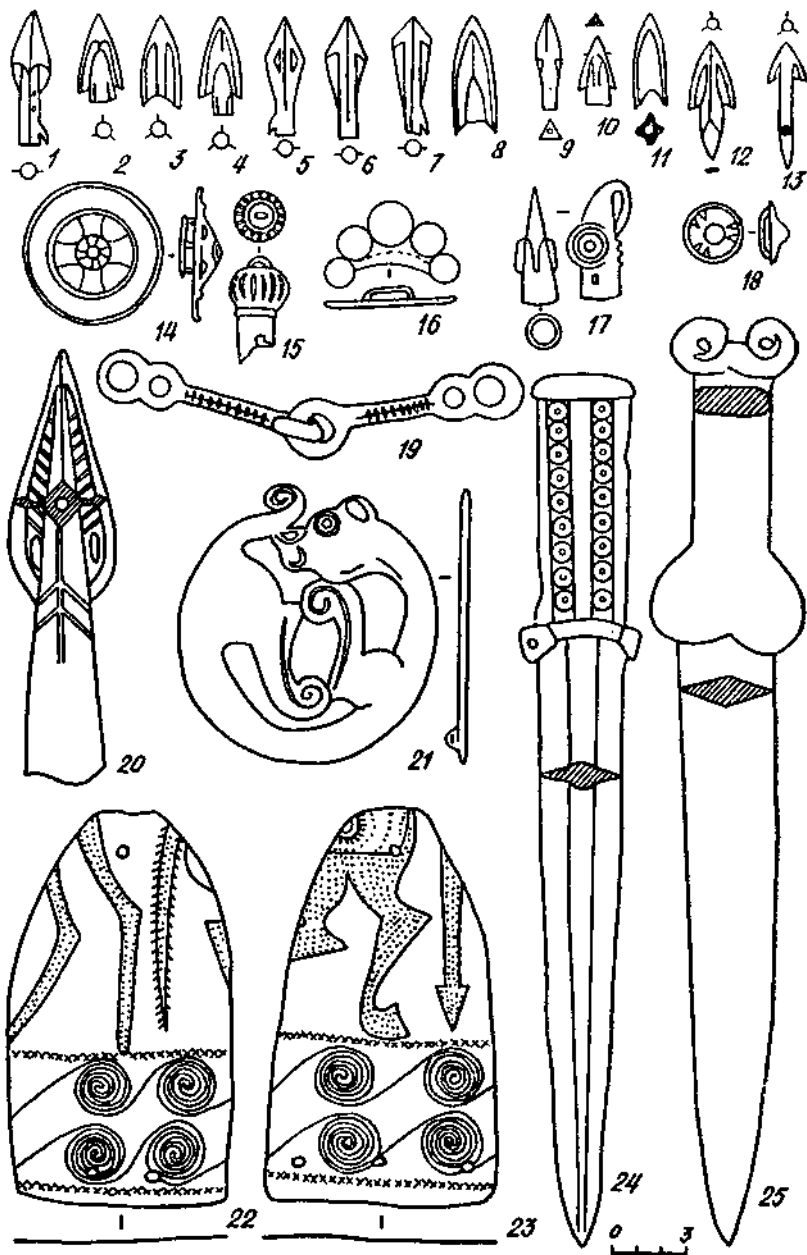

Рис. 35

лиза узоров одной из блях Старшего Ахмыловского могильника. Определенное количество выпуклин и ямок указывают на соответствующее количество месяцев и дней в году.

Необходимо также отметить воздействие скифских форм предметов на изделия племен Среднего Поволжья в VII в. до н. э. через северо-кавказское население. На рубеже VII—VI или в первой половине VI в. до н. э. могла быть попытка установить прямые контакты со скифами, или же посреднические связи с ним через родственные племена на Оке с областями Верхнего и Среднего Поволжья. Скифские формы имеют цельножелезные кинжалы, большинство бронзовых наконечников стрел, железные копыя третьего типа, пещни, некоторые накладки с выпуклинами, бляхи, булавы. В ананьинском Прикамье в V—IV вв. до н. э. появляются образцы скифского звериного стиля и скифо-сибирские формы клявцов (Збруева). Скифские формы оружия появляются у племен дьяковской и городецкой культур (Гуляев, Смирнов).

Савроматский мир (Нижнее Поволжье) представлен небольшой группой предметов: кинжалом с антенным навершием, несколькими предметами конской сбруи и большинством бронзовых наконечников стрел. Последние, хотя встречаются и на скифской территории, но в деталях гораздо ближе савроматским.

Изделия восточных кочевников Средней Азии и Горного Алтая в лице племен сакской культуры представлены черешковыми бронзовыми наконечниками стрел, некоторыми типами зеркал, украшений, предметов конской сбруи. Особый интерес представляют аналогии из царского кургана восточных кочевников в Туве — Аржана. Значительная часть предметов этого кургана сходна с ахмыловскими находками (стремечковидные удила, наконечники стрел, бляхи с выпуклой средней частью и др.).

Некоторые изделия из Ахмылова аналогичны находкам на памятниках тагарской культуры в Сибири (бассейн Енисея): наконечники стрел, ажурные бляхи с изображением свернувшейся пантеры, некоторые типы зеркал.

На западе тесные культурные связи с Прибалтикой, побережьем Белого моря и Скандинавией ярко документированы находками сходных кельтов аозинско-меларского типа, а также в некоторых областях шнуровой керамики.

Обширные культурные связи финноязычного населения в эпоху раннего железа прежде всего объясняются развитым характером экономики и общественных отношений: привозные вещи удовлетворяли потребности богатой военной верхушки общества. Наряду со ступенчатым обменом южных изделий на пушнину или другие продукты, возможно, имела место и непосредственная связь древних племен.

Культурные связи с отдаленными районами Беломорья и Скандинавии следует объяснить этническим родством и, вероятно, переселением части населения их Среднего Поволжья в указанные области, т. е. только передвижение населения сопровождается передачей характерных черт керамики.

Древнее искусство волжских финнов наиболее ярко отражено на металлических предметах с зооморфными изображениями и орнаментальными узорах.

На кочедыках из Старшего Ахмыловского могильника головки лошадей отличаются реалистическими чертами: плавными контурами обозначены морды со стоячими ушами, глаза — кружочками и напряженно изогнута шея (рис. 24, 1, 2).

Задняя часть лошади (круп с солнечным кругом, ноги и хвост в виде стрелки, заполненные точечными узорами) изображена на бронзовой накладке налобного венчика из погребения 840 Старшего Ахмыловского могильника (рис. 35, 23). Фигурка лося изображена на навершии из этого же могильника (рис. 36, 9).

Фигурка животного, в профиль напоминающего несколько стилизованное изображение лошади, а в фас — кабана с оскалом одного ряда клыков на округлом пяточке, обнаружена на Акозинском могильнике (п. 83; рис. 36, 2). Направленные друг против друга две фигурки животных помещены на навершии бронзовой рукоятки кинжала из этого же могильника (п. 98; рис. 36, 1).

Уникальны находки частей головных уборов с чеканными и резными изображениями двух крылатых львов (с головой человека и грифона), (п. 800 Старшего Ахмыловского могильника; рис. 26, 1). Первое восходит к ассирийским древностям, второе — кавказским. Фигурки хищников передают напряженное состояние. Несмотря на контурную обрисовку частей тела, они не лишены реализма.

Найдена также бронзовая подвеска — амулет с массивной головой, раскрытым ртом и четырьмя выступами-лапками (очевидно, бобр; рис. 36, 5). На другой пластине передана собака (рис. 26, 3).

Следующую группу составляют фигурки и изображения птиц из Старшего Ахмыловского могильника. Это бронзовые полые фигурки уток (рис. 36, 3), литая фигурка летящей птицы (рис. 26, 2), рисунок сокола с раскрытыми крыльями, повернутой вправо головой и туловищем в виде сужающейся лесенки на нагрудной бляхе (п. 863; рис. 36, 8). В одном случае на наконечнике ножен скифского акинака изображены только когти хищной птицы (рис. 36, 6). Аналогичные изображения известны на памятниках Северного Кавказа.

Изображения рыб даны на бронзовых накладках налобного венчика. Одни из них имеют небольшие головки, переходящие в широкое туловище, у других массивная голова непосредственно переходит в широкий хвост. Рядом с ними находятся рачевидные существа, а в верхней части накладки — спиральные узоры, отождествляющие, очевидно, стихию воздушных сил. (рис. 36, 10).

На ряде бронзовых изделий Старшего Ахмылова изображены змеи. В виде головок змей оформлены разомкнутые концы браслета; ярко переданы очертания змеиной утолщенной головки с глазами в виде продолговатых ямок и туловом с елочными узорами на будавке из уплощенного дрота (п. 683). Символ змей можно увидеть в узорах из насечек на браслете. В виде свернувшейся в

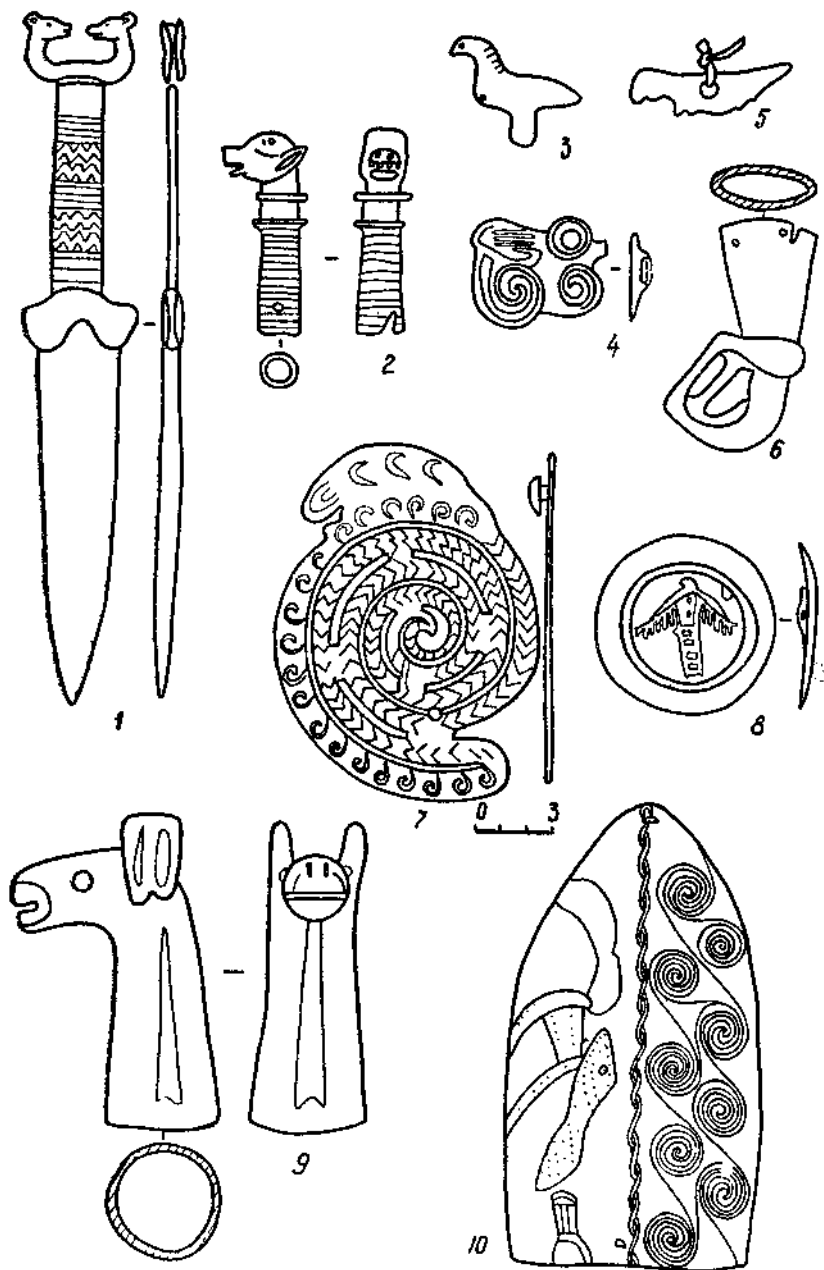

Рис. 36

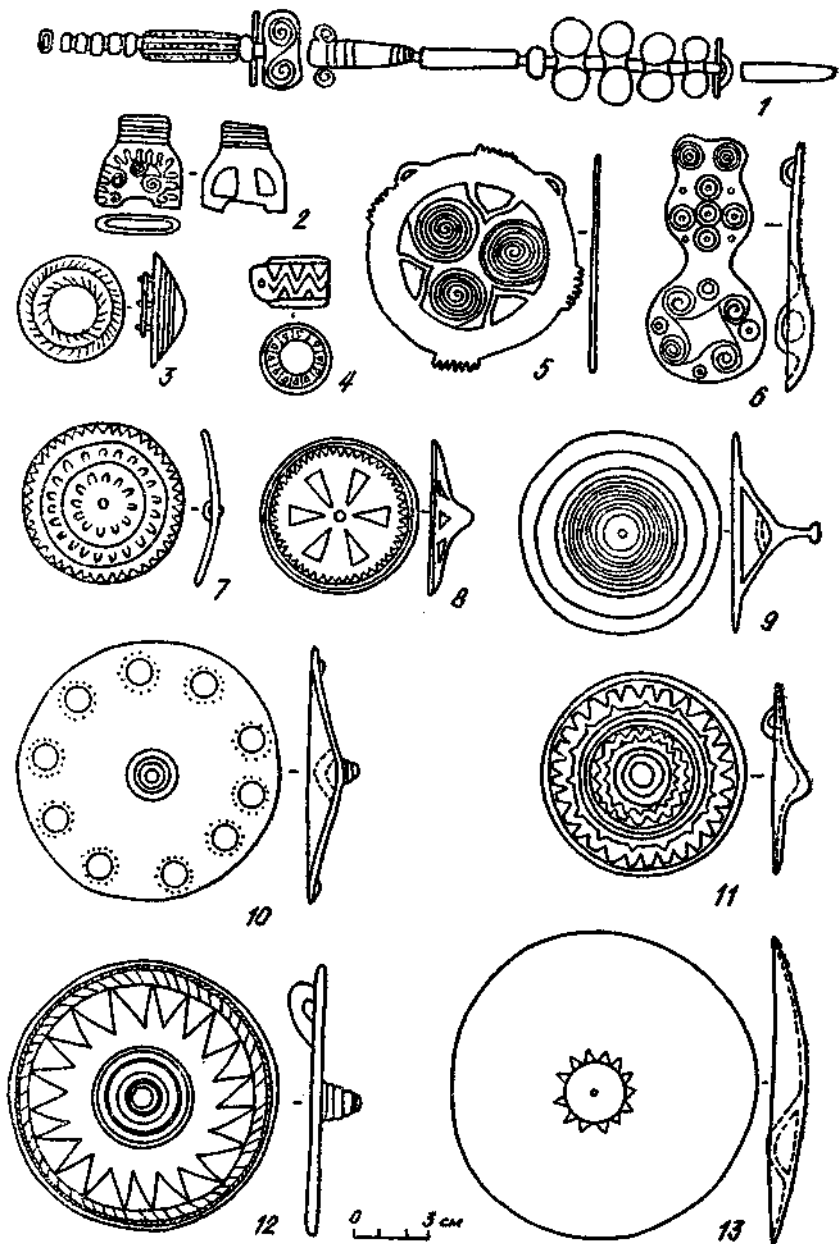

Рис. 37

кольцо змеи с насечками и елочными узорами по туловищу оформлена бронзовая ажурная бляха (п. 704). Верхняя часть ее наполняет вцепившееся в тело животное (медведя). Изогнутые тела змеи и животного, насыщенные узорами из крупных спиралей, насечек и елочек, передают напряженное состояние единоборства двух враждебных сил (рис. 36, 7).

Зооморфные изображения памятников Поволжья свидетельствуют о новых идеологических представлениях, пришедших на смену старым и связанным с земледельческим культом. Вместе с тем, они в корне отличаются от стилизованных изображений хищников в зверином стиле ананьинских памятников Прикамья. Таким образом, для населения Поволжья характерны своеобразные идеологические представления.

Выше говорилось об оригинальных антропоморфных изображениях в виде фигурки человека. Есть также изображения человеческого лица на бляхах. Человеческая фигурка изображена на глиняном сосуде из поселения Векса I в Вологодской области.

Следует выделить характерные узоры на металлических изделиях ахмыловского облика (рис. 37). На Старшем Ахмыловском, Акозинском и Козьмодемьянском могильниках на многих украшениях содержатся солярные изображения в виде концентрических кругов, кругов с лучами или спиральями (протуберанцами). Солярные знаки содержатся на круглых и четырехлепестковых бляшках, накладках налобных венчиков. Нередко сочетание солярных знаков в виде круга с крестовыми узорами.

На многих изделиях содержатся зигзаги, волна, треугольные узоры, ромбы.

Образцы скифо-сибирского звериного стиля в искусстве представлены на памятниках ананьинского Прикамья. Отсюда же происходят характерные местные изделия с традиционными для Прикамья узорами и изображениями лесных обитателей (Збруева, 1952).

Гораздо слабее представлено искусство западных финно-угров. В городечской и дяковской культуре в основном известны лишь узоры из простых линий и зигзагов (К. Смирнов. 1974; А. Смирнов, Трубникова. 1965).

Многие элементы искусства населения I тыс. до н. э. сохранились в традиционном искусстве поздних финно-угорских народов России и составили этническое своеобразие финно-угорского мира.

ФИННО-ПЕРМСКИЕ ПЛЕМЕНА ПРИУРАЛЬЯ В ПЬЯНОБОРСКО-АЗЕЛИНСКОЕ ВРЕМЯ

НА БАЗЕ финно-пермских племен Прикамья послепалеолитического времени формировались современные финно-угорские народы Приуралья.

Послеананьинские памятники А. В. Шмидт (1928) без особых доказательств подразделял на пьяноборские в Нижнем и гляденовские в Верхнем Прикамье. Впоследствии ряд исследователей высказывали мнение о единой послеананьинской культуре Прикамья — пьяноборской (А. Смирнов. 1952). Позднее на территории расселения ананьинцев были выделены помимо памятников пьяноборского типа карабызская (в среднем течении р. Белой), осинская (в Среднем Прикамье у устья р. Тулва), гляденовская (в Верхнем Прикамье) культуры. В. Ф. Генинг (1970) предложил сохранить по традиции для всех указанных культур термин пьяноборская культура в новом значении для обозначения этнокультурной общности Прикамья послепалеолитического времени, а группу памятников в устье р. Белой (в том числе Пьяноборский могильник) объединить в чегандинскую культуру по хорошо изученным могильнику и городищу у с. Чеганда в Удмуртии.

Чегандинская культура датирована III в. до н. э. — II в. н. э. Более поздние памятники в связи с изменениями основных культурных признаков выделены в азелинскую культуру III—V вв. н. э. (Генинг. 1953, 1958). В нее входят как памятники Прикамья, так и Волго-Вятского междуречья. Поздние памятники Среднего Прикамья в Удмуртии были объединены в мазунинскую культуру III—VIII—середины IX вв. (Генинг. 1967). И, наконец, более поздние памятники Верхнего Прикамья от устья р. Чусовая были выделены в ломоватовскую культуру V—VIII вв. или I половины IX в. (Голдина. 1985). Указанная и ряд поздних культур Приуралья (ванвиздинская в Вычегодском крае, верхнем течении р. Мезень, верхнем и среднем течении р. Печора, переросшая в вымскую культуру перми вычегодской или коми-зырянских племен; полонская в бассейне р. Чепца и генетически связанная с ней чепецкая культура древних удмуртов; родановская культура, генетически связанная с ломоватовской культурой и представляющая коми-пермяцкие племена) уже характеризуют финно-пермские народы — коми-пермяков, коми-зырян и удмуртов.

Обилие материала, длительные дискуссии о хронологии, этнической принадлежности, происхождении, генетических связях, датировке и т. д. всех перечисленных культур делают невозможным их детальную характеристику. Поэтому автор предлагает остановиться в данной главе на описании основных признаков культур пьяноборского и азелинского времени. Более поздние культуры в той или иной мере будут охарактеризованы при освещении археоло-

гических материалов коми и удмуртов конца I — первой половины II тыс. н. э. (глава 12).

Памятники пьяноборского времени располагаются группами на небольших территориях, между которыми остаются обширные незаселенные пространства. Такую сравнительно небольшую территорию Среднего Прикамья у места впадения в нее р. Белой занимают памятники чегандинской культуры. Среди них выделены поселения, могильники, клады (Генинг. 1970).

Поселения представлены селищами и городищами. Последние в отличие от ананьинских нередко укреплены двумя рядами валов и рвов (Чеганда I, Ныргында II и др.). Три городища имеют тройную линию укреплений из валов и рвов (Каменный Лог, Юнгинское II, Сухаревское). При этом два вала и рва находятся со стороны поля, а одна линия укреплений — у конца мыса. Большинство городищ, как и в ананьинское время, располагаются на высоких естественно укрепленных мысах и с напольной стороны имеют искусственные укрепления. Однако десять городищ имеют новую систему укреплений в виде кольцевого вала (Такталачук, Уяндык, Андреевское и др.). Очень слабый культурный слой на них подсказывает их назначение: здесь население укрывалось в минуты опасности. Кольцевой вал обычно сопровождается углубленным коридором со стороны площадки шириной не менее 4 м и глубиной до 1,5 м от уровня площадки городища, где скрывались его защитники.

На городищах Ильчибай, Петер-Тау сочетаются оба типа укреплений — кольцевой вал и дополнительно с напольной стороны вал и ров.

Анализ материалов городищ показывает, что поселения площадью от 500 до 2 000 кв. м обычно использовались как временные убежища. Городища с мощным культурным слоем от 5 до 13,8 тысячи кв. м. являлись долговременными постоянными поселениями.

На ряде поселений чегандинской культуры открыты жилища. На городище Чеганда I полностью раскопано 9 жилищ из 19. Реконструкции жилищ представлены В. Ф. Генингом: это были деревянные срубы размерами 4,5—5×9—11,5 м полезной площадью от 40 до 55 кв. м; слева от входа и у стены напротив от него находились деревянные нары-лежанки; по средней линии жилищ находились обычно два очага в виде открытых кострищ, обставленных камнями; двускатная крыша поддерживалась подпорками-столбами; ямы-кладовки вне жилищ.

Близкий тип жилищ характерен и для поселений гляденовской культуры Верхнего Прикамья. Однако там есть и различия: деревянная рамка вокруг очага, хозяйственные ямы внутри жилища, тамбур у входа, канавка и завалинка вокруг сруба.

Жилища на городище Чеганда I располагались в 10—15 м друг от друга ровными рядами. Между ними проходит улица шириной 15—20 м.

Могильники пьяноборского облика известны еще с конца XIX в.

К настоящему времени исследовано более десятка могильников чегандинской культуры общим числом более 350 погребений. Они обычно располагались на берегах рек. Преобладают могильные ямы прямоугольной формы с округлыми углами, длиной 151—200 и шириной 60—70 см. Глубина могил обычно небольшая — 30—50 см. Но есть и более глубокие — до 105 см. При раскопках зафиксированы остатки дерева от гробовищ.

Положение костяков характерно для широкого круга памятников пьяноборского облика — вытянуто на спине с вытянутыми или согнутыми в локтях руками, головой обычно на восток и север или реже на юг. Скорченные костяки на боку, встреченные довольно редко, как и сожжение покойника в могиле, являются не местными чертами.

Могильники пьяноборского облика дали бльшое число украшений от костюма, располагающихся в порядке ношения. Бытовые вещи, орудия труда и оружие в могилы помещали очень редко.

Самыми характерными предметами пьяноборского облика являются эполетообразные застёжки в виде округлой бляхи с костыльком на обороте и передней пластиной с крючком; две эти части соединяются жгутами. Развитие таких изделий идет от простых, менее массивных форм к сложным, у которых увеличивается число соединительных жгутов между частями (рис. 38).

Этническое своеобразие данного населения составляет женский костюм, включающий украшения головы, шеи, рук и самой одежды (рис. 38; Генинг. 1970).

Головной убор женщин состоял из платка, поверх которого надевалась налобная повязка. Иногда она в виде целого медного листа с суженными концами. Чаще встречены повязки с нашитыми круглыми бляшками в 1 или 2 ряда.

На висках носили медные подвески в виде знака вопроса с конусовидной привеской. Иногда привески в виде листа, петельки или с бусиной на конце. С одной стороны головы таких подвесок встречено от 1 до 12. Обычно они встречены у обоих висков. При этом нередко их больше у правого виска. Иногда они обнаружены только у одного виска. В поздний период основной стержень приобретает форму небольшого замкнутого кольца.

Шейные украшения представлены проволочными или кручеными гривнами, ожерельями из бус в 1 или 2 ряда. Бусы из стекла, пасты или реже медные. Довольно часто ожерелья включают медные бляшки и подвески.

Браслеты чегандинской культуры в ранний период многовитковые, а позднее одно- и двухвитковые. Встречены медные и железные экземпляры, а несколько браслетов изготовлены из кожаной полоски, сплошь покрытой тонкими медными обоймочками. Обычно браслеты женщины носили на правой руке, реже на левой или обеих руках.

Довольно редко встречены пластинчатые перстни с щитками.

Особое богатство женскому наряду придавали украшения самой одежды. В. Ф. Генинг выделяет нагрудники нижней и крупные

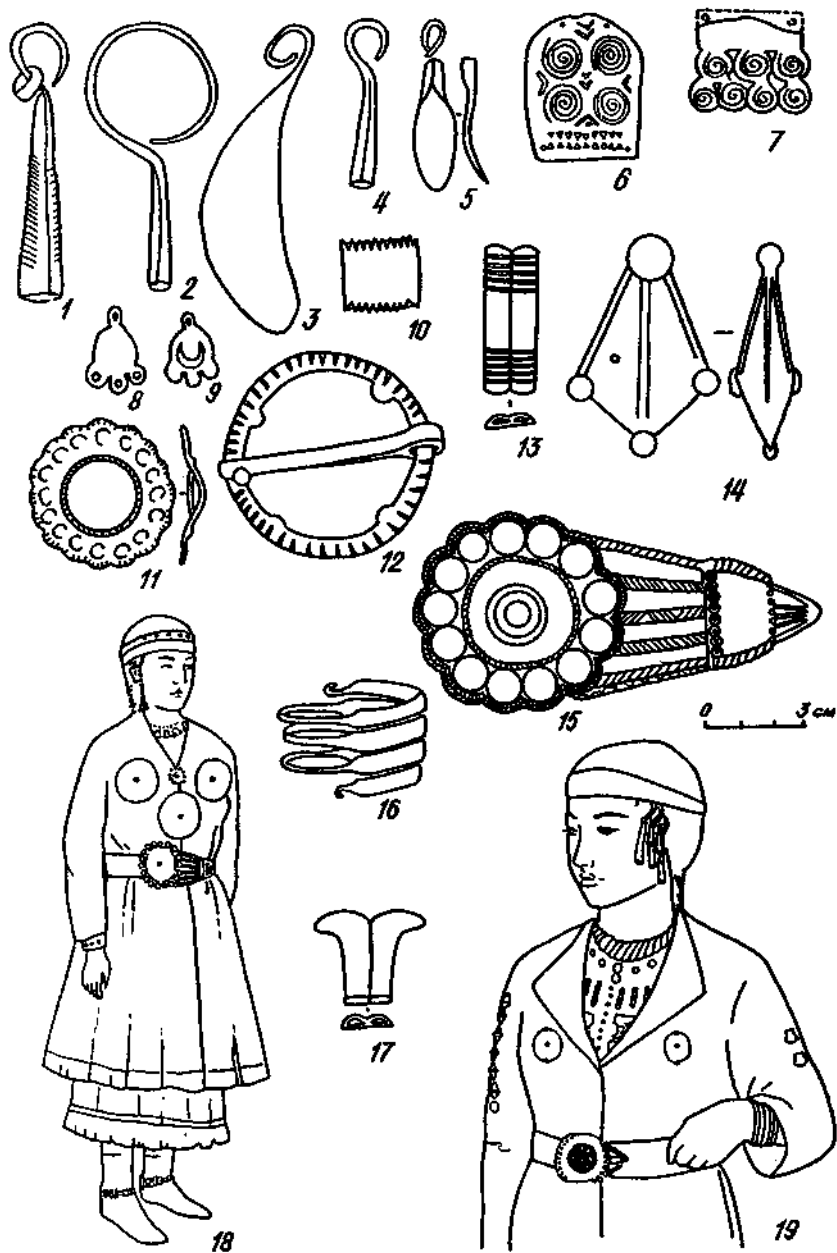

Рис. 38

бляхи верхней одежды. Нагрудник состоял из различных медных бляшек, спиралек, пронизок, подвесок или бус (рис. 38).

Иногда украшения имелись на рукавах верхней женской одежды из круглых бляшек, нашитых в 1—2 ряда от плеч до локтя или по краю рукавов.

Для застегивания одежды использовались бляхи с иглами, сюльгамы, фибулы, а также поясные ремни — женские широкие с застежкой или мужские узкие с простой пряжкой.

Кожаная обувь женщин также украшалась бляшками и застежками.

Других категорий находок немного. Это железные однолезвийные мечи из могильника. Чеганда II, городище Чеганда I, Якимовское и др. Их формы местные, различные. Длина клинка колеблется от 55 до 115 см. Некоторые экземпляры с металлическими частями от ножен. Рукояти мечей иногда железные, с железными серповидным навершием и брусковидным перекрестьем. Чаше рукоять биметаллическая, с одетыми на нее сложными навершиями в виде змеек, конусов, стилизованных когтей птиц (или лепестков).

На чегандинских памятниках немного наконечников стрел, чаще костяных (втульчатых и черешковых), иногда бронзовых и железных. Также немногочисленны железные ножи и кинжалы.

Подобный набор вещей с обилием украшений костюмов близких форм и немногочисленными орудиями труда и оружием характерен для других групп населения пьяноборского облика. Особыми формами в отличие от западных финноязычных племен и южных кочевников выделяются сосуды пьяноборского облика. При общей чашевидной форме разные типы сосудов отличаются лишь по профилировке шеек и оформлению венчика. В какой-то мере в формах керамики прослеживается ананьинская традиция. Последняя проявляется и в характерной примеси пьяноборской посуды — толченой раковине. Однако господствующей орнаментацией пьяноборской посуды являются круглые, треугольные и удлиненные ямочные вдавления. Вместе с тем, в группе осинской посуды популярны также узоры из оттисков гребенчатого штампа и нарезок, в гляденовской — резные узоры. Отпечатки крупнозубчатой гребенки и грубые оттиски шнура встречаются на караабызской посуде (Пшеничнюк).

Некоторые новые формы металлических украшений и элементов костюма также характеризуют особенности каждой группы памятников (Геннинг. 1962). В погребениях караабызских могильников чаще всего встречены височные кольца в полтора оборота диаметром 1,8—3 см. На гляденовских памятниках очень характерны конические бляшки как украшения костюма вместо сферических бляшек чегандинской культуры. Встречены также дуговидные бляшки с изображением медведя, опустившего голову к передним ногам, или скульптурные фигурки медведя (Спицын).

Не характерны для других групп населения пьяноборского облика эполеообразные застежки чегандинского типа. Вместо них на караабызских памятниках использовались ажурные бляхи с

крючком или железные крючки с прикрепленными сверху крупными бляхами (Пшеничнюк).

Гляденовская группа памятников Верхнего Прикамья отличается ярким своеобразным культом, воплощенным в многочисленных бронзовых антропоморфных и зооморфных украшениях. Данный культ продолжается и в последующих культурах Верхнего Прикамья.

В пьяноборской культуре прослежены элементы культуры более западных районов. Находки вещей западного облика на пьяноборских памятниках свидетельствуют о культурных связях с волгоокскими племенами. Параллели в находках можно видеть в Кошибеевском могильнике у слияния рек Цна и Мокша, Писеральских курганах в Марийском Поволжье, Андреевском кургане в Мордовии, городище Пичке-Сорче в Чувашии и т. д. К их числу относятся выпуклые и ромбические бляшки, тройные бляшки, пронизки полуцилиндрические, подвески в форме сапожек, бляхи с игловидным стержнем и тонкие подвески в виде птичьих лапок. Эти предметы на западных памятниках сопровождаются плоскодонной керамикой. Такая же посуда обнаружена в трех погребениях чегандинского могильника Ныргында II. Данный факт может говорить о проникновении в Прикамье выходцев из Поволжья (Генинг. 1970). Одновременно в Поволжье найдены единичные эполетообразные застежки и ажурные бляхи пьяноборского облика (Трубникова. 1964).

На рубеже II—III вв. н. э. в этническом составе населения Прикамья происходят значительные изменения. В среду финно-пермского населения вторгаются племена тюркского, угорского и самодийского происхождения, вытесненные из лесостепных районов Западной Сибири под напором гуннов и их союзников (Генинг. 1958, 1961). В Верхнем Прикамье и на р. Белая начинается смешение пришлых племен с местными. Южные племена осинского облика были вынуждены уйти на северо-запад и заняли верхнее и среднее течение р. Чепцы, сформировав ломскую культуру. Значительная часть чегандинского населения вышла к р. Вятка и приняла участие в формировании мазунинской культуры. Другая группа этого населения продвинулась вниз по Каме до Волги и здесь сформировалась азелинская культура. В свою очередь, под натиском пришлых южных племен именьковской культуры, азелинцы были вынуждены уйти с низовьев Камы на среднее течение Вятки.

Азелинская культура датирована III—V вв. н. э. Большую часть памятников составляют грунтовые могильники (Азелинский, Суворовский, Мари-Луговской и др.). Погребенные лежат в подпрямоугольных ямах вытянуто на спине. Нередко могильные ямы располагаются рядами.

Вещевые комплексы азелинских могильников включают как украшения костюма, так и оружие и орудия труда (Генинг. 1963).

Азелинский женский костюм обильно украшался металлическими предметами (рис. 39). По материалам раскопок восстанавливаются верхняя и нижняя одежда. Верхняя одежда застегивалась

сюльгамой (овальное или круглое пластинчатое незамкнутое кольцо с иглой). Иногда нижний край одежды украшался горизонтальными рядами медных обоймочек, нанизанных на кожаный ремешок. На груди поверх верхней одежды прикреплялись медные круглые бляхи с концентрическими кругами на поверхности и иглой по центру для крепления. В некоторых могилах (возможно, детских) вместо блях находились шумящие подвески в виде ажурных прямоугольных рамок с лапчатыми привесками. Поверх верхней одежды надевались пояса: женские с эполетообразными застежками, мужские с обычными кольцевыми пряжками с иглой. Женские пояса покрыты медными накладками, халцедоновыми дисками и украшались ремешками с пронизками и подвесками-уточками. Медные или железные накладки имелись и на мужских поясах.

Женская нижняя одежда украшалась нагрудником из прямоугольного куска ткани с нашитыми медными пластинами, рамками, бусами и шумящими или пластинчатыми подвесками.

По материалам богатых погребений, поверх верхней одежды надевался составной передник из сложных подвесок или фигурки коня.

На шее женских костюмов находились гривны из круглого или четырехгранного в сечении медного дрота с заостренными или расплюснутыми концами, а также из 1—3 рядов ожерелья.

Весьма оригинальные женские головные уборы. Одни носили неглубокие шапочки из ткани, сплошь украшенные медными обоймочками и бусами. Подобная шапочка под названием «такья» известна в этнографических материалах удмуртов и чуваш. Другие женщины носили головной венчик с обоймочками.

Большое значение азелинские женщины придавали височным украшениям. Характерен сложный набор из височных подвесок, бус и колец (рис. 39). Популярны были также перстни и браслеты, которые носили как женщины, так и мужчины. Для всех была характерна кожаная обувь, стянутая от пятки к подъему кожаными ремешками с пряжкой и медным наконечником. Женская обувь дополнительно украшалась пластинками на носках и медными пластинками на ремешке и пятках.

В целом азелинский костюм отличается пышностью и богатством. Помимо нарядных медно-бронзовых, стеклянных, каменных частей по немногим остаткам в могилах можно говорить об использовании ярко-красной краски для окраски ткани и кожи, а также довольно сложной вышивки для украшения одежды. Все эти элементы вместе с традицией ношения шумящих подвесок сохраняются у исторических финно-угорских народов — удмуртов и мари.

Азелинское время — новый этап в развитии хозяйства и общества финно-угров. Об этом говорят новые формы орудий труда. Об увеличении роли скотоводства говорит появление железных обоюдоострых кос с коленчатым изгибом длиной лезвия до 19 см и шириной 3—3,5 см. К рукоятке коса крепилась при помощи изогнутого под прямым углом стержня. Увеличение числа уздечных на-

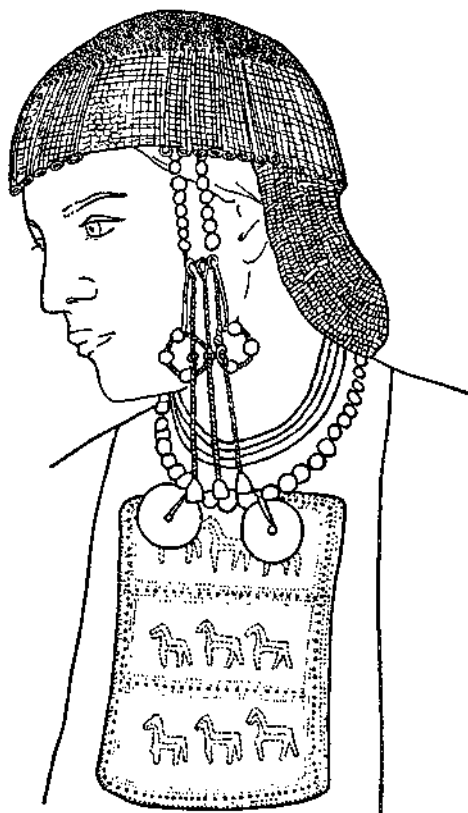
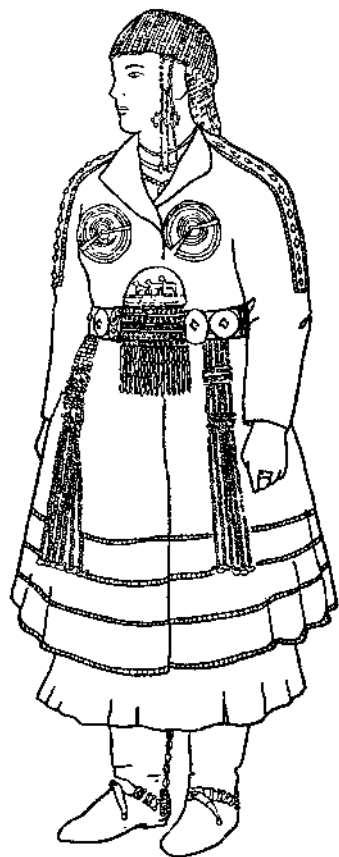

Рис. 39

боров в могилах и изображения коней в металле говорят о роли лошадей.

Значительно возрастает в азелинское время число железных топоров, очевидно, используемых для очистки от леса площадей под пашни. находка наконечника рала из Азелинского могильника говорит об использовании деревянной сохи. Ею вполне могут пахать два человека.

У азелинцев известны были и мотыги с железными наконечниками, железные серпы дуговидной формы. О более высоком уровне земледелия свидетельствует находка крупного фрагмента жернова от ручных мельниц. Многочисленные наконечники стрел из кости говорят о популярности охоты у финно-угров.

Могильники азелинцев по сравнению с пьяноборскими содержат сравнительно много оружия. Железные мечи по размерам и общим очертаниям близки к пьяноборским. Клинки обоюдоострые, прямые, длиной до 90 см. Рукоять выступает в виде простого стержня (видимо, на них надевали деревянные части). Прослежены остатки их ножен из дерева, окрашенного ярко-красной краской. В бою использовались, очевидно, железные втульчатые копья и топоры, лук и стрелы с железными наконечниками.

Обнаружены также остатки боевых шлемов из пластин или сплошные из железных кольчуг.

Азелинское население, по мнению ряда исследователей, приняло участие в формировании поздних финно-угорских народов — удмуртов и в какой-то мере марийцев (Архипов, Генинг. 1963; Халиков. 1962, 1976).

В Среднем Прикамье в послепьяноборское время обитали племена мазунинской культуры. Большинство могильников относится к III—VI вв., хотя позднюю дату ряда памятников исследователи относят до середины IX в. (Генинг. 1967).

Поселения этой культуры изучены слабо, особенно селища. Городища в основном сохраняют пьяноборские традиции. Но в новых условиях появляются другие типы укреплений: количество валов и рвов с напольной стороны доходит до четырех; площадка городища разделена на две части валами (валы находятся далеко друг от друга). Система укреплений усложняется, становится мощнее. Площади ряда городищ доходят до 26 тысяч кв. м, хотя встречаются и меньше, площадью 2—4 тысячи кв. м.

Могильники расположены на высоких мысах или гривах в стороне от берегов рек. Могилы в ямах глубиной от 20 до 100 см располагаются рядами или группами. Костяки лежат вытянуто на спине.

Вещевые комплексы мазунинских могильников беднее азелинских. Наиболее характерны фибулы с овальным щитком, приемником и иглой на пружине. На фибулах имеются чеканные узоры. Сюльгамы также использовались как застежки. Их форма близка к азелинским сюльгам.

Височные подвески мазунинцев довольно однообразны: от кольца диаметром 2—3 см опускается стержень, на который на-

дега бусина. Стержни обычно обматывались медной пластиной или изготовлялись из двух перевитых проволок.

Шейные гривны редки и простых форм из круглого медного или железного дрота, утолщенного в средней части. Также немногочисленны пластинчатые браслеты.

Из других украшений отметим поясные наборы из пряжки, наконечника ремня и накладок, иногда отдельно найдены пронизки, подвески и бляшки с умбоном или сферические.

Немногочисленны на мазунинских памятниках орудия труда и оружие — ножи, шилья, пряслица, зернотерки, мечи и наконечники стрел.

Керамика круглодонная, обычно слабо профилированная, с примесью шамота и позднее песка, бедно орнаментированная рядом неглубоких круглых ямочных вдавлений по шейке или насечками по краю венчика. В южных районах мазунинской культуры встречаются сосуды, характерные для южной бахмутинской культуры: с резким переходом от короткой шейки к вытянутому тулову, сплошь украшенные по тулову беспорядочными наколами. Встречены также плоскодонные сосуды западного облика.

Раннее средневековое Верхнего Прикамья представлено ломоватовской (Генинг. 1959; Бадер. 1953; Голдина. 1985) или хариноломоватовской (Шмидт, Розенфельдт) культурой. В настоящее время она датируется V—IX вв. В ней исследователи отмечают два компонента — гляденовский местный и зауральский пришлый.

Наиболее известны хорошо изученные могильники — Харинский и Агафоновский в Гайнском районе Коми-Пермяцкого автономного округа на правом берегу Камы, Деменковский на р. Обва, Кляповский в Березовском районе Пермской области и др. Всего на 29 могильниках раскопано 1 372 захоронения. Могильники курганные (12) и грунтовые (17). Курганные в большей мере характеризуют зауральское население, грунтовые сохраняют гляденовские традиции.

Погребальный обряд разнообразен. Наряду с труположением вытянуто на спине встречается трупосожжение. В курганных погребениях иногда прослежены остатки деревянных срубов. Костяки ориентированы по отношению к реке. Могилы в грунтовых могильниках расположены рядами. На поздних могильниках зафиксированы остатки гробов.

По материалам раскопок восстанавливаются костюмы ломоватовского населения. Мужской костюм состоял из рубахи и штанов, подпоясанных ремнем с металлическими пряжками с бляшками, и верхней одежды в виде кафтана, тоже подпоясанного ремнем. К ремню крепились сумка для кресала и гребня и нож в ножнах. Костюм дополняли сапожки из мягкой кожи, перетянутые ремешком с пряжкой.

Женский костюм также состоял из платья, верхней одежды, мягких сапожек. Из украшений характерны разнообразные височные подвески (рис. 40), шейные гривны с загнутыми концами, браслеты из круглой проволоки или 4—8-гранные с кружковым ор-

Рис. 40

наментом. Женские пояса украшены металлическими пронизками, бусами и т. д. Шнурами с пронизками и подвесками украшены грудь и головной убор женщин. Часто подвески изображают животных (куница, соболь, лошадь, медведь) и водоплавающих птиц. Много отдельных подвесок, крепившихся без шнуров — арочные, в виде фигур лошади, умбоновидные.

Из предметов вооружения часты находки обоюдоострых (а с VIII в. однолезвийных) мечей, кинжалов в металлических или кожаных ножнах, наконечников копий, дротиков и стрел, узколезвийных железных топоров. Известны также целые кузнечные наборы, орудия труда для обработки дерева и т. д.

Ломоватовские сосуды с примесью толченных раковин или растительных остатков, с округлым или уплощенно-округлым дном, очень широкие (наибольшим диаметром 15—20 см при высоте 7—16 см). В ранний период орнамент состоит из оттисков шнура, гребенчатого штампа и ямок. Поздняя посуда в основном без орнамента, иногда с насечками по краю или 1—2 рядами оттисков штампов у края венчика.

В IX в. ломоватовская культура перерастает в родановскую. Ванвиздинская культура распространилась в Вычегодском крае и прилегающих районах верхнего течения р. Мезень, верхнего и среднего течения р. Печора. В отличие от других одновременных культур здесь известны только неукрепленные поселения. На них открыты остатки жилых наземных домов прямоугольной формы в виде крытого берестой двускатного шалаша. Площади домов разные: на Вис II — 11×4,5 м; на Ошчой III — 8×4,6 м; на Лозым — 3,5×3 м.

Могильники этой культуры небольшие (I Веслянский, Шайнаты, Евдинский). Погребенные лежат вытянуто на спине головой на запад в грунтовых могилах. Погребальный инвентарь характерен для широкого круга синхронных финно-угорских племен — элементы костюма, включающие украшения пояса с накладками, пряжками и наконечниками, нагрудные подвески и т. д.

Данная культура в основном выделена по керамике. Ранние сосуды круглодонные, на поздних стадиях с уплощенным дном. Украшены или несколькими рядами оттисков шнура, или точечных линий (посуда для хранения запасов), или пышными узорами по верхней половине зубчатым штампом и ямками.

Экономика ванвиздинского населения характеризуется сочетанием присваивающих форм хозяйства (охота и рыболовство) с производящими — металлургией, металлообработкой и скотоводством (Савельева. 1984).

Таким образом, финно-пермские культуры Приуралья в I тыс. н. э. имеют много общих черт, свидетельствующих о единых их истоках в лице населения ананьинского облика. Вместе с тем, включение иноязычных групп из Зауралья обусловило появление новых черт культуры в отдельных регионах. К I тыс. н. э. относится оформление этнических особенностей более поздних финно-угорских народов — удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков.

ВОЛЖСКИЕ ФИННЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (МОРДВА, МАРИ, МЕРЯ, МУРОМА, МЕЩЕРА)

ВОЛЖСКИЕ финны в эпоху раннего средневековья занимали обширную территорию Среднего и Верхнего Поволжья (рис. 41). Их длительное изучение завершилось обобщенным изданием о финно-уграх Поволжья в серии «Археология СССР» (Голубева, 1987). В последующем изложении использованы результаты данных исследований. Самой южной группой из финноязычных народов Поволжья была и есть мордва. Их формирование происходило в междуречьях рек Ока, Волга, Цна, Сура, Алатырь. Группа Эрзя издревле обитала в бассейне Суры, группа мокша — в бассейне Мокши. Мордва впервые упоминается как *mordens* в труде историка Иордана в VI в. К X в. относится упоминание о стране Мордия (*Mordii*) в сочинении византийского

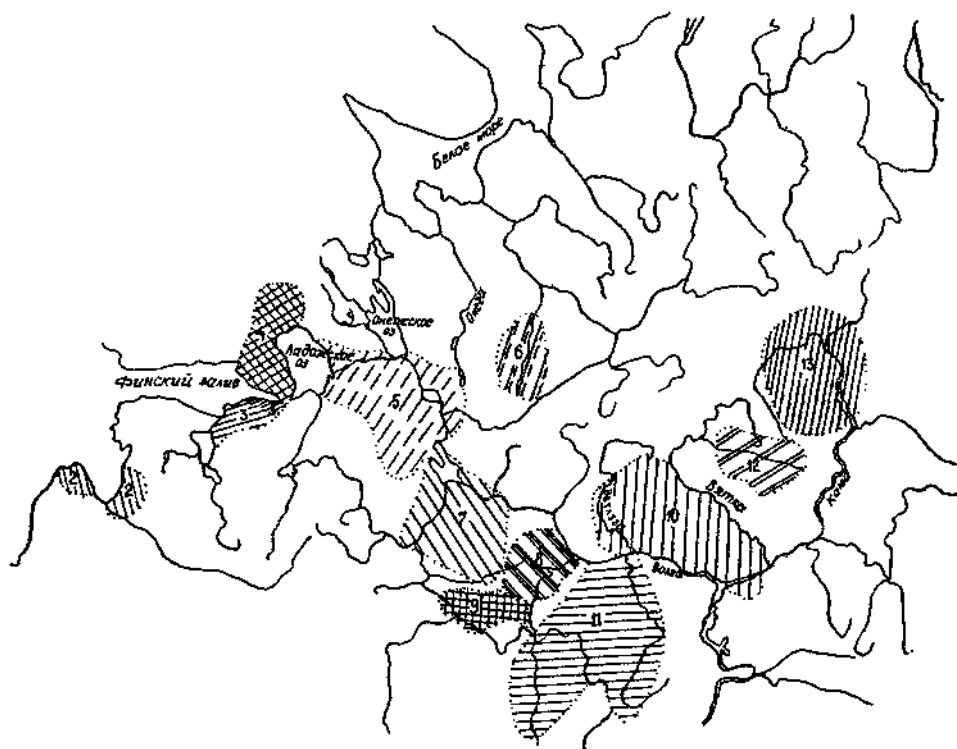

Рис. 41

императора Константина Багрянородного. Есть упоминания о морд-
ве в русских летописях. В XVII в. часть мордвы входит в состав
Рязанского и Нижегородского княжества. С 1236 г. она попадает
под власть Золотой Орды, а после падения Казанского ханства
с 1552 г. вошла в состав Русского государства.

Археологический материал мордвы прослеживается еще с пер-
вой половины I тыс. н. э. К числу мордовских памятников некото-
рые исследователи относят Андреевский курган III в. н. э. (Степа-
нов). Бесспорно мордовским считают Сергачевский могильник.
Могильники второй половины I тыс. н. э. грунтовые. На них встре-
чены вытянутые труположения на спине и кремация. На Армиев-
ском могильнике известны также кенотафы. С XII в. встречаются
только труположения. На поздних могильниках женские погребе-
ния иногда лежат на боку в скорченном положении. В могилах
нередко прослеживались следы подстилки из луба и досок или же
гробов, иногда ткани.

Ориентировка костяков в различных районах расселения морд-
вы разная — головой на север у предков эрзи или на юг у предков
мокши. В нижнем течении Мокши встречаются северо-восточная
и позднее юго-восточная и юго-западная ориентировки костяков.

Погребальный инвентарь включает глиняную посуду или берес-
тяной туесок (обычно в женских погребениях), орудия труда (но-
жи, пряслица, шилья, вязальные крючки, иногда топоры, в по-
гребениях литейщиц — наборы для литья), оружие, в том числе
в женских погребениях, принадлежности костюма. Женский костюм
особенно подчеркивает этническое своеобразие мордвы. Головной
убор состоял из тканевой основы, один конец которой накладывал-
ся на лоб и удерживался налобником. Он представлял собой лен-
ту из ткани и металлический венчик, который состоял из чере-
довавшихся 4—5 серебряных или бронзовых трубчатых пронизок
и прямоугольных обоймиц. Сзади он застегивался пряжкой. К ниж-
нему краю венчика крепились шумящие привески. Головной убор
расшивался дополнительно бисером (рис. 42).

Характерны для мордвы бронзовые или серебряные височные
привески с грузиком и спиралью. Чаще они привешивались к го-
ловному убору, иногда с помощью ремешка одевались на ухо или
спиралью ввертывались в мочку уха. Со временем их формы изме-
нялись.

Женский костюм включал также накосник из 4—8 украшен-
ных бронзовыми пронизками кожаных ремешков, к нижним кон-
цам которых крепились различные привески в виде звездочек,
бутылочек. В косу влетали кожаный ремешок с бронзовыми обой-
мицами. С X в. вместо такого шнура используются накосник в виде
длинной трубки, свернутой из луба и обмотанной бронзовой спи-
ралью. Внутри нее помещалась коса.

Головной венчик, вероятно, являлся девичьим убором, а голов-
ной убор с покрывалом носили замужние женщины (Воронина).

На груди мордовские женщины носили зооморфные подвески-
обереги. Ранние подвески в виде объемных уток, позднее при-

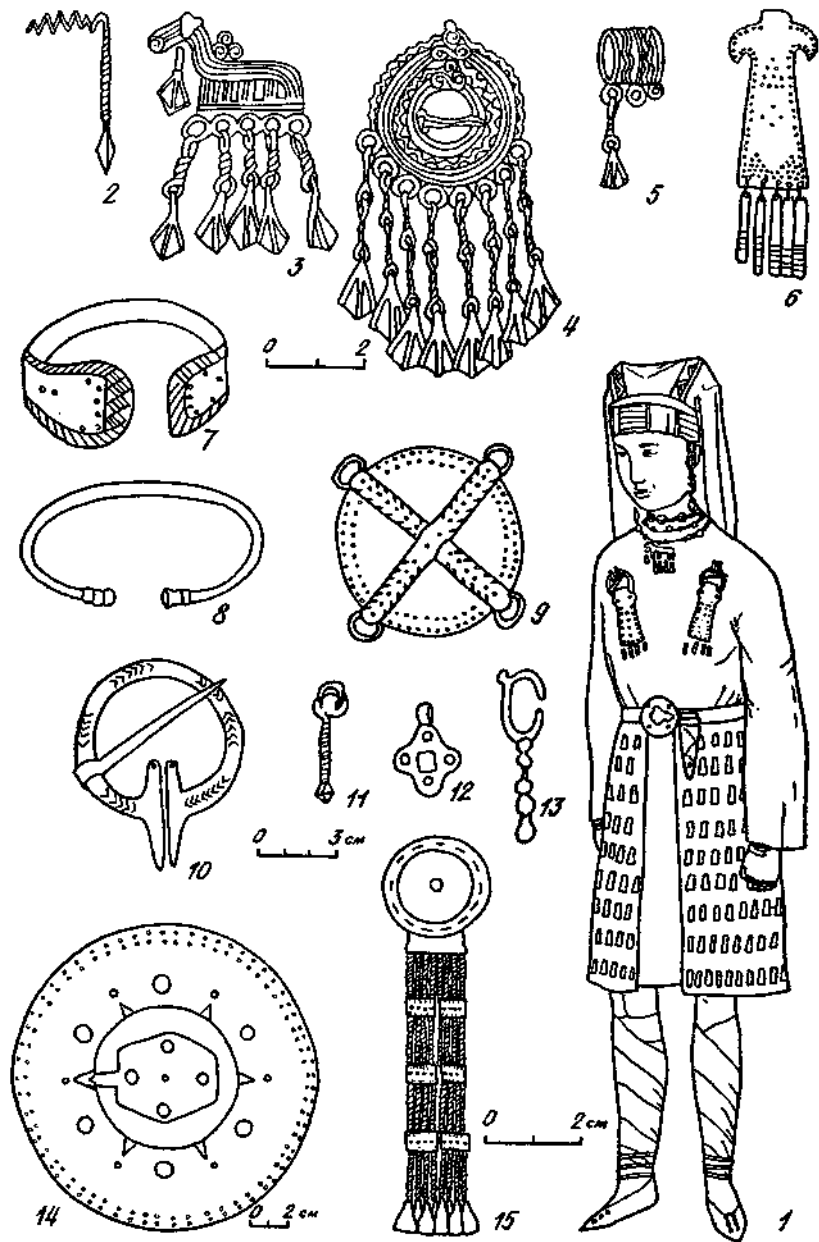

Рис. 42

вески в виде утиных лапок. Роль оберегов играли подвески-коньки, изображавшиеся с ногами, стоящими на платформе. К ней привешивались на колечках шумящие привески. Они характерны для IX—XI вв.

Украшения с круглым ажурным щитком и двумя конскими головками также характерны для мордовского костюма. Круг и спирали на щитках, по мнению Л. А. Голубевой, являются символами солнца. Встречаются также ажурные треугольные подвески с шумящими привесками. Такие встречи и в составе ожерелья. Подобные подвески встречаются и у мери.

На груди у мордвовок с двух сторон прикреплялись пирамидальные подвески (VI—VII вв.) или прямоугольные обоймицы с цепочками и шумящими привесками (VIII—XI вв.).

Кожаную обувь женщин украшали бронзовые трубочки и подпрямоугольные бляшки, соединенные шумящими пластинками.

В поздних могильниках прослежены вышивки красными шерстяными нитями.

Много также украшений шеи — ожерелья, гривны. Среди украшений есть близкие к изделиям других волжских финнов, а также изделия южных форм.

Наиболее пышный наряд у мордвы был в IX—XI вв. В XII—XV вв. происходит полная смена женских украшений (Голубева): исчезают головные венчики и височные подвески с грузиком, гривны, нагрудные бляхи, резко уменьшается количество металлических украшений; появляются витые проволочные браслеты русских и болгарских типов и усатые пластинчатые перстни.

В поздний период четче выступают различия в наборе украшений костюмов двух этнических групп мордвы. Для мокши характерны кольцевидные застежки и сюльгамы с узкими треугольными лопастями, серьги в виде знака вопроса и др. У эрзи были популярны кроме небольших очень крупные кольцевые застежки, сюльгамы с большими треугольными лопастями, браслеты проволочные с расплюснутыми концами.

Из сельскохозяйственных орудий труда на мордовских памятниках встречены железные сошники от однозубых пахотных орудий, мотыги, серпы, а на памятниках XII—XIV вв. и плужные резки, лемехи, каменные жернова и др. Много свидетельств металлургического производства: остатки наземных сыродутных горнов, плавильная печь в яме, обмазанной глиной, диаметром 0,5 м, а также куски руды, шлака, крицы, кузнечные молоты, железные клещи, наковальни, зубило, льячки, литейные формы и др. Имелись также большие ремесленно-торговые центры как Муранское поселение (Алихова, Жиганов).

На памятниках мордвы находят также оружие, в том числе импортное (сабли, мечи). О беспокойной обстановке, полной опасностей то со стороны болгар, то золотоордынцев, то славян, свидетельствуют многочисленные городища — убежища типа Федоровского городища (Мартынов). Его вал насыпан из песка и обожженной глины. Ряд их имеют по два вала и рва (Жуковское II и др.).

три вала и два рва (Надеждинское) и т. д. Вблизи городищ обычно располагаются селища.

На селищах VII—IX вв. в верхнем течении Суры и XIII—XIV вв. на р. Мокша открыты наземные жилища — срубы с углубленной в землю центральной частью, стенками из тесаных досок, врытых в землю вертикально и обмазанных глиной, нарами вдоль стен, площадью от 20 до 60 кв. м. Очаг или глинобитная печь располагались в центре жилища или справа от входа (Рыков, Полесских).

Формирование мордвы многие исследователи связывают с городецкой культурой (А. Смирнов. 1965; Алихова. 1959). Ряд археологов склонны относить к предкам мордвы рязанско-окские могильники (Третьяков и др.) и памятники муромы (Степанов, Мартянов и др.). М. Р. Полесских высказал гипотезу о прикамских истоках древнемордовской культуры. С критикой такой точки зрения выступил В. И. Вихляев (1979). В целом вопрос о времени и территории формирования двух групп мордвы остается открытым и дискуссионным (Голубева).

Марийцы (мари), по письменным источникам известные как черемисы, упоминаются в письме хазарского царя Иосифа (X в.) под названием «Ц-р-мис». Предположительно под именем «нимискары» они названы готским историком Иорданом (VI в.) в списке народов вслед за чудью, весью, мерей и мордвой. В «Повести временных лет» русская летопись упоминает их среди народов, живущих в устье р. Ока. С XVI в. в исторических сочинениях выделяются две этнографические группы марийцев — горные и луговые.

Первые археологические памятники марийцев стали известны еще с XIX-начала XX вв. Материалы исследований до середины XX в. были обобщены А. П. Смирновым (1949, 1952) и О. Н. Бадером (1951). Материалы последующих полевых исследований были обобщены в 1960—1980 гг. (Халиков, Архипов, Патрушев). Важным этапом изучения марийцев стала научная сессия по этногенезу марийского народа в 1967 г., завершившаяся изданием сборника «Происхождение марийского народа» (Йошкар-Ола. 1967). Наиболее полно фактический материал по археологии средневековых марийцев представлен в книгах Г. А. Архипова (1973, 1986).

Территорией древних марийцев были районы Среднего Поволжья, нижнего и среднего течения Ветлуги, Вятка и нижнего течения Суры. О формировании мари высказывались различные мнения. О. Н. Бадер и А. П. Смирнов основой марийского этноса называли городецкое население. А. Х. Халиков (1962) их формирование связывает с позднегородецким этносом при участии позднепьяноборского населения. Впоследствии он пишет, что основу горных марийцев составили городецко-дьяковские племена, а луговых — азелинские (Халиков. 1976). Точку зрения А. Х. Халикова о происхождении марийцев на основе позднегородецких и азелинских племен поддерживает Г. А. Архипов (1973).

Автор считает, что формирование этнических основ и этнографических особенностей мари, а также мери и муромы происходило на базе финноязычного населения ахмыловского облика; этниче-

ское единство этих групп населения (прамарийско-мерянскй общности) сохраняется почти до середины I тысячелетия н. э., и только воздействие азелинского населения способствовало выделению из этой общности предков марийского народа. При этом, возможно, луговые марийцы в большей мере сохранили черты азелинского населения. Но основой формирования всех марийцев все-таки было население ахмыловского облика.

Азелинские черты ярко прослеживаются в матерналах V—VII вв. Младшего Ахмыловского могильника, открытого при исследованиях более раннего Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков). Из них поздний Младший могильник Г. А. Архипов (1976) называет самым ранним марийским. Слон VI в. открыты на Чертовом городище на Ветлуге, Васильсурском II городище в устье Суры, Сомовском II городище.

Многие городища средневековых марийцев устраивались на более ранних, и время сооружения укреплений установить не удается. Очевидно, в древнемарийское время укрепления только восстанавливались или появлялись дополнительно новые элементы. Автором на Малахайском городище прослежена дополнительная подсыпка более древнего (VII—VI вв. до н. э.) вала высотой около 1 м и остатки деревянных конструкций на валу древнемарийского времени, а на Ардинском городище — остатки деревянной стены по краю покатога мыса вокруг площадки поселения (Архипов, Патрушев, 1976). На Малахайском городище, кроме того, исследовано прямоугольное наземное жилище из дерева древнемарийского времени размерами 7,2×4,5 м.

Ценный археологический материал о древних марийцах дают средневековые могильники. Они грунтовые. Наиболее исследованы Дубовский, Веселовский, Руткинский, «Черемисское кладбище» и др. Судя по небольшому количеству погребений (от 5 до 62), это кладбища небольших общин. В ранних могильниках (V—XI вв.) встречаются ингумация, кремация и кенотафы (могилы с вещами без следов костяка), в поздних (XII—XIII вв.) — только ингумация. В случае трупосожжения покойный сжигался в особой кремационной яме в стороне от могилы без вещей и одежды. Затем кальцинированные кости складывались в могилы обычных размеров (в куче или рассыпались по дну ямы), вместе помещали одежду, украшения в порядке ношения по всей могиле или в одной куче с костяками. В кенотафах украшения и вещи заворачивались в одну одежду, стянутую поясом, а сверху прикрывали деревянной или металлической чашей, иногда котлом. С труположениями почти всегда прослежены следы подстилки из досок, коры дерева или войлока, а над погребенным — остатки меховой одежды или луба. Костяки всегда лежат по одному, вытянуто на спине головой на север или северо-запад. В мужских погребениях нередко встречены женские украшения — своеобразные заупокойные дары (Голубева).

В мужских погребениях встречаются кресала и кремни для высечения огня, ножи, рабочие топоры, шитья, кошельки,

вянные колчаны с наконечниками стрел (от 4 до 25 экземпляров), кожаные пояса, нередко с украшениями, и резе наконечники копий, боевые топоры-чеканы, железные или медные котлы.

Женские погребения гораздо богаче. Иногда в них встречаются топоры, наконечники стрел, орудия литейного производства (ляльки, формочки), ножи, а также шилья, кошельки. Но наибольшее количество находок на древнемарийских могильниках приходится на украшения и принадлежности женского костюма (рис. 43).

Головными украшениями мариек были венчики. Одни из них состояли из узкого кожаного ремешка с прикрепленными спиральками и обоймицами. Они одевались вокруг головы и застегивались пряжкой. Другой тип венчиков изготовлялся из луба и бересты шириной 3 см, обтянутой кожей и завязанной на затылке шнурками. Повязка украшалась спереди пластинчатыми накладками или проволокой, имитирующей плетенку.

Выше налобного венчика голову обертывали несколько раз головной цепочкой из проволочных звеньев различной формы длиной иногда 3 м. К ней крепились свисавшие возле ушей и на затылке более короткие цепочки или кожаные ремешки, заканчивающиеся бубенчиками, пуговками, изображениями уточек, когтями рыси и т. д. У висков подвешивались кольца из круглой проволоки с отогнутым, спиральным или утолщенным одним концом.

Во многих женских (а иногда и в мужских) погребениях встречены серьги подтреугольной формы из круглой проволоки. Позднее (XII—XIII вв.) серьги с бусинками на конце или сложными привесками. Л. А. Голубева (1987) последние считает результатом контактов с русскими. Азелинской традицией она же считает древнемарийские нагрудники из полоски кожи прямоугольной или треугольной форм с прикрепленными украшениями. Нередко украшения на груди подвешивались на шнурках, перекинутых через шею.

Нагрудные украшения обычно считаются оберегами («сторож груди»). Это всегда скульптурные изображения коня, резе птицы (Голубева, 1979). К ним привешивались длинные проволочные цепочки с бутыльчатыми или конусовидными привесками. Нередко использовались привозные ажурные литые и коньковые с прорезной основой щитки из Верхнего Прикамья или мерянские плечевые украшения в виде коньков (Архипов, Голубева).

Пояса женщин украшались подвесными ремешками, металлическими бляшками, наконечниками. Нередко бляшки изготовлены из серебра и покрыты позолотой. Их формы характерны для поясных наборов кочевников от Алтая до Дуная. Близкие пояса с такими же наборами встречены на венгерских могильниках X в. Кроме украшений, на поясах подвешивались кошельки, сумочки из тисненой кожи, украшенные расшивкой серебряными нитями и бляшками. На ряде серебряных пластин на кошельках имеются различные изображения. Такие кошельки также характерны древним болгарам Поволжья, степным кочевникам, древним венграм (Архипов, 1973).

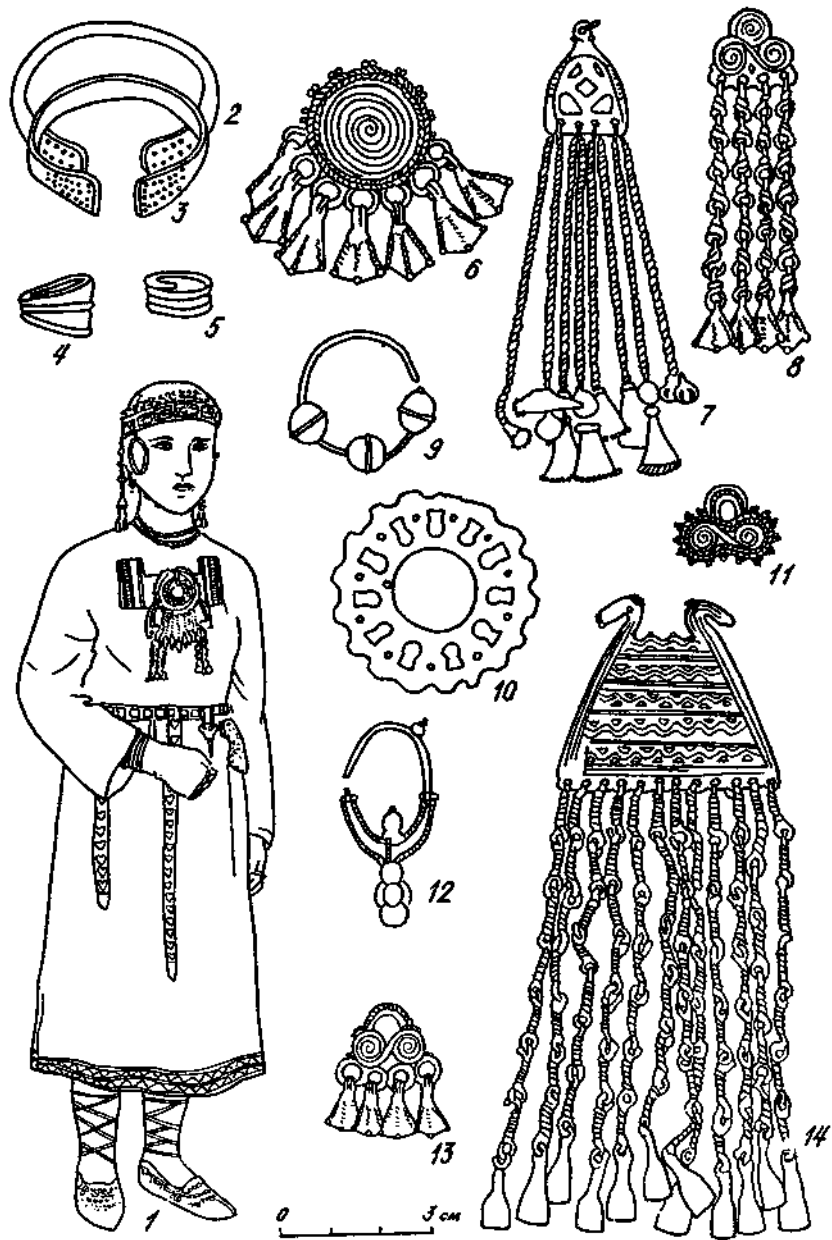

Рис. 43

К поясу прикреплялись футляры шильев. Рукоять их изготовлялась из рога и украшалась искусной резьбой. Они характерны для населения Верхнего Поволжья.

Геометрическими узорами, изображениями конских головок украшены копоушки из рога или медных пластинок и орнаментированные гребни, подвешиваемые к поясу (рис. 44).

Шейные украшения марийских женщин включали бронзовые и серебряные гривны с одним утолщенным четырехгранным и другим суженым концом, или одним расплюснутым концом с отверстием, реже пластинчатые; ожерелья из бронзовых бус, спиралек, подвесок (в том числе с изображениями всадниц камского типа).

На руках женщин находилось до 19 браслетов из многогранного дрота или реже пластин, украшенных геометрическими узорами. Перстни обычно пластинчатые, широкие с внешней стороны, с валиками по краям и центру, реже спиральные из проволоки.

Элементы самой одежды сохранились слабо. Женская одежда включала холщовую, шерстяную или меховую рубаху, доходящую до колен и подпоясанную тесемкой. Верхняя одежда в виде кафтана изготовлялась из телячьей (или лосиной) шкуры мехом внутрь. Кафтан по подолу и швам расшивался серебряной проволокой. Удалось проследить остатки кожаной, войлочной или меховой шапки, оконтуренной по нижнему краю мехом куницы или лисцы.

На ногах были шерстяные чулки и кожаная обувь из целого куска кожи, сшитая сзади. Спереди обувь украшали цепочки и очковидные подвески со спиралевидными щитками, а сзади умбоновидные бляхи, обычно с привесками в виде птичьих лапок.

В XII—XIII вв. в женском costume происходят значительные изменения: исчезают головные цепочка и венчик, характерные височные кольца; появляются височные подвески в виде перстней или с 2—3 бусинами; гривны проволочные или витые из 3 прутьев с завязанными или загнутыми концами, стилизованные изображения головок коней на подвесках, скульптурные изображения коней с ногами, плоские литые изображения птичек, характерные для Костромского Поволжья (Голубева. 1987). Есть также плетеные изображения коней мерянского облика и др.

Мужской костюм практически отличался только отсутствием украшений. Но и в мужских захоронениях кроме украшений поясов, зооморфных или ажурных кресал от огня встречены шумящие подвески на обуви.

Хозяйство марийцев носило натуральный характер. Все необходимое производилось на месте. Импортные предметы представляли собой предметы роскоши, обменивающиеся, вероятно, на пушнину. В остеологическом материале до 50% костей принадлежат пушным видам животных (бобр, куница, соболь). Были также известны домашние животные — крупный и мелкий рогатый скот, лошади, свиньи. Исследователи полагают, что марийцы с XI в. были знакомы с пашенным земледелием (Голубева. 1987).

Одной из самых крупных финноязычных групп среди финно-

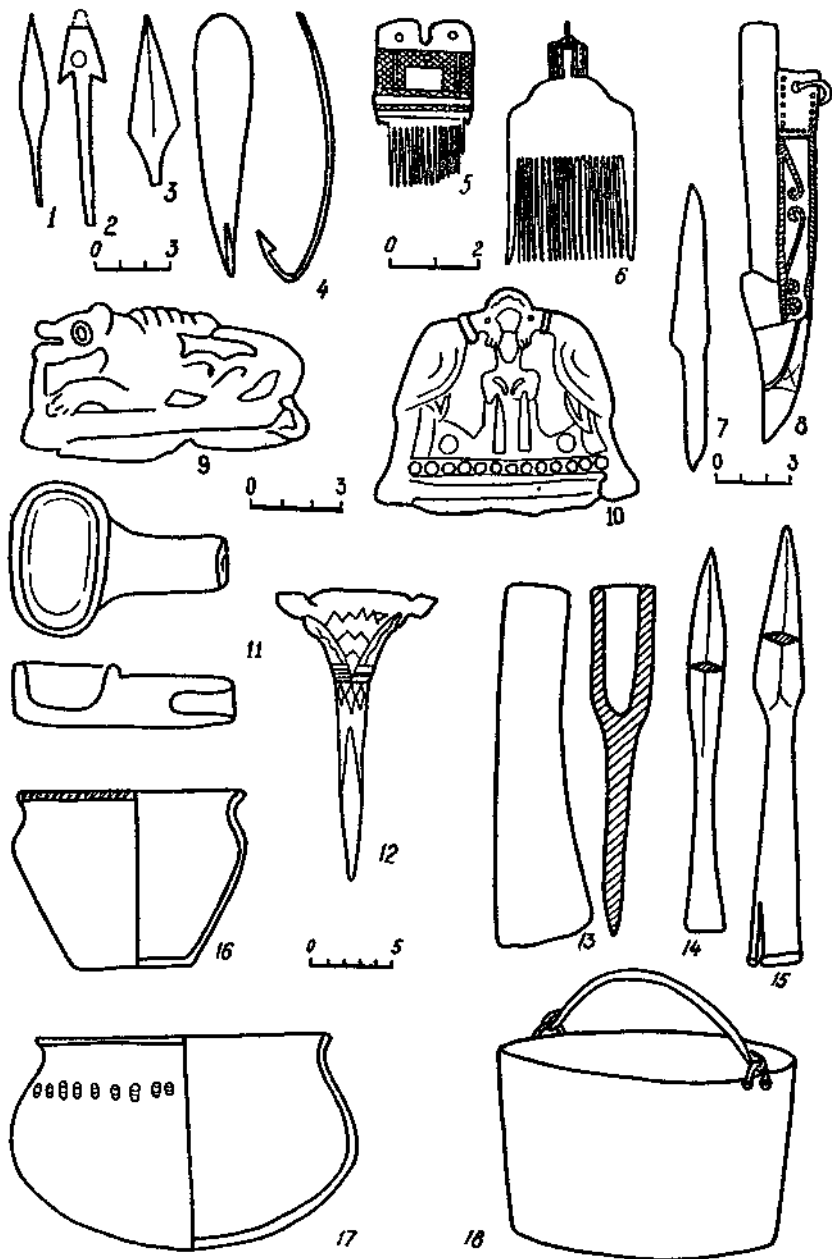

Рис. 44

ургов Поволжья были меря, полностью исчезнувшие в ходе русской колонизации их территории.

Впервые народ меря упоминается в VI в. в труде Иордана под именем *tegens*. Русские летописцы меря помещали на озерах Ростовском (Неро) и Клешином (Плещеево), на Оке. После 907 г. меря уже не упоминается как народ. Но этноним меря сохраняется в документах XVI—XVII вв. в названиях города Галич Мерский и поселений — «мерских станов». Следы меря сохранились в топонимии восточной части Волго-Окского междуречья, которое считали основной территорией меря (Vasmer).

Формирование мери, по мнению Е. И. Горюновой (1961), происходило на базе населения восточных районов дьяковской культуры. Западнее меря по правобережью Волги по линии г. Кнмры и восточнее р. Москва у впадения в Оку жили балты (Седов, 1971). Территория мери включала значительную часть современных Ярославской, Владимирской, Костромской и Ивановской областей (рис. 41). Во второй половине II тыс. н. э. к юго-востоку от мери в левобережье Среднего Поволжья от устья Оки и междуречья рек Ветлуга и Вятка жили мари. Многие поколения археологов и лингвистов выдвигали вопрос о единстве мери и мари (Горюнова, 1961). В. Ф. Генинг (1967) мерю, мари и мурому объединял в мерянскую этническую общность IX—XI вв. Однако археологический материал этого времени (Архипов, 1973; Горюнова), а также сведения русских летописцев не позволяют их считать одним народом. Довольно четко выделяются археологические памятники муромы к востоку от меря и могильники мешеры южнее Клязьмы.

Многочисленные параллели в материальной культуре мери, мари и муромы, а также общие топонимические названия на их территории автор объясняет их единой основой в лице ахмыловского населения (Патрушев, 1976, 1989, 1990). Выделение отдельных летописных народов из общности волжских финнов начинается только с III—V вв. н. э. Кроме того, близкие черты с меря отмечены у населения, жившего к северо-западу (весь). На территории веси также в древности обитали племена с ниточно-рябчатой керамикой и оставили близкие культурные традиции.

Исследователи отмечают несколько племенных групп мери, различающихся между собой. Помимо, отмеченных в русских летописях центральной (владимирской) группы Е. И. Горюнова на археологическом материале выделила северо-восточную (костромскую) группу. Этноним меря VI в. относится, вероятно, к центральной группе в Волго-Клязьминском междуречье.

В свою очередь, среди костромских меря Е. А. Рябинин (1984) выделяет три племенные группировки: западную (костромской район), центральную (колдомо-сунженский район) и восточную (кинешемский район). В целом костромские меря гораздо ближе к древним марицам, чем к летописной мере западных областей (Горюнова).

Археологические памятники мери представлены поселениями и могильниками. Древнейший тип поселения — городища, где обита-

ли родовые общины. Многие из них содержат культурный слой предмерянского времени. Мерянский слой городища Березняки относится к V—VI вв. н. э. (Краснов), хотя в это время вместо городищ в основном распространяются селенца.

На городище Березняки площадью 320 кв. м открыты 11 построек из дерева. Шесть из них — жилые дома в виде квадратных наземных срубов площадью 16—25 кв. м с углубленным земляным полом и очагом из камней в центральной части. Другие постройки более крупных размеров имели общественный характер: одна площадью 40 кв. м без бытового инвентаря, с большим очагом в центре и нарами вдоль всех стен, с примыкающими к ней хозяйственными постройками и ямами для хранения запасов; вторая постройка (34,8 кв. м) названа домом для женских работ из-за большого количества находок пряслиц, двух льячек и глиняной литейной формы; в третьей найдено много зернотерок и пестов, и постройка интерпретируется как место для хранения и размола зерна (Третьяков. 1941). Здесь же обнаружены кузница и «домик мертвых» — деревянный сруб (2,2×2,2 м) для кальцинированных костей и погребального инвентаря.

Племенным центром мери исследователи называют Сарское городище на берегу р. Сары, впадающей в озеро Неро. Его площадь была 800 кв. м. Городище существовало в VII — начале XI вв. (Леонтьев. 1975). Здесь также исследованы жилые и хозяйственные постройки.

Наземные постройки в виде срубов открыты на селищах (Попадьинское, Дурасовское и др.).

Погребальные памятники мерян — грунтовые могильники (за исключением древнейших «домиков мертвых» на городище Березняки). Погребения представлены труположениями и трупосожжениями. Последних на памятниках от 30 до 90% от общего числа погребенных. По составу инвентаря они не различаются. На Сунгирьском могильнике расчищены кремационные ямы диаметром 1,2—2 м и глубиной 0,24—0,75 м, расположенные на двух концах кладбища. В ямах много угля, золы, кальцинированных костей человека и животных.

На Хотимльском могильнике в трех могилах открыты захоронения голов умерших. Черепа обнаружены стоямя, в вертикальном положении. Подобный обряд в это время встречается у муромы. А в более раннее время он характерен для ахмыловского населения. На этом же могильнике в ямах обнаружены кальцинированные кости и сложенные в кучу вещи погребенного.

Однако на Сарском могильнике сожжению вместе с покойником подвергались и его вещи, и в могилы помещались уже пережженные металлические украшения. В одной могиле иногда находился прах многих людей. При труположении обычно встречены одиночные захоронения вытянуто на спине, ориентированные головой на север.

В грунтовых могильниках встречены погребения женщин-литейщиц с орудиями для литья. В засыпи могил встречаются зубы и

кости лошади. На Хотимльском могильнике обнаружено захоронение коня в могиле с подогнутыми ногами, головой на восток.

В IX в. на мерянской земле распространяется славянский обряд погребений под курганами. До конца X в. захоронения в них проводились по обряду кремации, с конца X в. до начала XI в. такой обряд сосуществовал с ингумацией. В XI—XII вв. господствующим становится обряд труположения. Мерянские погребения под курганами всегда составляют меньшинство в среде славянских захоронений. Так, среди курганов Суздальской земли (из более 7 000) мерянские элементы встречены немногим более чем в 500 (Рябинин. 1979). К мерянским элементам обряда относятся северная и северо-западная ориентировка погребенного, культ коня, опрокинутые вверх дном сосуды в могилах. В погребальном инвентаре мерянскими чертами являются костяные копоушки, глиняные кольца, височные кольца со втулкой, подвески-коньки и треугольные, орудия для литья в женских могилах и др. Довольно часто встречаются мерянские погребения с конями. Так, в Ярославском Поволжье из 61 трупосожжения человека совместно с конем 37 относятся к числу мерянских. Встречены и целые костяки лошадей, а также их отдельные части — череп, передние ноги и др. Коня встречаются как в мужских, так и иногда женских погребениях. Кроме того, нередко отдельные погребения коней под курганами (без человека). Иногда вместо них в могилу помещали конскую сбрую.

Для курганов Ярославской и Владимирской областей характерны находки глиняных лап (очевидно, бобров) и колец. Они вылеплены из грубой глины, довольно часто их даже не обжигали. Поиски истоков глиняных лап привели к курганам на Аландских островах (Kivikoski. 1980). Правда, К. Ф. Мейндер (1979) считает первичным и ярославские изделия, поскольку на Аландских островах нет ни бобров, ни медведей.

В курганах Ярославской и Владимирской областей найдены змейки из железных и бронзовых пластин. Их Л. А. Голубева (1987) считает отражением культа змеи.

В связи с появлением с X—XI вв. смешанных славяно-мерянских комплексов черты материальной культуры мери все больше утрачиваются.

В ранних комплексах (VI—IX вв.) в украшениях женского костюма меря много общего с элементами костюма муромы и населения, представленного на рязанско-окских могильниках. Головной убор женщин украшали проволочные височные кольца с запором, наиболее характерные для центральной группы мери, а также с заостренными или обрубленными концами, иногда соединенные проволочной обмоткой.

Гривны из круглого дрота или пластинок с петлей и крючком, а позднее (конец IX—X вв.) с четырехгранной головкой и крючком.

Древними элементами ожерелий считаются трехспиральные шумящие подвески с дополнительными шумящими привесками и

пронизки в виде литой спиральной трубочки с петлями для шумящих привесок.

Элементами ранних типов костюма являются пирамидальные колокольчики с выступами-шипами в нижней части и бутылковидные привески (рис. 45, 46).

К ранним формам относятся спиральные браслеты.

В X—XI вв. у центральной группы мери популярны подвески в виде коней с шумящими привесками (рис. 45). Они изготовлены техникой филигрании из крученой и гладкой проволоки в сочетании с зернью или отливались по восковой модели. Туловища коней украшены сложными узорами, ноги переданы петлями и т. д. (Голубева, 1976). Такую подвеску носили на плече или реже на груди. Коньковых подвесок подобного типа нет в костромских курганах. Здесь с начала XII в. распространяются зооморфные украшения, характерные для другой группы финно-угров (весь): стилизованные литые изображения коней, полые подвески-уточка, фантастические птички-бараны, плоские птички с привесками в виде утиных лапок и др.

В курганах мери центральной группы в X—XI вв. распространяются ажурные треугольные подвески мерянского типа крупных размеров (4×4; 4,5×5 см), иногда украшенные волютами и сложными переплетенными узорами и подвешенными к ним треугольными или бутылковидными привесками (рис. 45, 15). Обилие треугольных форм не случайно: «треугольник — один из древних культовых символов, обозначавших жизнь, землю и плодородие» (Голубева, 1987, с. 79). Встречаются также треугольные шумящие подвески из спаянных проволочных колец (рис. 45, 1).

Шумящие украшения у мери были характерны для многих изделий, в том числе для поясов, браслетов, перстней. Правда, такие перстни с петлями и шумящими привесками чаще всего служили плечевыми, нагрудными, поясными и даже обувными украшениями и реже — по прямому назначению на руках. Точно также браслеты с привесками в могилах встречены на уровне колен.

Многие поздние украшения в могилах имеют славянские формы, а в славянских захоронениях часто встречены мерянские формы изделий. В X в. на мерянской территории много также скандинавских украшений. Дольше всего мерянские традиции сохраняются в гончарном производстве (Голубева, 1987). Посуда мери лепная, плоскодонная, горшковидной приземистой и мисковидной формы, обычно без орнамента (рис. 46). С распространением гончарной посуды славянского облика с XI в. теряется и эта традиция. В XII в. этническую самостоятельность меря теряет на территории Ярославской, Владимирской, Ивановской областей. В Костромском Поволжье до XIII в. сохраняются отдельные островки мерянского населения. Многовековая история целого финно-угорского народа печально завершилась под натиском славян. Чужая культура поглотила ростки зарождающегося своеобразного яркого искусства, миропонимания, особого, непонятного для завоевателей социально-экономического уклада и общественных отношений. Ми-

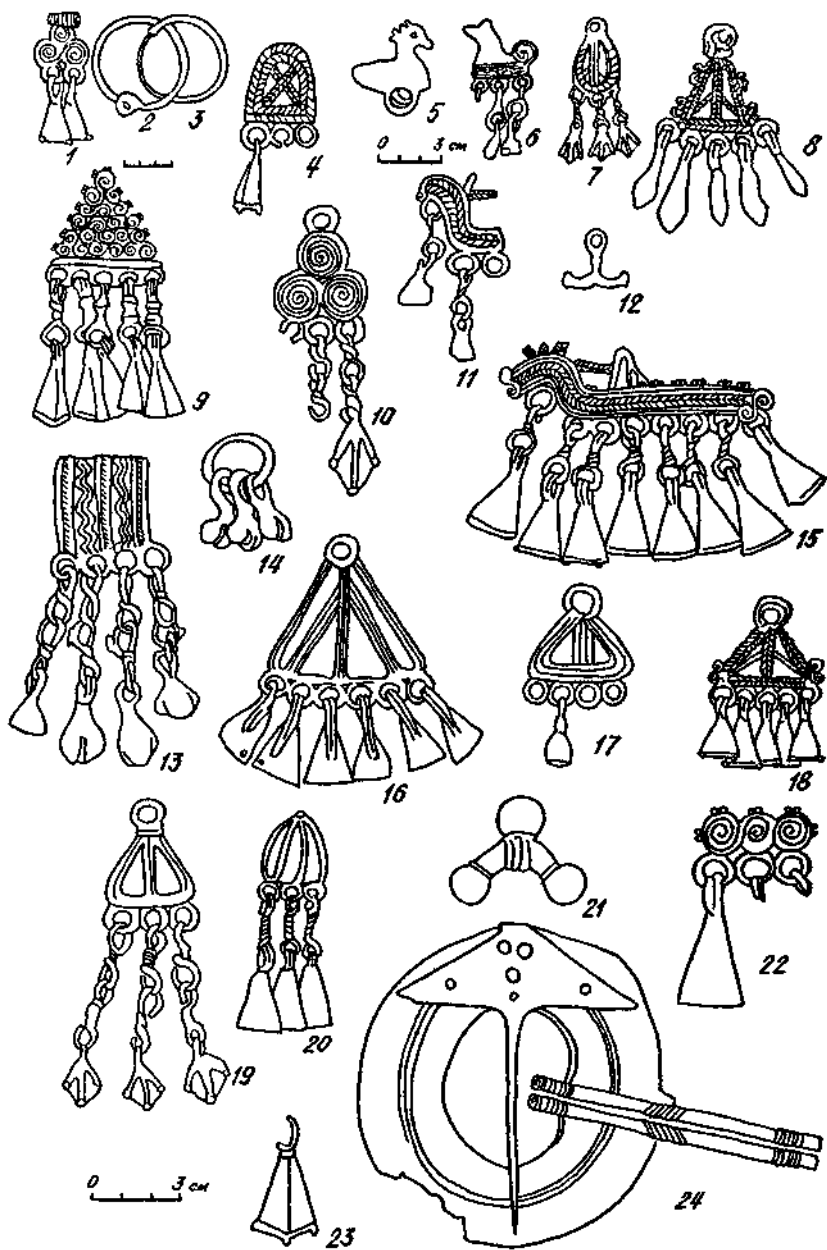

Рис. 45

ролюбивые и искренние финноязычные народы, привыкшие жить в ладу с окружающей природой и родственными такими же соседями, были бессильны против напористости и агрессивности русских, организованных для завоеваний новых территорий. Но даже всемогущие покорители народов были очарованы необычной культурой. Они восприняли многие ее черты (Горюнова. 1961).

Близкая судьба постигла и финноязычные племена мурома. Русские летописи помещали мурому в нижнем течении Оки. О погребальном обряде мурома с захоронением коня говорится в «Житие Константина Муромского» (XVI в.).

Языковеды мурому относят к волжским финнам, по языку близким к мордве, но отличавшимся по другим элементам культуры (Попов. 1973).

Происхождение мурома связывают с городишкой (Смирнов. 1952; Голубева. 1987 и др.) или восточными племенами дяковской (Генинг. 1967) культурами. Одни исследователи писали о формировании мурома в недрах мерянской общности (Кузнецов, Генинг. 1967), другие отстаивают генетическую связь мурома и мордвы (Герасимов, Степанов. 1970, Мартыанов, Смирнов. 1952, Горюнова. 1961), третьи считают мурому самостоятельным этносом (Алихова, Дубынин).

Позиция автора в вопросе происхождения мурома изложена выше: как у мари и меря, истоки мурома восходят к единому этносу ахмыловского облика. В материалах Безводнинского могильника V—VI вв. н. э. довольно четко прослеживаются элементы культуры населения ахмыловского облика (Патрушев. 1984). Ю. А. Краснов (1980), отмечая в целом близость вещевых комплексов могильника к мурому, данный могильник относит к особой группе финно-угров Поволжья, впоследствии ассимилированной мордвой.

С X в. на территории расселения мурома появляются славяне, что отразилось в облике местных финно-угров.

Поселения мурома в основном представлены селищами типа Тумовского близ г. Муром. На последнем открыты разновременные жилища. Для раннего периода характерны прямоугольные полуземлянки площадью 44 кв. м, углубленные на 1,2 м.

В жилищах находились открытые очаги из камней и печи с глинобитным сводом. Некоторые жилища связаны между собой крытыми переходами.

Позднее появляются наземные срубы с земляным полом. Самые поздние жилища с полом из досок, площадью 10—12 кв. м. Печи глинобитные с подом из камней. К дому примыкают навес для скота и хозяйственные постройки.

Могильники мурома грунтовые. Могила расположена рядами. Кроме захоронений покойников вытянуто на спине или в обряде кремации, встречены погребения коней. Помимо одиночных, нередко парные погребения мужчины и женщины, совершенные по обряду кремации. В таком случае кальцинированные кости и инвентарь располагаются в разных концах ямы.

В Безводнинском, Малышевском и Кочкинском могильниках

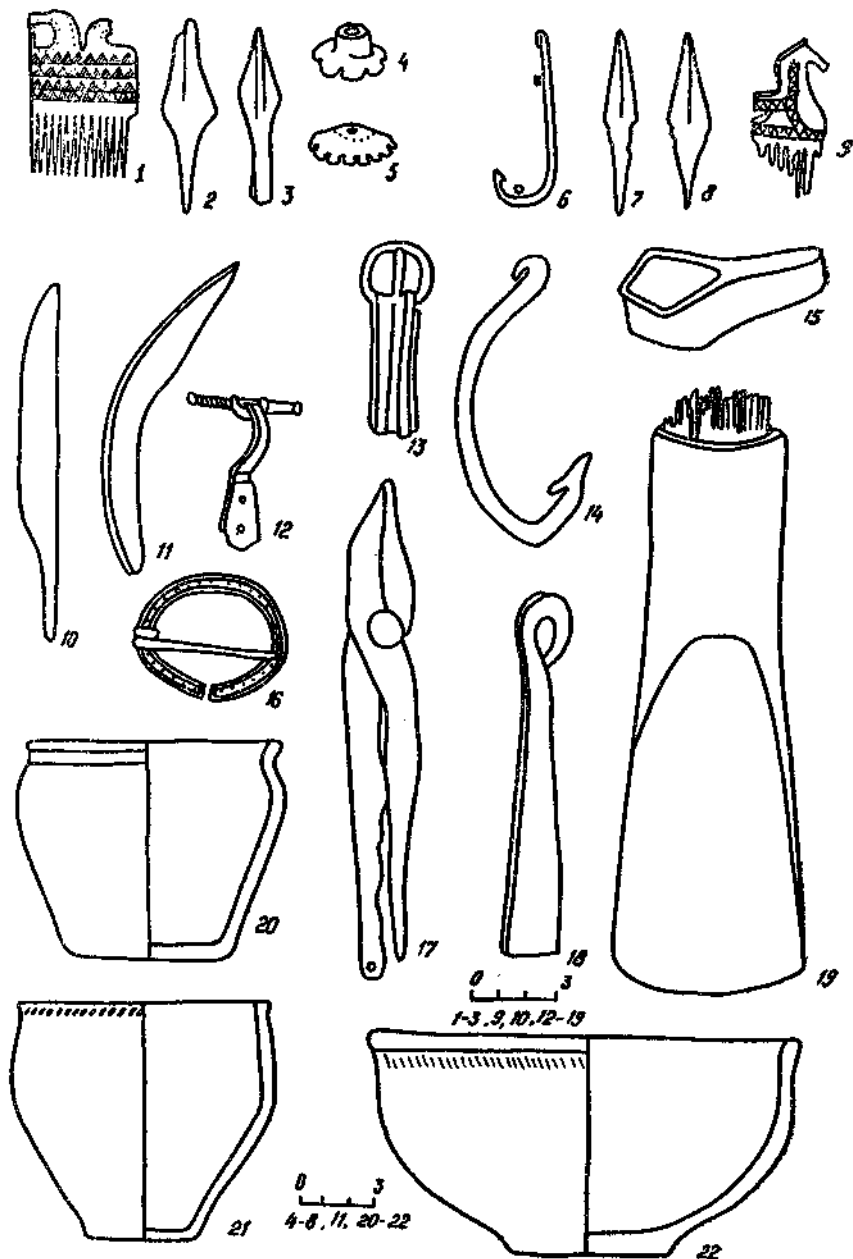

Рис. 46

открыты вторичные погребения. Нередко в этом случае погребена только часть умершего: в могилах вскрыты неполные скелеты в куче или только череп. На ряде могильников (Муромский и др.) открыты остатки частичного трупосожжения: целый череп покойника лежит на северном конце, а кальцинированные кости рассыпаны южнее от него. При этом инвентарь может находиться на черепе (головные украшения) и в порядке ношения (остальные элементы костюма).

Погребенные по обряду труположения лежат головой на север или северо-запад. При кремации вытянутые могильные ямы ориентированы по линии север-юг. Но кроме вытянутых ям встречаются округлые. На ранних могильниках имеется также южная ориентировка костяков. А под влиянием славян в VIII—IX вв. и позднее нередко западная ориентировка костяков.

Наборы мужских и женских погребений характерны для всех финноязычных народов Поволжья. Свообразием являются конские захоронения в обеих группах погребений, характеризующие социальную верхушку общества, — они всегда сопровождались богатым инвентарем. Однако погребения людей с конями встречались реже (29 случаев), чем отдельные погребения коней (67 случаев). При этом коней забивали в молодом возрасте, без сбруи, очевидно, в ритуальных целях (Голубева. 1987). Конские захоронения встречаются расчлененными и целой тушей.

Особый этнографический облик муромским женщинам придают предметы головного убора, пояса и обуви. Реконструкция костюма муромской женщины представлена на рисунке 47, 1.

Для головных украшений характерны жгуты из конского волоса, льняных или шерстяных нитей, свернутых в виде трубочки. Их украшали металлические колечки, ремешки, обвитые спиральками и пронизками. Кроме замкнутых жгутов, которые встречаются начиная от памятников ахмыловского облика на более широкой территории, здесь имелись высокие дугообразные жгуты, обвитые бронзовой спиралью (рис. 47, 2).

На лобной части муромки носили венчики из узеньких ремешков, скрепленных на некотором расстоянии друг от друга прямоугольными обоймицами, или ремешками с нанизанными трубочками, спиральками. На памятниках VI—VII вв. встречается также длинный узкий ремень с нанизанными украшениями и привесками, охватывающий голову кругом.

На ранних памятниках муромы обычны височные кольца из гладкой проволоки или со щитком диаметром 5—11 см, по 2—4 в погребении. Позднее их размеры увеличиваются и число колец в погребении достигает 12—14. В X в. появляются височные кольца в виде перстней. К украшениям головы относятся также крестовидные фибулы без игл.

Другим характерным украшением муромской женщины были наконники — многосоставные украшения на ремешках с колокольчиками и другими привесками на концах. С IX в. известны сложные украшения на спине женщины (рис. 47, 2).

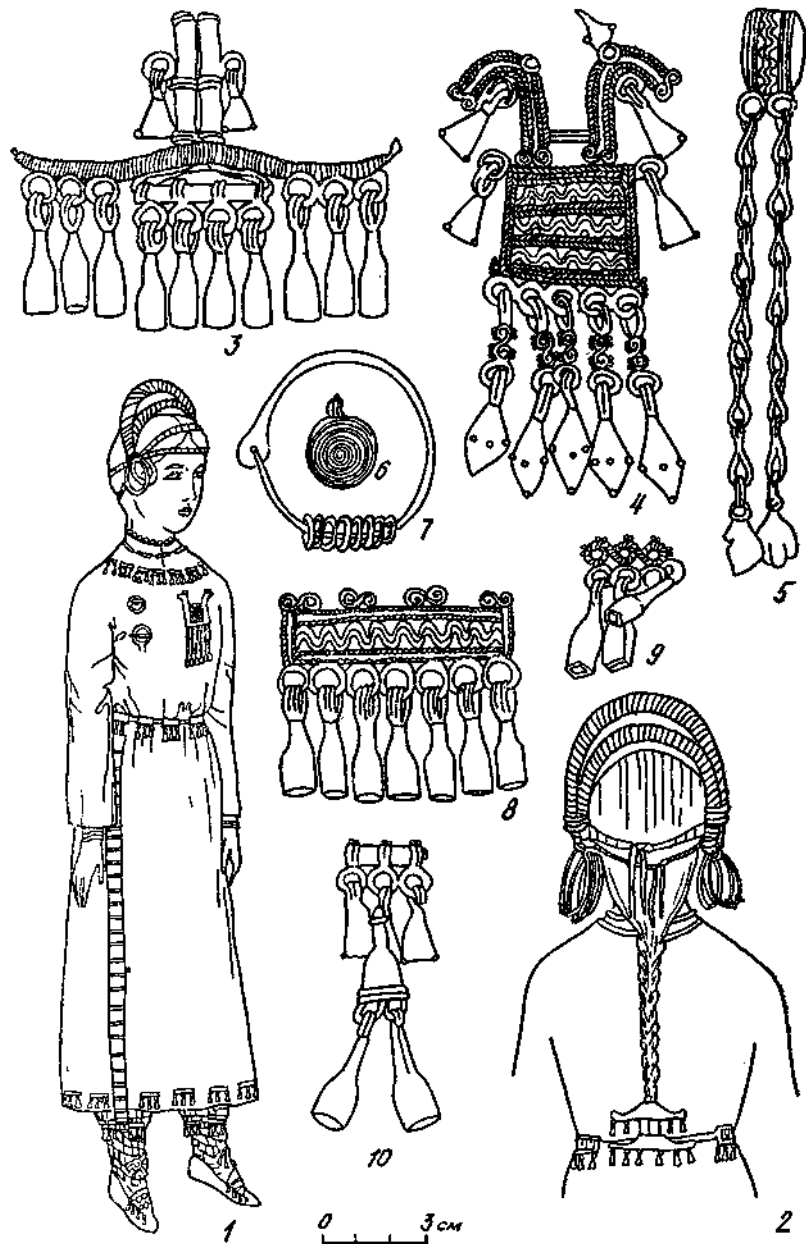

Рис. 47

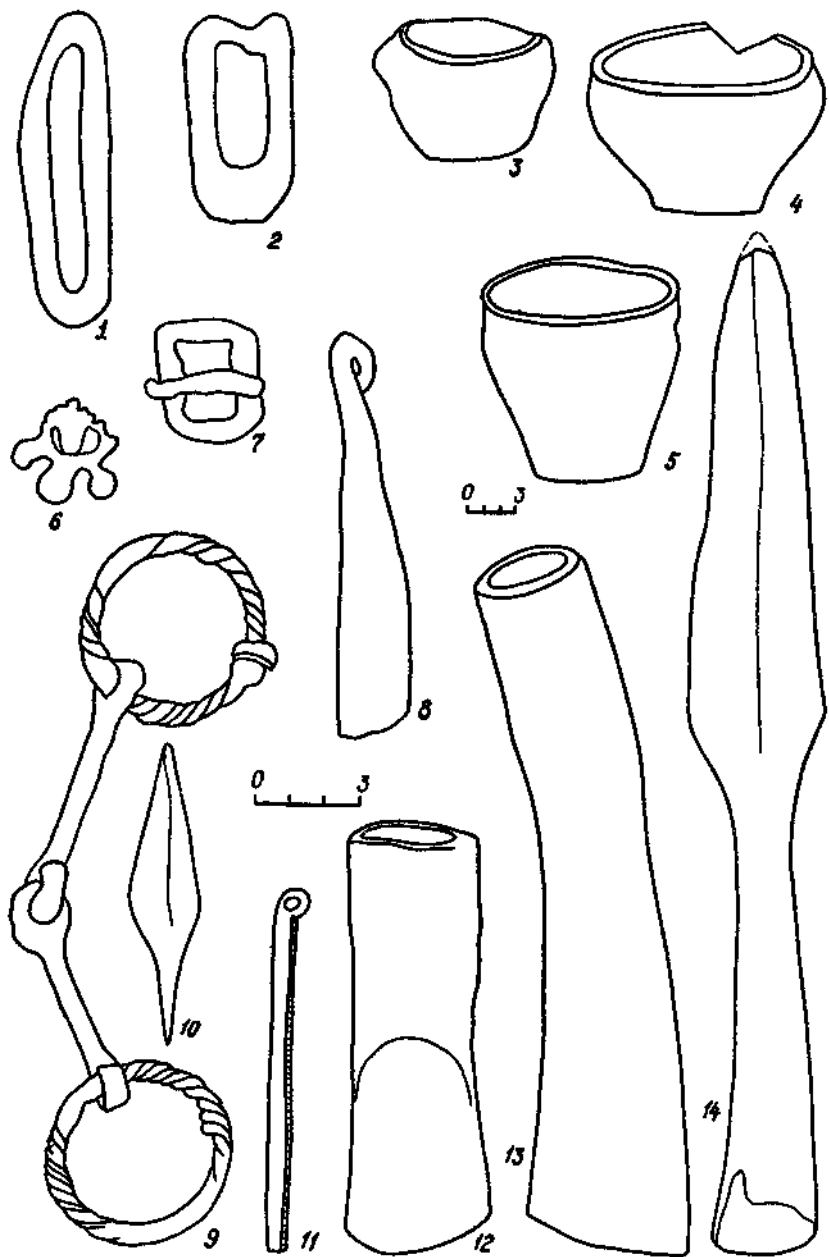

Рис. 48

На женских поясах также встречаются многочисленные украшения — накладки, наконечники, бляшки, шумящие привески, ажурные пряжки, а также амулеты — коньки (рис. 47, 4).

На кожаной обуви находились украшения из пронизок, обоймиц, бляшек, подвесок с шумящими привесками. Ремень от обмоток (от щиколоток до середины голени) также покрывался бронзовыми обоймами (рис. 47, 1).

Нагрудные украшения костюма включали пластинчатые бляхи с дверцами и прорезями, круглые застёжки с шумящими привесками. На шею носили ожерелья с разными частями и гривны из проволоки, пластин, иногда с привесками, а позже со щитком. Нередки спиральные, пластинчатые и дрововые браслеты, спиральные перстни. С IX в. перстни со щитком. Тогда же появляются прямоугольные бляхи с ложной зернью и сканью на поясах, круглые ажурные бляхи — пряжки с выступом, нагрудные пластинчатые бляхи без прорезей и др.

Особое обилие металлических украшений для муромы характерно для X в. Многие украшения сложные, составные (на цепочках). Появляются зооморфные подвески в виде коней. Снизу прикреплены узенькие трубочки с петлями до 7 экземпляров. Иногда они имеют квадратные или трапециевидные щитки, близкие к мариийским (Голубева. 1979).

С XI в. костюм муромки становится проще. В нем появляются славянские формы вещей.

Хозяйственный уклад жизни и общественные отношения муромы близки другим волжским финнам. Основу хозяйства составляли животноводство (при особой роли коневодства) и земледелие. Деревенское ремесло представлено довольно развитым кузнечным делом, обработкой железа. Их следы обнаружены почти в каждом жилище. Литейное дело оставалось делом женщин. Погребения женщин-литейщиц обнаружены на ряде могильников V—VIII вв. (Малышевское, Желтухинское, Безводнинское). Их статус в обществе, судя по богатству инвентаря, был весьма высоким. В 6 могильниках IX—XI вв. (Корниловский, Подболотьевский и др.) открыты 23 погребения литейщиц. Одновременно в X—XI вв. появляются первые погребения мужчин-литейщиков.

Вплоть до XI в. муромское население предпочитало пользоваться своей, местной лепной посудой с примесью дресвы или шамота. Сосуды плоскодонные горшковидные, баночной формы с широким устьем, в виде приземистых мисок (рис. 48).

О вовлечении муромы в торговые связи говорят привозные вещи не только славянского, но и болгарского, скандинавского, западноевропейского типов. В г. Муром и его окрестностях найдены два клада монет. В первом (в двух сосудах) обнаружены монеты 715—939 гг. общим весом 46,2 кг (Марков). Во втором находилось более 200 монет, позднейшие из которых датированы 996 г. (Фасмер). В этом кладе есть и западноевропейские монеты.

Исследователи признают интенсивную ассимиляцию муромы славянскими племенами. К XII в. она утратила этническую само-

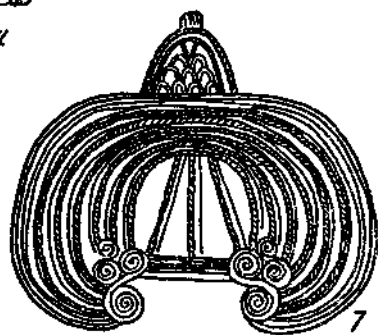
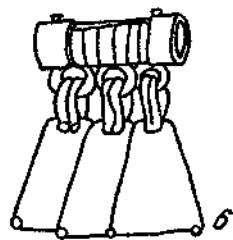
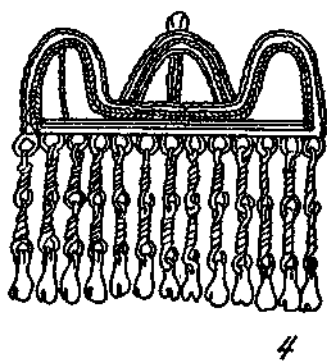
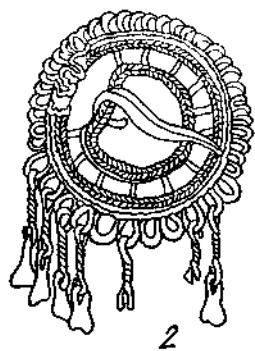
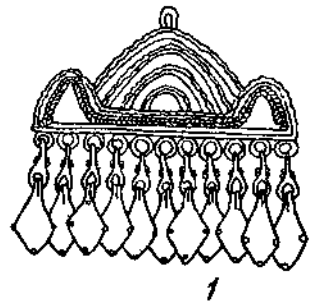

Рис. 49

стоятельность. Часть муромы, очевидно, вошла в состав мордвы. О включении в марийские родовые группы муромы свидетельствуют многочисленные этнонимы («муран», «мурин» и т. д.) в документах XVII в. (Черных).

В ходе славянской колонизации исчезла и мешера — группа волжских финнов междуречья рек Клязьма, Москва, Средняя Ока. Первое упоминание о мешере относится к XIII в. в перечне племен, живших на Оке. Язык мешеры был близок с мордовским (Устрялов).

Археологические материалы мешеры представлены слабо. Наиболее хорошо изученный Жабкинский могильник дает представление о характерном наборе украшений мешеры (рис. 49). Они включают шумящие подвески, в том числе арокные, похожие на двуглавого коня, выполненные в технике филиграни, близкой славянам. Привески к подвескам выполнены в виде ромбов из пластин, трапеций или колокольчиков. Есть также среди вещей мешерского облика височные подвески, витые браслеты со спиральными концами и др.

Таким образом, в эпоху средневековья исчезла большая часть волжских финнов, многочисленные племена мери, муромы, мешеры. Территория ныне живущих финноязычных народов (мордва, мари) за это время значительно сократилась под натиском иноязычных народов. Их яркая культура в значительной мере пострадала от варварского отношения к ней со стороны других народов. Мордовские и марийские могильники XVI—XVII вв. показывают значительное оскуднение погребального инвентаря, регресс в производстве металлических украшений (в первую очередь, очевидно, в связи с запретом русского самодержавия заниматься производством металлических предметов), упадок искусства и т. д. (Шикаева).

Волжские финны в эпоху средневековья подошли к порогу нового этапа развития экономики и общественных отношений. Быстрое разложение первобытнообщинных отношений подготовило переход к классовому обществу. Этот процесс сопровождался консолидацией отдельных племенных групп и формированием народностей. Финноязычные народы стояли на пороге наивысшего могущества и расцвета культуры.

Однако дальнейшее развитие народов Поволжья было остановлено русской колонизацией.

Она была страшной трагедией для всех финно-угров. Следы ее оставили глубокий след во всей дальнейшей истории финноязычных народов Поволжья.

ФИННО-ПЕРМСКИЕ НАРОДЫ ПРИУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (УДМУРТЫ, КОМИ)

ИСТОКИ трех финно-пермских народов Прикамья прослеживаются еще в памятниках пьяноборско-азелинского времени. Археологические материалы IX—XV вв. характеризуют сложившиеся этнические особенности удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков.

Археологические памятники коми-зырян, исследовавшиеся еще с середины XIX в., в последние десятилетия получили широкое освещение в литературе под названием вымской, коми-вычегодской или пермь вычегодской культур (Буров. 1965; Савельева. 1971, 1984 и др.).

Вымская культура характеризует древних коми-зырян IX—XI вв. Свое название данная культура получила по р. Вымь (правый приток Вычегды). Именно по ней располагается основное число памятников. Однако они известны также в верхнем течении Вычегды, по ее другим притокам, а также на реках Сысола, Вашка, Мезень.

Черты вымской культуры прослеживаются и на памятниках XII—XIV вв., хотя исследователи указывают довольно много своеобразных черт позднего периода (Розенфельдт. 1987 а).

Поселения вымской культуры представлены селищами и городищами. Все девять городищ располагаются на мысах по берегам рек. Их площадь колеблется от 300 до 2 500 кв. м. Укрепления включают кольцевые сооружения и валы, рвы с напольной стороны. На Чабаровском городище прослежены остатки деревянных срубов внутри земляной насыпи у ее основания. На этом же городище открыты остатки наземных бревенчатых срубов прямоугольной формы площадью 20—30 кв. м. В центральной части жилища находились приподнятые очаги размерами 1,3×1,3 м и рядом с ними хозяйственные ямы глубиной 0,8—2 м.

С XII в. в жилищах вымского населения появляются глинобитные печи.

Могильники вымской культуры располагаются поблизости от поселений на высоких берегах рек или высоких дюнах. Могильные ямы подпрямоугольной формы располагались рядами вдоль берега. Глубина ям небольшая—0,5—1,1 м. Захоронения одиночные. Погребения совершались по обряду трупоположения и кремации (Истомина). При трупоположении вытянуто на спине костяки ориентированы головой в северном направлении. Их сопровождает погребальный инвентарь в порядке ношения. При погребении покойников перекрывали лубом или завертывали в бересту. В заполнении ям много угля. Иногда на дне могил прослеживались остатки деревянных конструкций в виде срубов (Жигановский, Кок-

помыгский и др.), домовин или деревянных помостов (Ленский могильник).

При трупосожжении кальцинированные кости помещались в различные части ямы. Обычно сожжение умерших совершалось на стороне. Вещи в могиле разбросаны на разной глубине ямы. Известны случаи частичной кремации, когда голову покойника помещали в могилу без сожжения, а сам костяк помещался после сожжения.

Погребальный инвентарь мужских погребений включал предметы вооружения, орудия труда, бытовые предметы, остатки одежды. Иногда в них встречаются женские украшения, помещенные в берестяной короб.

Предметы вооружения и предметы охоты мало отличаются друг от друга. Это железные черешковые наконечники стрел и копий, топоры, рогатины, ножи в кожаных ножнах. Есть также рыболовные крючки, остроги, кресала овальной и округлой формы. Мужской костюм весьма скромный: шапка из грубого сукна, кожаная обувь, шерстяная или меховая одежда, подпоясанная ремнем с металлическими украшениями.

В женских погребениях много украшений костюма (рис. 50). Головной убор женщин в виде широкого обруча из бересты, обтянутого тканью. Тканевая накидка сзади опускалась ниже шеи. Головной убор украшался нашивными бляшками, в том числе крестообразной формы. К головному убору прикреплялись височные украшения в виде кольца из проволоки или пластины с разомкнутыми концами и бусинами.

В погребениях IX—XI вв. в составе ожерелий не только стеклянные и каменные бусы в сочетании с различными подвесками местного облика, но и привозные южного и западного облика (Герасимова).

Женский костюм украшался бубенчиками, ремешками с нанизанными на них пронизками, подвесками с шумящими привесками и т. д. Среди характерных украшений отметим арочные подвески особого облика, редкие браслеты со стеклянными или каменными вставками на концах, перстни со щитками и узорами на них в виде плетенки (рис. 50).

С XII в. на территории коми-зырян появляются предметы древнерусского облика, в том числе посуда, изготовленная на гончарном круге. Местная посуда с примесью дресвы, растительных остатков, иногда толченой раковины. Ранние формы с округлыми туловом и дном, короткой шейкой и слабо отогнутым краем. Есть также сосуды с уплощенным дном, прямым или прикрытым горлом. Орнамент из оттисков гребенчатого штампа в виде горизонтальных зон елочек, углов. Реже встречаются узоры из различных круглых штампов.

С XII в. местная посуда в основном без орнамента. В это время появляются бронзовые котелки с уплощенным дном и железной ручкой, или же цилиндрической формы, напоминающие берестяные туески (Савельева. 1971).

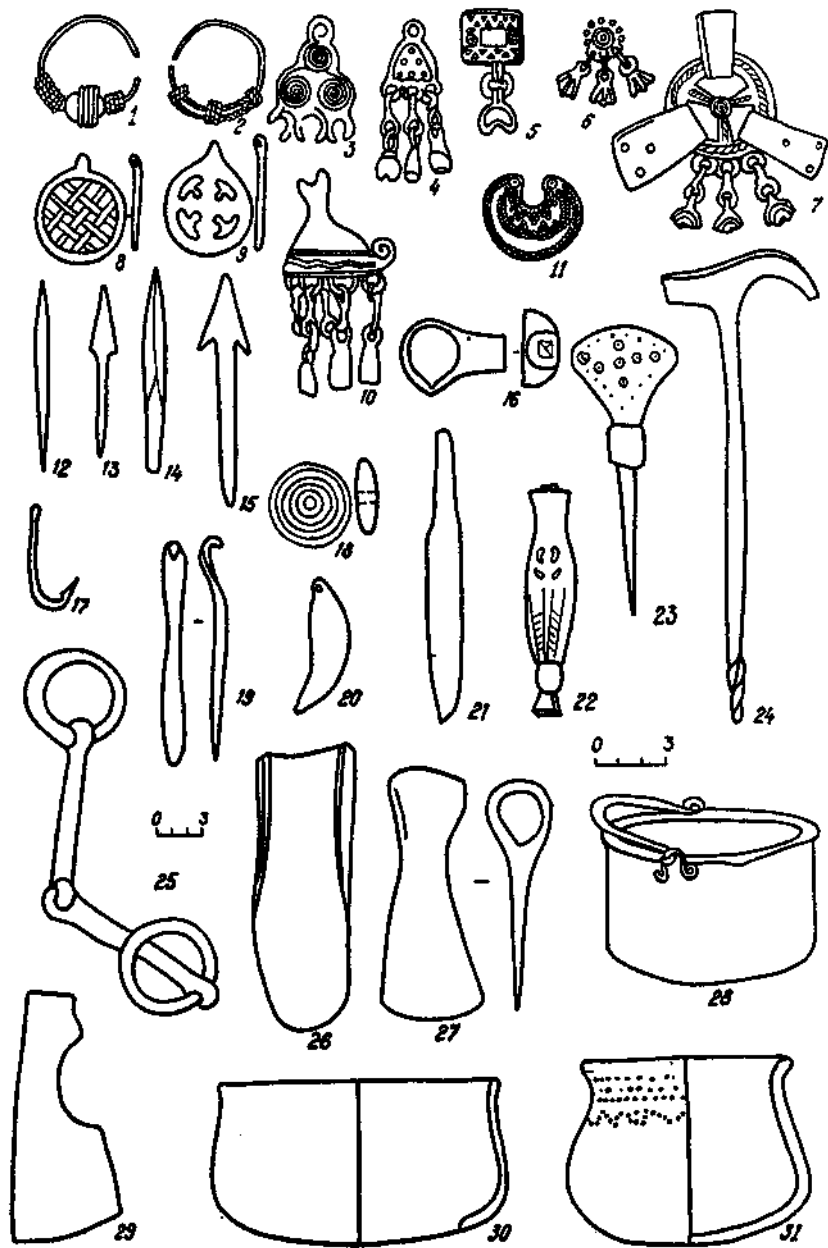

Рис. 50

О происхождении коми-зырян высказывались различные точки зрения. В основном дискуссия касается вопроса о местном или пришлом характере населения вымской культуры. Ряд исследователей данное население считает пришлым с Верхнего Прикамья (Талицкий, 1941; Лыткин, Бадер, Оборин). Н. Н. Чебоксаров на антропологическом материале показал близость расовых признаков коми-зырян с беломорским расовым типом при наличии признаков восточно-балтийского и вятско-камского расовых типов. Л. П. Лашук (1961) также писал о переселении данного населения из Прикамья.

Археологические материалы не подтверждают мнение о переселении вымского населения из Прикамья. Э. А. Савельева (1971) в культуре вымского населения выделяет три компонента — основного ванвиздинского, западного вепского облика, западного облика волжских финнов (меря, мурома, мари, мордва).

Памятники коми-пермяцких племен IX—XI вв. объединены в родановскую культуру (Талицкий, 1940) по названию хорошо изученного Родановского городища. В. А. Оборин (1970) по результатам многолетних полевых работ доказал генетическую связь родановской культуры с ломоватовской (харино-ломоватовской) культурой.

Памятники родановской культуры охватывают верховья Камы и ее притоки — реки Вишера, Иньва, Обва и др. Данная культура датирована IX—XV вв. (Розенфельдт, 1987 б).

Из поселений родановской культуры наиболее широко изучены городища. Они устраивались на высоких мысах. С напольной стороны имеют валы и рвы. По гребню вала и краям площадки устраивались частоколы.

Жилища были наземные из бревен, прямоугольной формы, площадью до 90 кв. м. Пол жилищ покрывали слоем глины. Очаги также располагались на глиняных площадках. Вход в виде выступающего от жилища тамбура находился с торцевой стороны. Открыты также различные хозяйственные постройки. На городище Аношкар прослежены остатки печи для плавки меди.

С XII в. число памятников родановской культуры резко возрастает. Появляется много селищ с огромными площадками (до 10 тыс. кв. м). Погребальный обряд родановцев восстанавливается по раскопкам грунтовых могильников. Основной обряд — трупоположение в неглубоких ямах вытянуто на спине, головой в северном направлении. Иногда покойников, очевидно, завертывали в бересту.

В XII—XIV вв. умерших нередко помещали в гроб-колоду. Наряду с северной ориентацией появляется западная (Искорский, Рождественский, Кудымкарский и др. могильники), заметнее выделяются обильные и бедные инвентарем могилы, в целом инвентарь беднее.

Характерными для родановской культуры украшениями являются металлические человеческие фигурки или привески в виде птиц с распростертыми крыльями, на груди которых изображены человеческие лица или фигуры. Присущие родановской культуре формы

металлических частей женского костюма выделены В. А. Обориным. Это шумящие подвески с изображением двух коней, известные с харино-ломоватовских памятников до начала XIV в. (Голубева, 1966), подвески со щитком с выступами в верхней части в виде якорей, найденные кроме Верхнего Прикамья в более западных областях и в Сибири, особая разновидность шумящих подвесок с арочным щитком (рис. 51).

Об элементах самого костюма данных немного. В мужском погребении Редикарского могильника на черепе найдена кожаная лента с медными круглыми бляшками. На Бояновском могильнике обнаружены остатки мехового головного убора, мужской нижней одежды из рубахи и колшовых штанов и женской (длинное льняное платье). Верхняя одежда была меховая, суконная или меховая, обтянутая сверху сукном (Оборин, 1953).

На Аверинском могильнике расчищены остатки головного убора из тканой ленты, проходящей через лоб на затылок. К ней у висков крепились пучок пронизок с мелкими шумящими привесками на концах.

Кожаные пояса как в мужских, так и женских погребениях украшались медными накладками и бляшками, а к женским дополнительно привешивались кожаные ремешки с нанизанными на них пронизками и привесками конусовидной формы или в виде фигурок животных (Розенфельдт, 1987 б). Металлические украшения имелись и на кожаной обуви женщин.

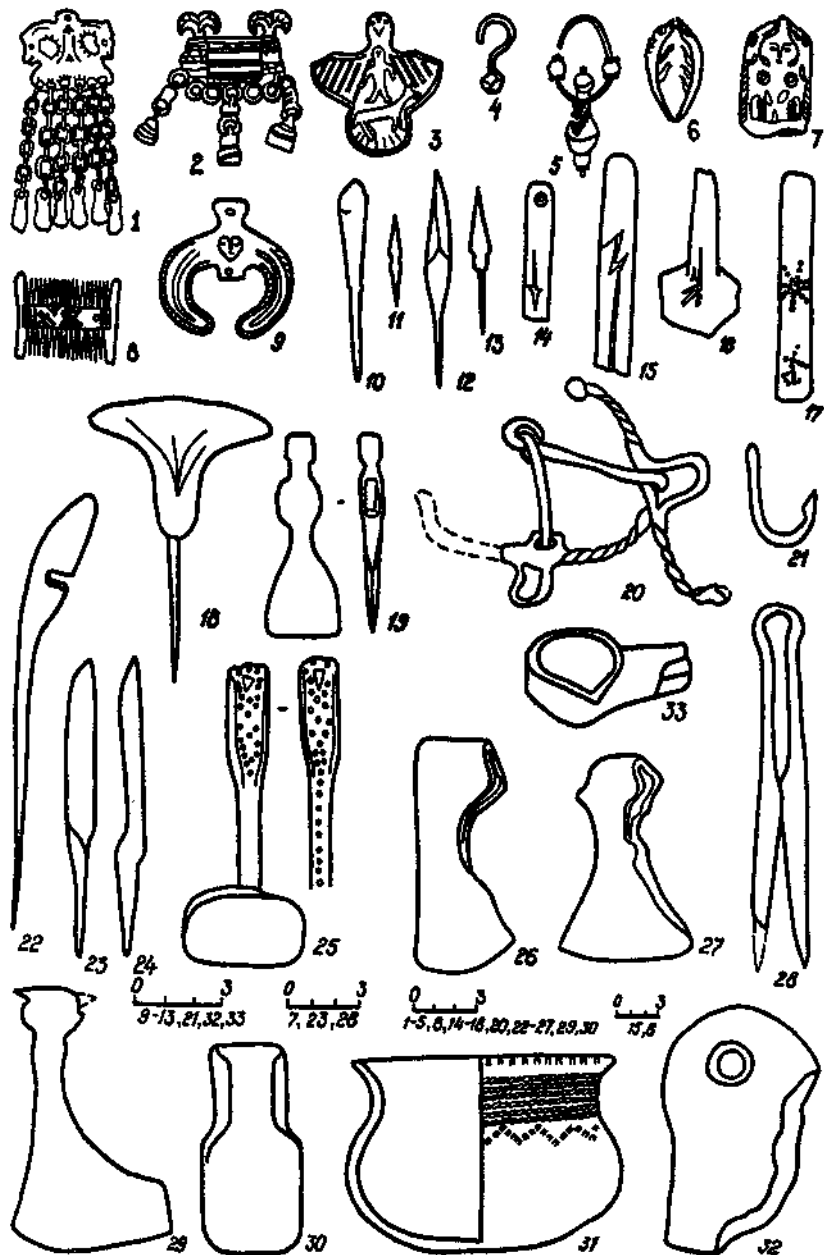
Не только в женских, но и в мужских погребениях встречены серьги, браслеты на руках из пластин или граненых дротов, перстни с четырехлопастным щитком и овальной вставкой из синего стекла. Богатый набор бус из стекла, сердолика и горного хрусталя, металлических пронизок и разных подвесок, привесок содержали женские ожерелья. В женские косы вплетались шнуры с прикрепленными копоушками, амулетами из медвежьих когтей и зубов.

Из других предметов для родановской культуры характерны гресала с медно-бронзовыми рукоятями в виде фигур животных (Голубева, 1964). Часто встречаются костяные копоушки, гребни, пряслица, ложечки, лопаточки и другие.

По находкам на раннеродановских памятниках железных проушных топоров пермского типа, обломков серпов, косы-горбуши исследователи считают основным занятием родановского населения подсечное земледелие (Розенфельдт). На позднем этапе основным занятием населения стало пашенное земледелие. На поселениях этого времени найдено много наральников. По остеологическим материалам городища Анюшкар в слоях XI—XII вв. видно развитое животноводство: кости коровы здесь составляют 50%, кости лошадей — около 40% (Розенфельдт).

Памятники родановской культуры дают богатый материал о производстве железных изделий и металлообработке. На городище Анюшкар кроме отмеченных выше остатков печи для плавки металла обнаружены остатки домницы для выплавки железа.

Керамика родановцев лепная, сохраняет традиции ломоватов-

ской посуды. На раннем этапе это в основном высокие чаши и низкие горшки с округлым или округленным дном, с редким узором и неглубокие чаши с пышным орнаментом из оттисков перевитого шнура и гребенчатого штампа.

В XIII—XIV вв. посуда в основном с уплощенным дном, и появляются сосуды с плоским дном. С XII в. в керамике под влиянием славян и волжских болгар появляется волнистый орнамент, напелы на тулове в виде валиков и выпуклин, а также гончарная посуда и новые формы глиняных светильников болгарского типа.

Общественные отношения также претерпевают значительные изменения. На раннем этапе они характеризуются наличием больших патриархальных семей, живущих в больших жилищах. На позднем этапе с XII в. с распространением пашенного земледелия большие патриархальные семьи распадаются на отдельные семьи (Розенфельдт). Последние самостоятельно ведут хозяйство. Об этом говорят появление небольших жилищ, распространение обычая ставить тамгу (семейный знак) на изделиях, большое количество замков и ключей как признак закрепления права собственности на помещения и хозяйственные постройки. С развитием собственности можно связать широкие торговые связи с Волжской Болгарией и славянскими землями, особенно новгородскими. В русских летописях говорится о торговых походах новгородцев в Приуралье. Первоначальные торговые отношения впоследствии способствовали широкому проникновению русских на территорию коми-пермяков и коми-зырян.

Древности удмуртов представлены в археологических памятниках поломо́ской культуры V — первой половины IX вв. и чепецкой культуры второй половины IX—XV вв. (Генинг. 1958, Семенов. 1976, Иванова, Розенфельдт. 1987 в, г.).

Для поломо́ской культуры характерны городища площадью от 5—7 до 20 тысяч кв. м. Они располагались на высоких мысах по берегам рек. Валу и рвы кольцом окружали жилую часть городища. На валах устраивались частоколы.

Селища поломо́ской культуры изучены слабее. На обоих типах поселений изучены прямоугольные бревенчатые дома размерами 12×7 м и менее, с открытыми очагами, со входом с торца, земляным полом. На городище Карвалесь открыты нары вдоль стен. Вокруг размещались открытые летние очаги.

Могильники располагались поблизости от поселений на высоких берегах рек. Погребения совершались в грунтовых ямах разных размеров. Иногда могилы имели подбой с жертвенными комплексами обычно в берестяных коробках. Умершие лежат вытянуто на спине. На Варнинском могильнике в восточной части умершие ориентированы головой в северном направлении, а в западной — на восток или на запад. Под погребенными прослежены следы подстилки из луба и бересты, а сами умершие находились в гробах или завертывались в луб.

В мужских погребениях встречались предметы вооружения, кон-

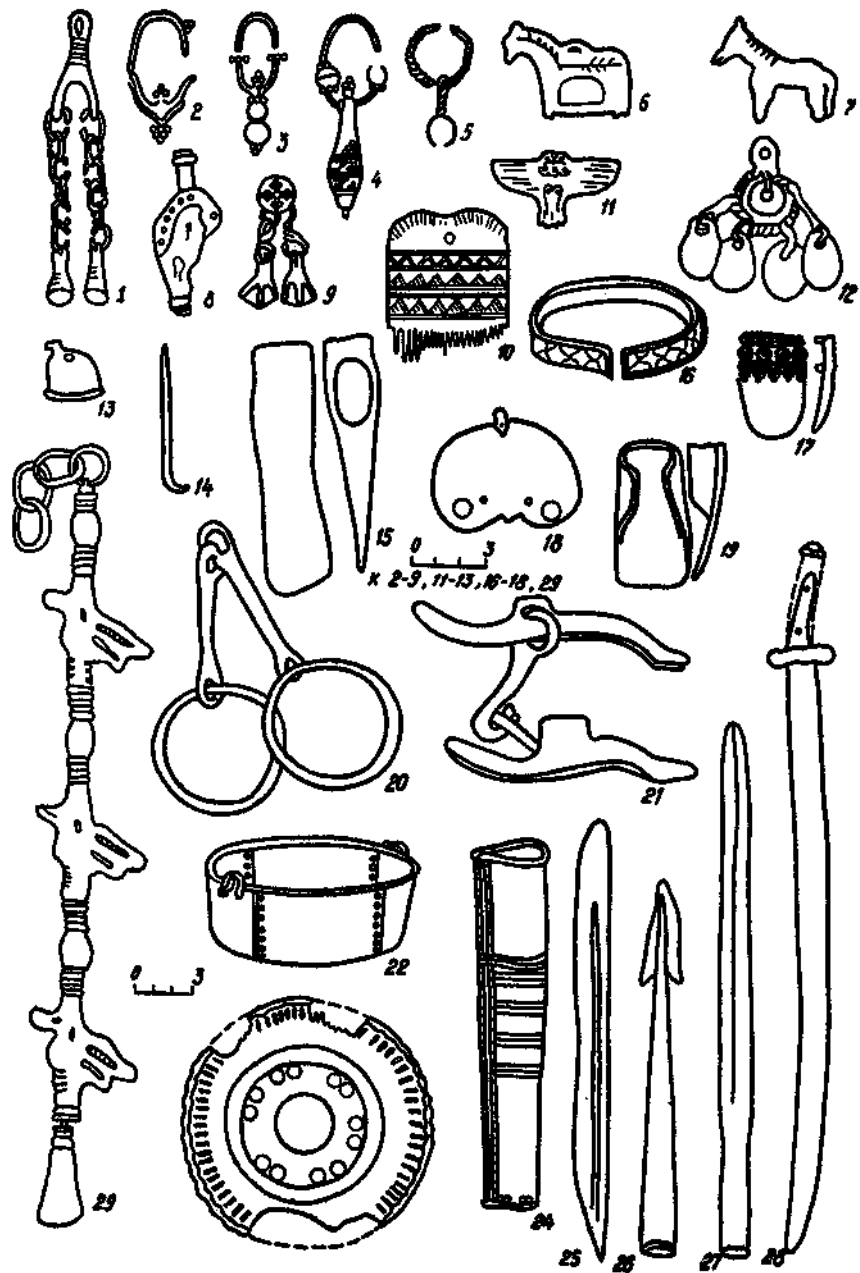

Рис. 52

ского снаряжения, топоры, медные котлы с железными ручками, глиняные сосуды, пояса.

Женские погребения совершались в парадных одеждах с большим количеством украшений. На груди находились арочные украшения, умбовидные бляхи с шумящими подвесками. Появляются особые разновидности подвесок с изображением голов коней. К груди и головному убору подвешивались кожаные шнурки с фигурными пронизками и подвесками в виде колокольчиков, фигурок животных и т. д. Украшения имелись на поясах. К ним прикреплялись нож в ножнах и кошелек.

В целом в полемской культуре исследователи отмечают этнические элементы, характерные для азелинско-мазунинских племен и населения Верхнего Прикамья харино-ломоватовского облика. Население полемской культуры, по мнению В. Ф. Генинга, испытало определенное влияние угро-самодийского этноса. В свою очередь, полемская культура перерастает в чепецкую культуру, и ее население принимает участие в сложении средневековых удмуртов и коми-пермяков (Розенфельдт).

В чепецкой культуре IX—XIV вв. ярко проявились этнические особенности населения удмуртского народа.

Основным типом поселений чепецкой культуры были городища. Их известно около 20. Наиболее хорошо изучены Дондыкар, Иднакар, Гурьянкар и др. В верхнем течении р. Чепцы и бассейне р. Лекма (приток р. Чепцы) преобладают неукрепленные поселения.

Укрепления городищ довольно мощные. Встречаются городища с 2 и 3 рядами валов и рвов. По гребню валов и периметру площадок устраивались частоколы.

Наземные бревенчатые дома населения чепецкой культуры прямоугольной формы размерами 4,5×4,5 до 8×6,2 м. Площадка жилища покрыта глиной, а сверху полом из плах и досок. Открытый очаг заключался в деревянный сруб или обкладывался камнем. В домах имелись хозяйственные ямы размерами от 2×3 до 3×4 м. В них много зерен злаковых. Открыты также хлева для содержания домашних животных, остатки кузницы под навесом с набором предметов кузнечного производства и остатками сырודутного горна для варки железа.

Грунтовые могильники древних удмуртов располагаются близко от поселений. Некоторые из них использовались полемским населением (Варнинский, Мыдланьшай). Могилы располагаются рядами по 4—10 погребений в каждом. Умерших клали вытянуто на спине в деревянных ящиках или в берестяной обертке. Ориентация костяков разная по отношению к сторонам света, но всегда ногами к реке. Нередко встречаются жертвенные комплексы из вещей в мешочках или в берестяных коробочках. О роли огня в погребальном обряде говорят уголь и зола в засыпи ям.

Особенностью могильников является отсутствие детских погребений.

Многие элементы обряда, а также традиции домостроительства

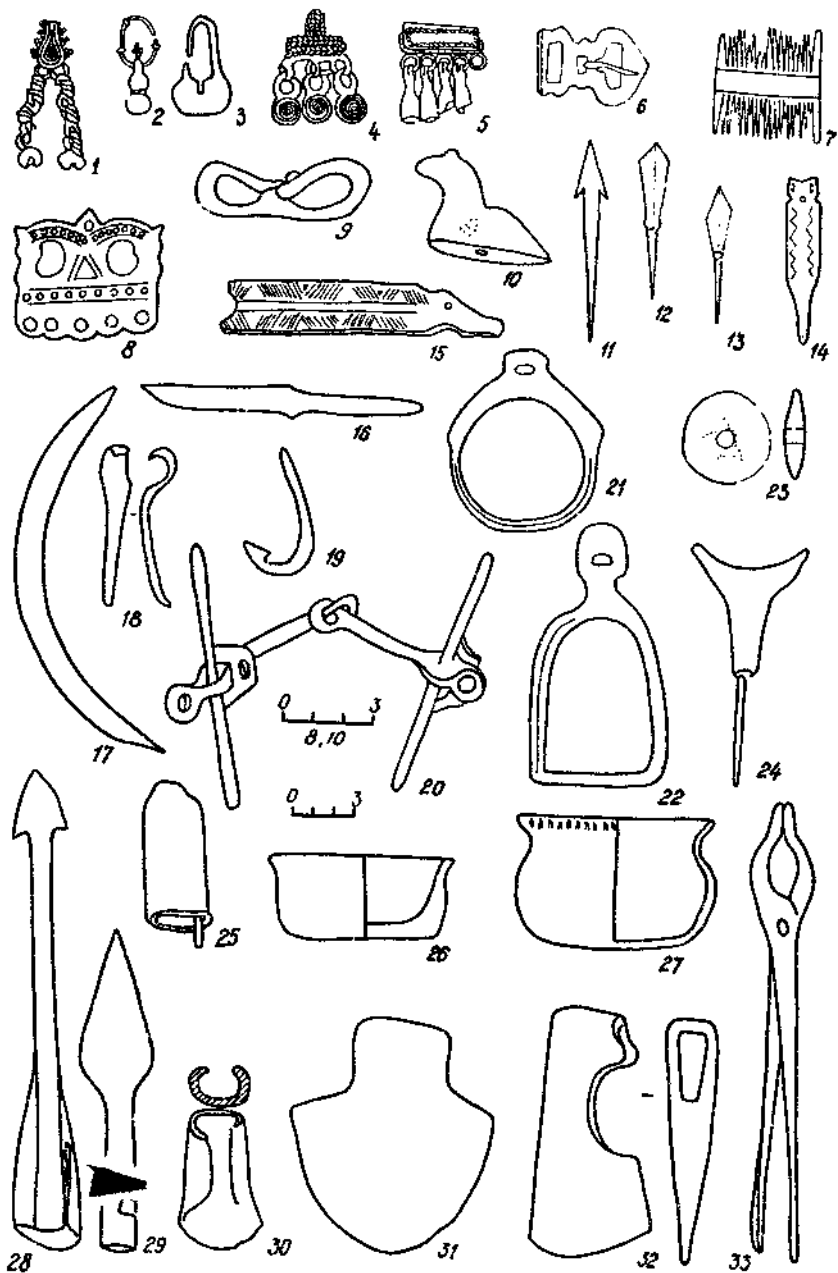

Рис. 53

чепецкого населения прослеживаются в более позднее время у удмуртов. Характерными признаками чепецкой культуры является особый набор украшений женского костюма (Смирнов, Оборин. 1956; Генинг. 1962; Голубева. 1982; Розенфельдт. 1987): шумящие привески с треугольной основой и напаянными треугольниками из зерни, с цепочкой звеньев с каплевидной подвеской; шумящие привески с основой в виде умбона с напаянным треугольником из зерни; литые бляхи эллипсовидной формы с ложновитой перегородкой в центре, разделяющей треугольные узоры и литые пластины с изображением медвежьей морды; треугольные узоры на пряслицах, костяных изделиях, керамике; серьги в виде овального незамкнутого кольца в основном из мужских погребений; подвески со щитком из витых спаянных проволочек и др. (рис. 53).

По материалам раскопок могильника Чемшай мужская одежда восстанавливается из холщовых штанов и рубахи, подпоясанных ремнем. Верхняя одежда была меховой или из шерстяной ткани и также подпоясывалась ремнем, иногда украшенным бляхами. Обувь была из кожи с мягкой подошвой и короткими голенищами, завязанными на шиколотке ремешком. На поясе носили нож, кошелек, гребень (Смирнов, 1952).

Женская одежда состояла из платья с многочисленными бронзовыми украшениями. На груди находились арочные подвески со щитком треугольной формы, а также близкие по форме родановским и марийским. На грудь также нашивались кожаные шуруки с пронизками.

Головной убор представлял высокий кокошник из бересты, обтянутый материей, с нашитыми бусами, бисером, бляшками. К нему прикреплялись шумящие украшения на длинных цепочках или кожаных ремешках с пронизками. Подобный убор близок к поздним удмуртским головным уборам типа айшон, известным по могильникам XVII—XVIII вв.

К головным уборам у висков крепились серьги и височные подвески.

Шейные украшения включали гривны глазовского типа с одним петельчатым концом. С XI в. стали появляться гривны из двух переплетенных дров с пластинчатыми концами. В XIV в. гривны исчезают как украшения.

Ожерелья, как и у других групп финно-угров Приуралья, включали стеклянные или каменные бусы, различные подвески.

На руках удмуртки носили бронзовые браслеты, ранние восьмигранные с кружковым орнаментом на гранях, поздние пластинчатые или проволочные плетеные (Розенфельдт).

На могильниках и поселениях значительно больше найдено орудий труда, чем предметов вооружения. В основном это земледельческие орудия — более двух десятков широколопастных наральников с овальными втулками, свидетельствующие о пашенном земледелии, железные мотыги, косы-горбуши, серпы. С X в. появляются ручные жернова. Много свидетельств занятия скотоводством.

Орудия охоты представлены железными наконечниками стрел с

широким пером, костяными, ромбическими или треугольными в сечении. Известны стрелы с тупыми концами, используемые на охоте на пушных зверей. Железные наконечники острог, рыболовные грузила, крючки и блесны, кости рыб на поселениях говорят о популярности рыболовства.

Довольно много широколезвийных проушных топоров, форма которых распространена среди других финно-угров эпохи средневековья.

На древнеудмуртских памятниках из предметов вооружения ведущее место занимают наконечники стрел листовидной или гранёной формы. Они считаются бронебойными, рассчитаны на поражение человека в кольчуге или доспехах. Много также наконечников копий листовидной, ланцетовидной формы или бронебойных с ромбическим сечением.

Керамика лепная. В основном сосуды в виде невысоких горшков со слабо округлым дном, округлым туловом, короткой шейкой. Край обычно отогнут наружу. Значительная часть посуды орнаментирована оттисками веревочки, гребенчатого штампа. Нередко узоры нанесены решетчатым или фигурным штампом.

В слоях XII—XIII вв. встречается болгарская гончарная посуда (Семенов, 1982). В письменном источнике XII в. (Абу-Хамид ал-Гарнати) среди народов, плативших дань болгарам, упоминаются южные удмурты под названием арв (Монгайт). В 1498 г. арские удмурты вместе с вятчанами принесли присягу Ивану III. А после падения Казани и Казанского ханства в 1562 г. удмурты вошли в состав Русского государства.

Финно-угры Приуралья, имевшие в эпоху средневековья много общего между собой, сохраняют это единство до настоящего времени. В то же время благодаря общему азелинскому компоненту ряд финно-пермских групп населения проявляют близость финноязычным народам Поволжья. Кроме того, родственные традиции сказались, очевидно, благодаря более древним общим ананьинским традициям. Как известно, ананьинское население стало основой всех финно-пермских групп, а также приняло участие в формировании ахмыловского населения — этнической основы волжских финнов.

Глава 13

ПРИБАЛТИЙСКИЕ ФИННЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В НАСТОЯЩЕЕ время к прибалтийско-финской группе относятся эстонцы, финны (суоми), карелы, ливы, воль, ижорцы и вепсы. Их языки восходят к одному языку-основе (Аристе, 1956).

В эпоху раннего средневековья по археологическим материалам и летописным данным, на современной территории России выделяются корелы в северо-западном Приладожье и на Карельском перешейке, ливы в северо-западной части современной Латвии, устьевой части Даугавы и северной части Курземе, водь в северо-западных районах новгородской земли к югу от Финского залива и востоку от Чудского озера, ижора на Неве и южнее, весь в юго-восточном Приладожье и Белоозерье, чудь заволочская в северо-восточных районах Новгородского государства (рис. 41). Часть прибалтийских финнов в середине I тыс. н. э. оказалась славянизированной: ильменские и псковские славянские погребальные памятники содержат явный прибалтийско-финский субстрат (Седов, 1982). Результатом их смешения считают появление этнографической группы сету, говорящей на особом вырусском диалекте южно-эстонского наречия (Рихтер).

Вопрос о происхождении прибалтийских финнов дискутируется долгое время (Моора, 1956; Аристе, 1956; Бубрих, 1947; Setälä, 1926; Tallgren, 1922; Ebert, 1925; Янитс, 1956; Третьяков, 1956). Наиболее приемлемой автор считает точку зрения В. В. Седова (1980, 1987 а) о формировании прибалтийско-финской этноязыковой общности при взаимодействии волжских племен культуры текстильной (ниточно-рябчатой) керамики и культуры штрихованной керамики. Данное взаимодействие, по В. В. Седову (1987 а), явилось причиной отделения прибалтийских финнов от поволжских и сложения особой группы прибалтийско-финского языка и общности. Правда, необходимо учитывать, что штрихованная керамика в небольшом количестве присутствует вплоть до второй половины I тыс. до н. э. почти на всех памятниках с ниточно-рябчатой керамикой (Патрушев, 1989). Значит, отделение прибалтийских финнов от волжских относится уже к концу I тыс. до н. э. А учитывая смешанный балто-финский субстрат дьяковской культуры, можно предположить более длительные контакты волжских и прибалтийских финнов.

В связи с выходом обобщающих работ о прибалтийских финнах в эпоху средневековья в томе «Археология СССР» (Седов, Голубева), древней истории Эстонии (Jaaniits, Laul, Lõugas, Tõpisson) и памятниках Карелии (Кочуркина, 1989), задача автора по их характеристике облегчается. Изложение в данной главе в основном дается по указанным работам, поскольку автор не проводил самостоятельных исследований средневековых материалов Прибалтики. В связи с огромным объемом материала результаты исследований многих поколений археологов, к сожалению, могут быть представлены только в тезисном освещении.

Территорией расселения средневековых ливов были побережье Рижского залива, бассейны рек Даугава и Гауи, северная часть Курземского полуострова. Впервые они упоминаются в русских летописях («Повесть временных лет») под названием либь среди племен, плативших дань Руси. С XII в. начинается сильное влияние немцев.

На городище и селище Кенте V—IX вв. исследованы наземные деревянные дома размерами 3×4 или 4,5×5 м с печью-каменкой в центральной части. Встречены также полужемлянки двух типов: небольшие четырехугольные площадью 10—16 кв. м и овальные площадью 20—28 кв. м. Среди археологических находок на городище и селище есть как собственно ливские, так и латгальские, земгальские формы. Грунтовые могильники второй половины I тыс. н. э. также содержат в основном элементы погребального обряда и предметы латгалов.

Культура ливов археологически в основном выделяется только с X в. Об истоках этого населения высказывались различные мнения. Более приемлемым В. В. Седов (1987 в) считает точку зрения Х. А. Моора (1952), Е. Тыниссона (1974), А. Я. Стубавса (1977) о местном развитии ливов на базе прибалтийских финнов в районах Курземе и смешения их с балтами в области Видземе.

К востоку от эстов обитала вода, называвшая себя *vetjaleiset*. Она неоднократно упоминается в древнерусских и средневековых западноевропейских письменных источниках, начиная с XI в. (Келпен).

Водские памятники выделены в северных частях Ижорского плато, в междуречье рек Нарова и Плюсса, в верховьях р. Средж (Седов. 1953, 1987). На северо-западе Новгородских земель курганные могильники выявляют смешанные славянские и водские комплексы, отразившиеся и в различных антропологических типах черепов (Седов. 1952). В. В. Седовым выделены также славянские древности. Подобное смешение этнических групп подтверждает исследования других археологов (Моора. 1956; Третьяков. 1970; Лебедев. 1977; Шаскольский. 1979; Кирпичников, Рябинин. 1982; Рябинин. 1991 и др.).

Наиболее характерным археологическим признаком воды являются многобусинные височные кольца из проволоки диаметром в среднем 4,5 см с одним расплюснутым и другим петельчатым концами. На проволоку надевались от 5 до 12 металлических бус. Их носили парами, или по одному. Такие кольца бытовали в XII—XIV вв.

Другим этническим определяющим признаком воды среди славянских древностей являются шумящие подвески на груди и поясах, характерные для финно-угорского мира (Седов. 1956; Голубева. 1979). Это полые зооморфные фигурки уток, коньков с рельефными узорами на боках (символами воды). К ним нередко подвешивались привески в виде утиных лапок, бубенчиков, бутылочек.

Водскими являются и ожерелья с раковинами каурн.

Характерной особенностью погребального обряда является обычай хоронить умершего в сидячем положении. В таком положении покойника удерживали валунные камни.

Средневековая ижора впервые упоминается в Новгородской летописи 1228 г. Летописи помещают ижору в бассейне Невы и части южного побережья Финского залива. Этноним ижора, по мнению одних, происходит от названия притока Невы р. Ижора (Моора.

1985). Другие исследователи связывают его с личным именем Игорь или Ингвар (Полов. 1973).

В археологическом отношении ижора изучена слабо. Исследователи выделяют археологические памятники только начиная с XIII в. Поселения ижоры не изучались. Могильников также немного. Они расположены на естественных песчаных всхолмлениях или на их склонах. Костяки в могильных ямах располагались вытянуто на спине, головой на север, северо-запад, юго-запад, юг. На могильнике у д. Гамалово прослежены остатки деревянного постола. Инвентаря в могилах немного. Это нагрудная пластинчатая и овально-выпуклые фибулы, цепедержатели, железные ножи, гвозди от гробовищ, монеты и др. (Tallgren. 1938). Исследователи считают, что украшения ижоры аналогичны корельским. Ижора называют себя карелами, что подтверждает мнение о выделении ижоры из массы средневековой корелы (Аристе. 1958; Nirvi. 1961). С XI—XII вв. область расселения ижоры освоена Новгородским государством (Куза). С этого времени ижора испытывает влияние славян (славянские формы вещей, ориентировка головой на запад). Однако вплоть до XIV в. на этой территории нет древнерусских курганов, и до постройки на острове у истока Невы новгородского города-крепости Орешек не было явных славянских поселений.

Одной из древнейших прибалтийско-финских племенных группировок была корела. Оговоримся, что корела отличалась от современных карел. Последние формировались при взаимодействии корелы и веси (Бубрих. 1957). При этом второй компонент стал ведущим.

Корела расселялись к западу от Ладожского озера (рис. 41). Западным соседом корелы была емь (хяме). Севернее обитали саамы (в летописях — лопь).

Среди обобщающих работ о корелах на русском языке особо необходимо выделить труды С. И. Кочкуркина (1973, 1978, 1981, 1982, 1986, 1989). Обзор и карту распространения корелы опубликовал А. И. Сакса (1981). Историкографический обзор, новейшие достижения и основные выводы по археологическому изучению корелы опубликованы В. В. Седовым (1987 е).

Формирование культуры корел происходило на местной основе (Панкрушев, Кочкуркина). Мнение многих поколений археологов о пришлом характере их культуры не подтверждается на основе новых материалов. Сходство материальной культуры корел и западных финнов В. В. Седов (1987 е) объясняет слабой дифференциацией культуры прибалтийско-финских племен в I — начале II тыс. н. э. Начало формирования корелы исследователи относят к I тыс. н. э. О раннем формировании корел говорит и появление яркого корельского эпоса, отражающего особенности первобытно-общинного строя (Куусинен). К древней эпохе господства оленеводческого хозяйства относится этноним корела *karjala*, *karjalaiset* (Попов).

Основные археологические материалы получены при исследо-

ваниях грунтовых могильников, расположенных по берегам рек или озер на склонах песчаных всхолмлений. Ранние захоронения совершены по обряду кремации. Кальцинированные кости находились среди камней.

На более поздних могильниках Сустниemi и Ховинсари большую часть составляют труположения.

Характерно наличие над могилами каменной вымостки и деревянной обкладки самих могил. Костяк нередко находился внутри деревянного сруба. Дно могилы устилали досками и промазывали глиной. Умерших помещали на шкурах животных. Костяки ориентированы в северном направлении. Известны случаи погребений в гробах или долбленых коробках.

Характерным набором украшений корельских женщин являлись серебряные застёжки для волос, подковообразные пластинчатые орнаментированные застёжки, разновидности овально-выпуклых фибул, крестообразные ажурные цепедержатели, головные украшения из тонких переплетенных серебряных проволочек с иглой со спиральной головкой (сюкере). Характерны также ножи с бронзовыми рукоятями корельского типа, бронзовые копоушки с ажурными расширениями.

Судя по наличию большого числа предметов западного облика, с XI—XII вв. корелы испытали сильное влияние племен Финляндии. Часть корел на территории Финляндии (Саво) смешалась с емским населением.

Раскопки поселений корелы дали материал о домостроительстве и хозяйстве населения.

С XII в. история корел тесно связана не только с родственной емью, но и Новгородом. В XII—XIV вв., по мнению В. В. Седова (1987 г), вся ремесленная деятельность корелы основана на новгородских традициях. Среди корельских украшений много изделий новгородских ремесленников.

Территорию расселения группы балтийских финнов весь (известную также как чудь) в летописях определяют на Белом озере. Однако весь селилась и западнее, в Приладжье.

Впервые весь под именем *vasinabroncas* или *vasina* упоминается готским историком Иорданом в VI в. н. э. В XI и XII вв. весь известна по западноевропейским источникам (виссы и виссанус). О стране вису (ису, весу) упоминают арабские авторы X—XIV вв.

Вопрос о формировании веси остается открытым (Голубева. 1970; Шаскольский. 1979). Одним из компонентов исследователи называют финноязычное население с культурой дьяковского облика (Голубева. 1987 г).

Погребальный обряд веси разнообразен. Основными памятниками являются грунтовые могильники с труположениями. Обряд трупосожжения на стороне встречается очень редко.

В X—XI вв. господствует курганный обряд с трупосожжением. С конца XI в. и в XII в. под курганами встречались только труположения. Курганы обычно расположены по 5—20 цепью вдоль реки. В курганах XI в. известны парные погребения мужчин и

женщин. Нередко останки женщин имеют следы насильственной смерти. В это же время появляются захоронения отдельных голов. Иногда они поставлены на основание.

Исследователи обычай сооружать курганы связывают с культурой скандинавов (Назаренко, Тухтина).

В XII—XIII вв. погребальный обряд веси имеет много признаков обряда славян.

Среди украшений женского костюма часты нагрудные цепи, соединявшие парные пряжки, из двойных или тройных круглых звеньев длиной около 1 м. Иногда вместо них использовались нитки бронзовых бус. Более короткие цепочки свисали вдоль груди. К ним привешивались бубенчики и шумящие привески.

Из других изделий характерны браслеты с ребром в средней части, зооморфные украшения X—XI вв. с изображениями водоплавающих птиц, оленей, бобра; горизонтальные игольники в виде трубочек и др.

На могильниках XI—XIII вв. появляются славянские формы украшений.

В «Повести временных лет» среди неславянских народов упоминается чудь заволочская. Термин «Заволочье» используется и в других источниках для обозначения территории восточнее озер Белое и Кубенское, куда русским приходилось проникать волоком (тащить волоком) на своих судах. Отсюда новгородцы ходили за данью на Вагу и Сухону. В XI—XIII вв. этническую самостоятельность чудь заволочская могла сохранить только в бассейне р. Вага. По Ю. С. Васильеву (1971), именно этот район в русских летописях называется Заволочьем.

Происхождение заволочской чуди связывают с культурой веси (Голубева, 1987 б). В деталях чудские формы предметов особенно близки белоозерской веси (Голубева, 1973). Высказывалось также мнение о близости чуди заволочской к вепсам (Бубрих).

Археологические материалы заволочской чуди весьма скудны. Ранние находки первой половины X века опубликованы А. М. Тальгреном (1931). Это стилизованные коньковые подвески, полые подвески в виде коньков и уток, горизонтальный игольник с шумящими привесками, пряжки, пронизки.

Новые археологические материалы данного населения получены в 1976—1979 гг. (Овсянников, Назаренко, Рябинин). Могильники (Усть-Шуйский, Васильевский) грунтовые. Захоронения представлены труположениями вытянуто на спине, головой обычно на север. Реже встречены трупосожжения, совершенные на стороне. В могилах прослежены бревенчатые срубы, следы кострищ.

Из предметов новых форм отметим овальные и округлые кресала, пряжки в форме лиры, умбонovidные бляхи с шумящими привесками на обуви и др. На Корбальском могильнике XI—XII вв. найдены украшения-амулеты: так называемый «конь на змее», полая утка, подвеска с прорезной трапециевидной основой и антропоморфным навершием, полулунные височные кольца, подковообразные застёжки с многогранными и спиральными головками и др.

Подводя итог характеристике археологического материала прибалтийских финнов, отметим важнейшую роль в распространении их культурного влияния на окружающие народы. Вместе с тем, их историческая характеристика всегда давалась русскими летописями, для которых финно-угры России всегда оставались неполноценными людьми. Все они платили дань русским, некоторые поставляли отряды в состав новгородской рати, выполняли сторожевую службу. Но все они оставались для русских «погаными». Так, в Новгородской летописи (1950, с. 292) об ижорском старейшине Пелгусий, состоящем на службе Новгорода Великого, говорится, что он жил среди своего поганого рода.

Такое отношение русских ко всем финно-уграм России не могло не сказаться на судьбах многочисленных народов России, поскольку русские преследовали только свои цели — получение материальной выгоды в виде дани, использование местных ресурсов, захват чужих территорий. Итогом такого отношения стало исчезновение большинства финно-угорских народов России, значительное сокращение территории финно-угров, растворение культурных ценностей в среде чужеродных народов, ущерб этническому и национальному самосознанию ныне живущих финно-угров.

Глава 14

РОЛЬ ФИННО-УГРОВ В ИСТОРИИ РОССИИ

ПОЗНАКОМИВШИСЬ с основными этапами развития финно-угров России, мы приходим к выводу, что истоки финно-угорских народов прослеживаются с глубокой древности. Территория расселения финно-угров была освоена их предками по крайней мере с эпохи мезолита или даже с эпохи палеолита.

О происхождении финно-угорских народов среди археологов России существуют две основные точки зрения. Это теория происхождения финно-угров на основе древнейшего населения Сибири, впервые высказанная М. А. Кастреном и поддержанная В. Н. Чернецовым (1951) и А. Я. Брюсовым (1968). Сторонники второй точки зрения придерживаются теории Э. Н. Сетьяля о средневожской и прикамской прародине финно-угров (О. Н. Бадер. 1972; П. Н. Третьяков. 1966; А. Х. Халиков. 1969).

Есть также попытки примирить эти две точки зрения. Так, например, основываясь на наличии палеосибирских и палеоевропейских компонентов, А. Х. Халиков (1967) писал о первоначальном заселении Среднего Поволжья с востока и запада. Заметный сибирский компонент в культуре мезолита Приуралья отмечает Г. Н. Матюшин (1976). О двух группах населения (уральской и волго-окской) в мезолите Среднего Поволжья пишет В. В. Никитин (1991).

В эпоху неолита финно-угорские племена Приуралья волго-камской культуры окончательно отделились от угорских племен (А. Х. Халиков. 1969). Волго-окское население, характеризующееся ямочно-гребенчатой керамикой, многими исследователями также признается финно-угорским, хотя в последние годы становится все больше сторонников развития этой культуры из разноэтнических элементов. В первой половине III тысячелетия до н. э. в Волго-Окском бассейне появляются юго-западные племена, очевидно, днепро-донецкой культуры, с глиняной посудой, украшенной накольчатой техникой (Буров. 1980; Третьяков. 1966; Габышев. 1978; Никитин. 1985). Определенные элементы их культуры несомненно были восприняты значительной частью финно-угорского населения.

В середине III тысячелетия до н. э. все указанные неолитические племена (с гребенчатой, ямочно-гребенчатой и накольчатой керамикой) приняли участие в формировании волосовской культуры. Правда, как отмечалось в первой главе данной работы, о происхождении этой культуры существуют разные мнения.

В недрах волосовской общности вполне могли быть предпосылки для формирования финноязычной общности, о чем свидетельствует значительный пласт волосовских элементов культуры от Среднего Поволжья до Финляндии. Однако проникновение иноязычных групп населения помешало этому процессу. В результате смешения с пришлыми племенами волосовское население трансформируется в новые археологические культуры. Отдельные группы данного населения в различной степени приняли участие в формировании ряда культур эпохи бронзы — приказанской на востоке, чирковской на Средней Волге с последующим расселением в северные районы, поздняяковской на западе, а также, очевидно, населения с ниточно-рябчатой керамикой.

Следует полагать, что формирование финноязычной общности конца эпохи бронзы — начала эпохи раннего железа в лице населения с ниточно-рябчатой керамикой облегчалось благодаря более древней родственной основе в лице волосовцев и их ближайших предков. Только так можно объяснить легкое проникновение племен с ниточно-рябчатой керамикой в среду поздняяковцев, приказанцев и потомков чирковцев на широкой территории от устья Камы в Поволжье до северных районов Европейской России и Скандинавии. Появление восточных элементов у раннего финноязычного населения объясняется как участием волго-камского населения в этнических процессах волосовских племен, так и проникновением восточного населения гаринско-борского облика в волосовское время и элементов культуры кротовского облика из Сибири.

Дальнейшее развитие финноязычных племен России непосредственно связано с населением с ниточно-рябчатой керамикой, неоднократно испытывавшим влияние восточных финно-пермских племен анавьинского облика.

Последние явились одним из компонентов не только волжских

финнов, но и северо-западных племен позднекаргопольской культуры.

Четкая линия развития племен финно-пермской группы в Приуралье на приказанской и ананьинской основах также не вызывает сомнений. Проникновение чужеродных групп населения вызвало незначительные изменения в культуре местных финно-угров и в границах их расселения. Во всей древней истории в случае контактов с иноязычными племенами финно-угры выходили победителем.

Сложная эпоха формирования отдельных финно-угорских народов, известных по письменным источникам, свидетельствует о тенденциях развития ярких самобытных этнических образований, сформировавшихся на близкой основе. Не только близкий язык, но и этнографический и археологический материалы говорят об общих путях развития финно-угров от Урала до Скандинавии. Мы можем только предполагать, какое величественное будущее ожидало финно-угорские народы на этих обширных пространствах с богатейшими природными ресурсами.

Именно в эпоху наивысшего развития самобытных финно-угорских народов они оказались на основных направлениях русской колонизации.

На вопрос о характере русской колонизации трудно дать однозначный ответ. Единственно, чего автор не может допустить, это оценки данного процесса как блага для финно-угорских народов. Не секрет, именно такая трактовка проповедовалась в социалистической России в угоду лживой политике дружбы народов в СССР.

В русскоязычной литературе о русской колонизации финно-угров с давних времен существуют две точки зрения (Рябинин, 1991). Первая — это мнение о мирном характере колонизации, в процессе которой русские занимали лучшие земли, и местные финно-угры были вынуждены уходить в другие места, а оставшееся население ассимилировалось (Готье, 1930, с. 221—223). При этом есть и попытка объяснить причины мирной колонизации «дикостью» или «уступчивостью» коренных народов. Известный русский историк В. О. Ключевский (1987, с. 298) пишет, что «финны были мирным и уступчивым племенем» и славяне легко занимали обширные участки, которые оставались между разбросанными средн болот и лесов финскими поселками. Однако историк не указывает, почему земледельческо-скотоводческие общины финно-угров оказались среди болот и лесов. Несомненно, это произошло в результате колонизации.

Русские исследователи постоянно подчеркивают мнение о коренных финно-уграх как самых диких народах. С. Ф. Платонов (1917, с. 53—54) о них пишет, что «разрозненные и не имевшие никакого внутреннего устройства, слабые финские народцы оставались в первобытной дикости и простоте, легко поддавались всякому вторжению в их земли, ...быстро подчинялись более культурным пришельцам и ассимилировались с ними...»

О мирном заселении земель Двинской области новгородцами пишет другой ведущий историк России С. М. Соловьев (1911, с. 11): эти земли Великий Новгород занял «тихо, незаметно для истории». Чудские племена, как считал С. В. Ешевский (1870, с. 612) исчезали из-за процесса «обрусения туземцев».

Трудно оправдать подобную психологию русских исследователей, но попытаемся понять их исходные позиции. В них ярко отражается психология поколений колонизаторов, столкнувшихся с непонятными для них культурой и общественными отношениями. Не случайно всех финно-угров русские называли «инородцами» (людьми другого рода), чуждью (что означает непривычный, несвойственный, т. е. придает оттенок чужаковатости). Легко было оправдать любые действия колонизаторов по отношению к «неполноценным народцам». Теория мирной ассимиляции наиболее удобна для оправдания великорусской нации, представителями которой были и русские исследователи. Ведь любой порядочный человек при мысли о том, сколько людей и народов исчезли с лица земли по вине своего народа, должен почувствовать моральную ответственность за свой народ. Да и в глазах других народов такой народ должен вызывать, мягко говоря, чувство неприязни. Лучшим способом очищения своей совести русские исследователи сочли более правильным очернить завоеванный народ и оправдать себя перед историей. Отсюда и выводы о примитивной культуре финно-угров.

На археологическом материале мы видели, каких замечательных высот достигли экономика, культура, искусство финно-угров эпохи средневековья. Таких богатейших украшений, ярких образов и такого высокого ювелирного искусства не знал ни один из русских центров. Тем не менее русские исследователи с упоением повторяют один за другим мысль о дикости и низкой культуре финно-угров. Автор видит две основные причины на вопрос, почему русские исследователи пишут о примитивной культуре: 1) непонимание характера культуры завоеванных народов из-за низкого уровня культуры завоевателей, постоянно занятых войной, а также взглядов официальной православной идеологии, развенчивающей языческие образы, представления; 2) русские авторы за исходный элемент культуры финно-угров принимают уже культуру народов, полностью уничтоженную, исковерканную и приниженную в ходе длительной русской колонизации. О какой народной культуре может идти речь, когда в XVI—XVIII вв. еле-еле выживали оставшиеся группы финно-угров, рассеянных по всей территории Прибалтики, Поволжья, Приуралья, Сибири и Севера и загнанных на худшие земли, но которых везде настигали сборщики налогов русского царя, православная церковь, военные отряды.

Вторая точка зрения о русской колонизации отрицает ее мирный характер. Таких взглядов придерживались А. В. Елисеев (1881, с. 35—42), Н. П. Барсов (1885, с. 44—60), С. К. Кузнецов (1910, с. 48—49), но наиболее ярко отразил А. И. Соболевский (1893, с. 116—121). Он довольно резко критиковал сторонников теории мирного занятия русскими «пустых» земель; указывал,

что «летописи ничего не говорят о мирных, дружественных отношениях русских к финнам». Вместе с тем, он приводит письменные свидетельства о военных походах новгородцев на западную чудь, владимирских князей на мордву, а также избиение русских сборщиков дани местными отрядами в разных местах территории финно-угров. Об этом же свидетельствуют и северные легенды о чуди белоглазой, борющейся с русскими. На основе летописных данных А. И. Соболевский приходит к выводу, что между славянами и финно-уграми были враждебные отношения, что финно-угры были вытеснены из мест жительства, остатки загнаны в болота и лесные глухие участки, и только жалкие их остатки там были оставлены русскими в покое, где они мало по малу обрусели.

Следует отметить, что обе точки зрения на характер русской колонизации строились на одних и тех же источниках — письменных свидетельствах русских летописей; в советской литературе, само собой разумеется, единственно правильной официально принята первая точка зрения, нашедшая отражение как в центральных, так и в местных финно-угорских изданиях (Жиганов. 1976; Айплатов. 1967 и др.). В. Т. Пашуто (1965, с. 89—90) даже пишет о положительных последствиях русской колонизации для финно-угров и что она способствовала этнической консолидации эстонцев, мордвы, черемисов (мари), коми, карел.

Археологический материал также нередко используется для объяснения взаимоотношений славян и финно-угров в период русской колонизации, но выводы также противоречивы. Одним из любопытных свидетельств таких взаимосвязей является археологический материал из русских курганов Верхнего Поволжья. Оказалось, что города и поселения русских возникали не в пустующих землях, а прежде всего в наиболее обжитых мерянских районах с отнюдь немногочисленным по тем временам населением (Леонтьев. 1991, с. 39). А. Е. Леонтьев и Е. А. Рябинин (1980, с. 76) отмечают, что в курганах довольно много женских финно-угорских украшений и полностью отсутствуют мужские финно-угорские предметы, хотя на мерянских памятниках они в небольшом количестве встречаются (ножи с прямой спинкой, узколезвийные продольные топоры, топоры-кельты с вертикальной втулкой, пластинчатые кресала). Но в целом мужского инвентаря мало и на памятниках мери. В то же время на мерянских грунтовых могильниках нет русских украшений. Напрашивается вывод: русские войны женились или брали в наложницы мерянских женщин, но мужчины мери не женились на русских женщинах. Малочисленность мужского инвентаря мери может свидетельствовать об особой ситуации: из числа завоеванных народов русские составляли военные отряды, которые использовались для борьбы с врагами русских, в том числе и против других финно-угров. Так, в свидетельствах 1149 г. говорится об избиении до последнего человека отряда эми (финнов Финляндии) новгородцами совместно с водью, которая находилась в вассальной зависимости от Новгорода (Куза. 1975, с. 183). В 882 г. мерянские отряды принимали участие в походах Олега на

Смоленск, Любеч, Киев, а позднее и в Византию (ПВЛ, с. 20, 23).

Могло быть также и уничтожение мужской части населения. Необходимо учитывать тот факт, что русские, очевидно, в среду финно-угров прибывали военными дружинами, скорее всего без семьи. Беря женщин из числа местного населения для сожительства или совместной жизни, они способствовали быстрой ассимиляции финно-угров. И конечно же, это была насильственная ассимиляция после уничтожения части мужчин, изгнания из насиженных мест и увода значительной части мужчин в составе военных отрядов.

О значительных передвижениях финно-угорского населения (очевидно, в результате изгнания русскими из основных территорий) свидетельствуют мерянские и муромские антропонимы в среде марийского населения по переписным книгам XVII в. (Черных. 1980). Поэтому нельзя согласиться с утверждениями русских исследователей о мирной колонизации финно-угров, как и советских последователей официальной политики о положительных последствиях русской колонизации. Нельзя верить и вымыслам о дикости иноязычных народов, подвергшихся русской колонизации.

Финно-угорский мир за свою многотысячелетнюю историю достиг удивительных высот в развитии культуры. Это прежде всего достижения в организации особого типа хозяйства, приспособленного к жизни в условиях умеренного климата и географической среды. Умение финно-угров регулировать производство продукции земледелия, скотоводства и получение продуктов от присваивающего хозяйства (охоты, бортничества, рыболовства, сбор плодов и ягод) являются образцом ведения хозяйства.

Финно-угры России входили в зону торговых связей европейской и восточной торговли и принимали в ней активное участие. Успехи в ремесленном производстве привели к распространению замечательных металлических украшений, стоящих на грани ремесла и ювелирного искусства.

Прекрасное знание окружающего мира сделали финно-угров близкими к природе, умеющими общаться с духами, богами, а значит, с космической энергией. От природы они получали свое питание, исцеление от болезней, нравственные законы. Их наблюдательность, понимание окружающего мира, творческая фантазия и развитое эстетическое чувство нашли отражение в их духовной культуре и традиционном искусстве. Достижения финно-угров во всех областях должны занять соответствующее место в мировой цивилизации.

Финно-угорские элементы культуры нашли отражение у всех позднейших народов Европейской России. Этническое своеобразие и особенности духовной культуры стали основной чертой древнего искусства. Многочисленные зооморфные, антропоморфные изображения, сложные узоры на металлических предметах уже I тысячелетия до нашей эры свидетельствуют о замечательных истоках культуры финно-угров. Именно в древних пластах культуры формировались традиционные черты финно-угорского искусства с изображе-

ниями водоплавающих птиц, коней, лосей или оленей, медведей, змей и рыб. Они являются не только способом передать образы окружающего мира, но и отображением идеологических представлений. В религиозных представлениях и языческих культах широко представлено отождествление коня с солнцем или другими небесными светилами, например, в эпосе «Калевала» (Мартт. 1925; Бранденбург. 1895). Конь, лось или олень являются символами добра и счастья, оберегами на одежде (Голубева. 1976). Их символы и изображения водоплавающих птиц широко представлены в народных вышивках и бытовых предметах многих финно-угров — мари, мордвы, карел, удмуртов (Соловьева. 1982, 1989; Крюкова. 1968, 1973; Маслова. 1951; Heikel. 1888).

Образы медведей и змей передают представления финно-угров о верхнем и нижнем мире, а также говорят о развитом культе медведя. Клыки медведя как амулеты встречаются у финно-угров Поволжья (Патрушев. 1986), среди украшений женщин Фенноскандии в эпоху викингов (Unto Salo. 1974).

В искусстве финно-угров Приуралья широко представлены фигурки медведей и змей (Оборин. 1976; Оборин, Чагин. 1988).

Антропоморфные фигурки представлены в археологических материалах финно-угров от эпохи бронзы до эпохи средневековья (Патрушев. 1980; Оборин, Чагин. 1988; Tallgren. 1928), а также в элементарном вышивке финно-угров, где они олицетворяют богиню земли «Мланде-ава» (Соловьева. 1982) или передают образ солнечного божества («Кече юмо»), отождествляемого у ряда финноязычных народов с образом верховного божества «Кугу юмо» (И. Смирнов. 1889).

Многочисленные узоры на металлических предметах свидетельствуют об осознании древними финно-уграми гармонии мира, окружающей природы. Однако мастера переносили свои восприятия через свое понимание, свое видение, сообразно своей фантазии. Характерно горизонтальное членение узоров подобно представлениям о верхнем, среднем и нижнем мирах. Следует полагать, что большинство узоров имели не только эстетическое, но и особое магическое значение.

Многие сюжеты орнамента с числовым значением 3, 7, 8, 16 передают представления финно-угров о трех или семи мирах, небесах, календарные системы и магическое воздействие чисел (Грибова. 1976; Соловьева. 1982, 1989). Спиральный узор у финно-угров отождествляется с воздушной стихией и небесными явлениями.

Предметы искусства древних имеют практическое значение, а узоры на них имели различное магическое значение. Порой трудно понять скрытый смысл узоров и изображений, так как они должны были восприниматься в комплексе с несохранившимися узорами одежды, с дополнительными деталями несохранившихся деревянных изделий, со всей окружающей обстановкой, с общественными представлениями о добре и зле, об окружающем мире. Судя по этнографическим данным, украшения у финноязычных народов но-

сили в определенных сочетаниях-комплектах. Состав комплекта, характер, число входивших изделий были строго регламентированы в зависимости от будничного или праздничного предназначения сдвезды, от возраста и семейного положения, от социального и имущественного ценза владельца (Заднепровская. 1985, с. 3). При этом украшения носили особые магические свойства. Поэтому узоры на них, а также форма изделия передают определенные символы и представления.

У народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни одной праздной линии, каждая черточка имеет свое значение, является словом, фразой, выражением известных понятий, представлений (Стасов. 1894, с. 207). Впоследствии древние изображения, узоры и мотивы перерастают в декоративную вышивку. Все вместе они воссоздают неизвестный и прекрасный мир духовной культуры, свойственный всем древним финно-уграм.

На более древней основе формировались основы художественного творчества отдельных финно-угорских народов. Однако единые истоки их искусства проявились в образах, сюжетах, узорах всех народов. В IX—XII вв. широкое распространение получили близкие формы коньковых подвесок, изображения водоплавающих птиц, богатейшие узоры и оригинальные шумящие подвески. Каждое поколение вносило что-то новое в культуру финно-угров, способствовало развитию совершенства и мастерства, этнического единства и этнического самосознания. Века и тысячелетия только формировали и шлифовали достижения финно-угров в культуре, воспринимая все лучшее друг у друга и отбрасывая ненужное и совершенствуя главное в традиционном искусстве и духовной культуре.

Культура финно-угров оказала значительное воздействие на соседние народы. Еще в первом тысячелетии до н. э. металлические изделия ахмыловского и ананьинского обликов встречены на территории расселения киммерийцев и скифов. Это трубчатые пронызки и парные накладки (Патрушев. 1984, рис. 53, Г, IX; Тереножкин. 1976, рис. 24, 57; Збруева. 1952), бронзовый прорезной наконечник копья и кельт ананьинского типа, мотивы ананьинских изображений в передаче голов и фигур хищников на поясном крючке, стоящего хищного зверя на другом подобном изделии, клевец и крестообразные бляхи со зверями и бляшка в виде медведя в жертвенной позе происходят из скифских памятников Воронежской, Полтавской и Киевской областей (Збруева. 1952, с. 175—177). Находки ананьинских форм кельтов и прорезных наконечников копий неоднократно встречены в Зауралье, Западной Сибири и Средней Азии (Збруева, 1952). Кельты аозинско-меларского облика, близкие ахмыловским, происходят из Белоруссии и юго-западных районов России (Патрушев. 1975, табл. 1).

Широкое распространение в балтоязычной среде со штрихованной керамикой посуды с ниточно-рябчатой керамикой свидетельствует об активном воздействии финноязычного населения на своих балтоязычных соседей.

Велико было воздействие финно-угров на славянские народы в эпоху средневековья. Многие русские исследователи указывали на вклад финно-угорского наследия в великорусское племя. А. Д. Корсаков (1872) об исчезнувших в ходе русской колонизации меря писал, что она послужила одним из элементов формации великорусской формации. О финно-угорском наследии в великорусском племени писал С. Ф. Платонов (1917, с. 104—105). Чудской субстрат, оказав заметное воздействие на славян Ростово-Суздальской земли, способствовал изменению их говора, физиологического типа, умственного и нравственного склада и в конечном итоге на формирование особого типа великорусской народности. По В. О. Ключевскому (1872, с. 299), чужь вошла в состав русской народности со всеми антропологическими и этнографическими особенностями, со своим языком, обычаями и верованиями.

На базе смешения русских и чуди появились смешанные элементы мифологического мирозерцания, антропологического типа и особой социальной структуры с преобладающим сельским населением великороссов (В. О. Ключевский. 1987, с. 309—310).

Таких же взглядов придерживался и А. А. Спицын (1924, с. 9). Суздальское и владимирское население он считает смешанным с преобладанием инородческой крови, а Костромские курганы объединяет в полумерянскую курганную культуру, где представлено русифицированное чудское племя.

Участие в той или иной мере финно-угорских элементов не отрицается во все времена. Особый интерес представляют выводы антропологов о формировании антропологических особенностей древнерусского и северорусского населения (Алексеев. 1969; Алексеева. 1973; Чебоксаров. Трофимова. 1946 и др.). Эти выводы подтверждаются сведениями лингвистов о финно-угорских элементах в севернорусских говорах (Попов. 1974; Ткаченко. 1985 и др.). Влиянием языков мещеры и мурома лингвисты объясняют образование особого диалекта русского языка с цокающим говором в Волго-окском междуречье (Зеленин. 1929). Как сплав этнически неоднородного населения, включающего 22 разноразличных народа, считают русских В. Т. Пашуто (1966, с. 81—88) и М. Н. Покровский (1933, с. 235—250). Последний указывает, что русская народность имеет в своем составе едва ли не 80% финской крови. Многочисленные следы чудского наследия в этнографии, антропологии и языке приводят А. Л. Монгайт (1961, с. 115—140) и Е. И. Горюнова (1961, с. 12—48). Судя по материалам костромских могильников даже в XII—XIII вв. на территории расселения мери преобладало ославяненное финно-угорское население (Алексеев. 1973; Седов. 1977).

Для нас особое значение имеют выводы археологов, привлекающих новые источники о финно-угорском наследии в древнерусской культуре. По мнению П. Н. Третьякова (1970, с. 117), финно-угорские народы меря, белозерская весь, мурома и др. принимали участие не только в формировании великорусской, но и древнерусской формации, поскольку смешение их элементов культуры началось

задолго до появления письменных источников. Основательно обоснованные выводы о постепенной славянизации воды и формировании новгородских словен; псковских кривичей в результате славяно-финского симбиоза отражены в ряде работ В. В. Седова (1952; 1953; 1979; 1984). Он же отмечает многочисленные финно-угорские элементы в древнерусской культуре (Седов. 1966; 1972; 1982).

Элементы мерянского погребального обряда у русского населения Ярославской области выделены И. В. Дубовым (1982, с. 14—30): подкурганые наземные «домики мертвых», амулеты из клыков медведя, особый местный набор предметов — лепная посуда бомбовидной формы, копоушки из кости, глиняные лапы и др. Влиянием финно-угров объясняет появление захоронений под глиняным сводом в костромских курганах Е. И. Горюнова (1961, с. 233). Она же отмечает значительные меряньские элементы в ивановских и костромских курганах (обычай разжигать костер на месте будущих погребений, особая ориентация костяков, наличие местных форм вещей) и чудские элементы в культуре Новгорода (Горюнова, 1961, с. 225—226, 231, 247). Л. А. Голубева также писала о финно-угорских элементах обряда в русских курганах — погребение коней и ориентацию костяков на север. Характерным элементом обряда финно-угров Е. А. Рябинин (1988, с. 41—53) называет одиночные погребения с оружием и женскими погребениями, открытые в переяславской группе владимирских курганов. Как известно, погребальный обряд является одним из наиболее традиционных элементов культуры. Финно-угорские элементы обряда у русского населения подтверждают выводы историков о значительном финском субстрате в культуре русских.

Еще в большей мере влияние культуры финно-угров прослеживается в распространении форм украшений местных племен среди русского населения. Многочисленные зооморфные украшения в курганах русских А. С. Уваров (1871) считал изделиями восточно-финских племен. Как наиболее характерный финно-угорский элемент характеризует подобные изделия И. Р. Аспелин (1876—1878). А. А. Спицын (1890; 1903; 1905; 1924) также признавал финское происхождение коньковых подвесок из Владимирских курганов и курганной культуры Новгородской земли.

В. В. Седов выделяет множество элементов финно-угорских украшений в древнерусских курганах, среди которых ведущее место занимают зооморфные изображения. В классификациях финно-угорских зооморфных украшений Л. А. Голубева (1973; 1976; 1979) выделяет характерные их особенности для отдельных этнических групп и прослеживает влияние каждой из них на культуру русских. О значительных финно-угорских элементах в культуре русского населения неоднократно писал Е. А. Рябинин (1974; 1981; 1982; 1991). Им выделены следующие характерные предметы финно-угров в владимирских курганах — сложные подвески с изображениями коней, треугольные составные подвески, перстни с мелкими привесками, кольца с щитками.

На основе ряда финно-угорских изделий появляются характерные русские украшения.

Так, В. В. Седов (1972, с. 138—144; 1982, с. 194—195) появление височных древнерусских украшений и сомкнутых колец в виде браслетов связывает с формами финно-угорских браслетообразных колец с заостренными концами.

В материалах русских курганов Владимирской, Ярославской, Тверской областей встречены также финно-угорские формы прямоугольных подвесок с шумящими привесками, привески в виде лап, бутылочек и колокольчиков, спиральные перстни и браслеты (Рябинин. 1988, с. 43). Наличие финно-угорских форм металлических предметов в Ярославских и Костромских могильниках периода русской колонизации отмечают М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина (1987), В. А. Мальм (1963), А. Я. Ушаков (1890, с. 24—34), А. И. Кельснев (1879), Т. Н. Никольская (1949).

Все эти материалы свидетельствуют о длительном бытовании финно-угорских форм предметов среди русского населения, что исключает случайное и эпизодическое попадание отдельных предметов в инокультурную среду.

В силу малочисленности финно-угорского населения северо-западных областей России в меньшей степени проявляется распространение местных форм изделий у русского населения Новгорода. Вместе с тем, многочисленные материалы из Приладожья и Прионежья свидетельствуют, что местное население не только воспринимало формы предметов соседних народов, но и активно воздействовало на них (Кочкуркина. 1989).

Наряду с многочисленными русскими предметами на мордовских памятниках можно проследить и обратное влияние мордовских форм вещей; кроме того, мордва находилась на важнейшем торговом пути между Волжской Булгарией и Русью, пополняя товары тех и других или получая в обмен привозные изделия (М. Ф. Жиганов. 1976, с. 94—95). Как мордовские, так и особенно мари́йские металлические украшения неоднократно встречены на рядовых памятниках волжских болгар, которые располагались в некотором отдалении от центров торговли Волжской Булгарии. Этот факт свидетельствует о более близких контактах финно-угров со своими передовыми соседями, которые первыми в Восточной Европе образовали свое государство.

Таким образом, финно-угорские народы сыграли значительную роль в развитии материальной и духовной культуры соседних народов. Особенно это касается, как мы видели, русского населения центральных и северных областей. Однако, передав многие элементы культуры, значительная часть финно-угров в силу особой политики русских растворилась и исчезла в ходе освоения русскими территории коренных жителей.

Итогом русской колонизации стало исчезновение больших групп волжских финнов (мери, муромы, мешеры), чуди заволочской и веси в северо-западных областях России, а также значительное сокращение территории других финно-угорских народов. Мно-

гие племена были вынуждены отступить в глухие лесные места перед силой оружия русских завоевателей. Следы этой трагедии надолго остались на земле финно-угров. Психология колонизаторов и традиционное отношение к финно-угорским народам сохранилось на долгие времена, лишь видоизменяясь в новых условиях.

Политика русского царизма сдерживала развитие культуры финно-угорских народов. Отрицательную роль сыграл запрет заниматься коренным жителям металлургией. Окончательно исчезло производство высокохудожественных металлических украшений. Экономика и культура финно-угров были искусственно отброшены назад на многие века. После установления власти Советов на территории финно-угров еще более усилился приток русского населения. Широкая индустриализация и принудительное колхозное строительство расшатали и уничтожили слаженное частное сельскохозяйственное производство и традиции ведения хозяйства финно-угров.

История финно-угорских народов полна неожиданных поворотов. Как и у любого другого народа, в их истории есть этапы наивысшего расцвета, упадка, свои трагические страницы.

В наши дни основной проблемой финно-угров России является процесс уменьшения процентного соотношения коренных народов финно-угорских республик и как результат этого процесса низкий уровень национального самосознания представителей коренных народов, потеря навыков родной речи. Так, считают родным свой язык только 80,8% марийцев, из них свободно владеют языком 3,4%. У мордвы считают родным свой язык 67,1% и свободно владеют им 7,9%, у удмуртов соответственно 69,6 и 5,4%, у коми — 70 и 7,4%, у карел — 47,3 и 13,6% и т. д. Основная причина такого положения — отсутствие условий развития своих языков: от детского садика до вузов, от повседневного общения до радио и телевидения господствует русская речь.

Коренное население в финно-угорских республиках в основном проживает в сельской местности, где на их долю приходится постоянный тяжелый физический труд, тяжелые бытовые условия и плохая обеспеченность продуктами и товарами. Например, в городах Марийской республики марийцы составляют всего 12,6—29,02%.

Русскоязычное население в основном проживает в городах. Они составляют преобладающее большинство во всех организациях, учреждениях, предприятиях, вузах, взаимно поддерживают друг друга, выдвигают на руководящие должности, предоставляют льготы, находятся в гораздо лучшем положении, чем представители коренной национальности.

Из числа местных жителей мало специалистов с высшим образованием, т. к. в вузы и техникумы трудно поступить из-за слабого знания русского языка. Все экзамены на русском языке, а русские преподаватели безжалостно не аттестуют не за незнание предмета, а слабое знание русского языка. Основным экзаменом на любую специальность является сочинение по русской литературе на русском языке.

Возрождению национального самосознания, национальной культуры могут помочь объединение народов, создание народных союзов, широкое распространение своего языка. В настоящее время организован Международный финно-угорский фонд с центром в городе Йошкар-Оле, проводятся встречи финно-угорских писателей, выступления фольклорных ансамблей и др. Все эти ручейки должны слиться в единую могучую реку возрождения былого величия финно-угров на новой почве. Но для этого надо помогать этим росткам будущего. И надо начинать с изучения корней — на пустом месте ничего не вырастет, как показала история социалистического режима.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1 Карта расселения современных финно-угров в Европейской России: 1 — карелы; 2 — вепсы; 3 — мары; 4 — мордва; 5 — удмурты; 6 — коми (по кн.: Атлас народов мира. 1964).

Рис. 2 Общий вид ямы с погребениями жертв сталинских репрессий на Мендурской дороге близ г. Йошкар-Олы в республике Марий Эл.

Рис. 3 Археологические культуры и памятники эпохи раннего металла в лесном Поволжье и Приуралье: 1 — волосовская; 2 — фатьяновская; 3 — балановская; 4 — абашевская; 5 — сейминско-турбинская; 6 — чирковская; 7 — новоильинская; 8 — гарино-борская (ранний этап); 9 — юртиковская (по кн.: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. 1987).

Рис. 4 Планы жилищ на поселениях волосовской культуры: А — Ибердус I; В — Ахмыдовское II. 1 — очаги; 2 — столбы (по Д. А. Крайнову. 1987).

Рис. 5 Находки из памятников волосовской культуры: 1 — наконечник дроти-ка; 2, 3 — наконечники стрел; 4 — антропоморфная фигурка; 5 — фигурка птицы; 6—8, 10 — скульптура животного; 7, 9, 11 — фигурка птицы; 12 — лунница; 13—15 — рыболовные крючки; 16, 18, 19 — наконечники стрел; 17, 21 — гарпуны; 20 — сосуд (по Д. А. Крайнову. 1987).

1, 5, 6, 13—15, 18—19 — Сахтыш I; 2—4, 16, 17, 21 — Сахтыш II; 7—11 — Стрелка I; 12 — Сахтыш VIII; 20 — Красный мост.

1—12 — камень; 13—19, 21 — кость; 20 — глина.

Рис. 6 Предметы из памятников фатьяновской (1—4, 6—7, 9—10, 12), балановской (5, 8) и чирковской (11) культур.

Волосово-Даниловский могильник: 1, 2 — наконечники стрел; 3 — топор-молот; 4 — амулет из медвежьего клыка; 6 — очковидная привеска; 7 — топор с навершием в виде медвежьей головы; 9, 10 — сосуды; 12 — копые (по Д. А. Крайнову. 1987); 5 — украшение; 8 — топор (по О. Н. Бадер и А. Х. Халикову, 1987); 11 — сосуд, Кубашевское поселение (по А. Х. Халикову, 1987).

1—3, 7, 8, 12 — камень; 5, 6 — бронза, 9—11 — глина.

Рис. 7 Изделия абашевской (5, 8—16) и сейминско-турбинской (1—4, 6—7) культур. 1—3, 6 — кельты; 4 — подвеска; 7 — кинжал (по Е. Н. Черных и С. В. Кузьминих) 1, 2 — Решенский могильник; 3—4 — Турбинский могильник; 6, 7 — Сейминский могильник. 5 — очковидная подвеска; 8 — реконструкция головного убора средневожских абашевцев (II Вилловатовский могильник, курган II, погребение 1); 9, 10 — сосуды; 11—13 — наконечники стрел; 14—15 — украшения головного убора, 16 — кольцо (по А. Д. Пряжину и А. Х. Халикову, 1987); 5, 14—16 — II Вилловатовский могильник, 9, 11 — курган Кугунур, 10, 12, 13 — курган Береговка.

1—3, 5—7, 14—16 — бронза, 4, 11 — кость, 9, 10 — глина.

Рис. 8 Археологические культуры финно-угров России эпохи финальной бронзы: 1 — приказанская, 2 — поздняяковская, 3 — население с ниточно-рябчатой керамикой.

Рис. 9 Находки из памятников поздняяковской культуры: 1 — браслет, 2 — серп, 3 — нож, 4 — фрагмент сосуда, 5 — нож, 6 — кинжал, 7 — копые, 8—12 — сосуды (по О. Н. Бадер и Т. Б. Поповой, 1987).

1 — Битюково, 2 — Васютино, 3, 12 — Фефелов бор, 4 — Добрынин остров, 5 — Аозино, 6 — Борисоглебский, 7 — Волосово, 9 — Логинов хутор.

1, 2 — бронза, 4, 8—12 — глина, 3, 5 — камень.

Рис. 10. Глиняная посуда и металлические предметы приказанской культуры (по А. Х. Халикову, 1980):

Атабаевский этап: 1 — налобный венчик, 2 — очковидная подвеска, 3 — нагрудная бляха, 5 — кельт, 6 — наконечник стрелы, 9 — сосуд.

Маклашевский этап: 4 — кельт, 7 — наконечник копья, 8 — кинжал, 10, 11 — сосуды.

1, 7 — могильник Маклашевский II; 2, 3 — могильник Ново-Мордовский V; 4 — Новый Бастай, 5 — найден в Казанской губернии, 6 — стоянка Луговская II, 8 — Грохань, 9 — стоянка Забойное I; 10 — могильник Маклашевское III; 11 — могильник Паянский II.

Рис. 11. Карта памятников с ниточно-рябчатой керамикой (эталонные комплексы для статистической обработки на ЭВМ): 1 — Курган, 2 — Казанская стоянка, 3 — Казанка I; 4 — Займище III; 5—4 Кокшайское поселение, 6 — Сосновая Грива, 7 — Ахмыловское поселение; 8 — Ардинское городище, 9 — Васильсурское городище, 10 — Богородское городище, 11 — I Сомовское городище, 12 — Шава II; 13 — Безводнинское поселение, 14 — IV Жуковское поселение, 15 — Якимановское селище; 16 — Кондраковское поселение, 17 — Пирово городище, 18 — I Великоозерская стоянка, 19 — Васильковское городище, 20 — Дикариха, 21 — Плещеево III, 22 — городище Грехов Ручей, 23 — селище Курган, 24 — городище у с. Городище, 25 — Минское городище, 26 — Пески, 27 — Ватажка, 28 — Станок, 29 — Борань, 30 — Векса I, 31 — Тюков городок, 32 — Жагора, 33 — Шишкинское городище, 34 — Изсады, 35 — Сяберская III, 36 — Усть-Томица II, 37 — Пичева III, 38 — Кудома XI, 39 — Сомбома I; 40 — Охтома I; 41 — Охтома II; 42 — Келка III.

Рис. 12. Сосуды с ниточно-рябчатыми отпечатками: 1, 7 — Мари-Луговская I; 2 — Дикариха; 3 — Полянский могильник; 5 — Станок II; 6 — Минское городище.

Рис. 13. Основные варианты орнаментов ниточно-рябчатой керамики из России.

Рис. 14. Граф сходства комплексов ниточно-рябчатой керамики по результатам вычисления критерия Стьюдента (3 линия — расчетные значения от 0,01 до 0,09; 2 линии — расчетные значения от 0,1 до 0,99; 1 — линия — расчетные значения от 1 до 1,97; отсутствие линий — расчетное значение больше 1,97).

А. Памятники эпохи бронзы:

ЧК — IV Кокшайское; ДК — Дикариха; БП — Безводнинское; СГ — Сосновая Грива; ЧЖ — IV Жуковское; КС — Казанская стоянка, ЗЩ — Займище III; АК — Ахмыловское; ПЛ — Плещеево III; ВС — Великоозерское; ИЗ — Изсады; СБ — Сяберская III; КТ — Келка III; ПТ — Пичева III; СО — Сомбома I, ОХ — Охтома I; ОТ — Охтома III; ЖГ — Жагора V; УТ — Усть-Томица.

Б. Памятники эпохи железа:

ПС — I Сомовское; СТ — Станок; СК — селище Курган; ВВ — Васильсурское; КО — Казанка I; БР — Борань; МН — Минское; ПЕ — Пески; АГ — Ардинское городище; ВК — Векса I; ГГ — Городище у с. Городище; КГ — Кондраковское; ПГ — Пирово; БГ — Богородское; ЯС — Якимановское селище; КН — Курган; ВГ — Васильковское; КД — Кудома IX; ТГ — Тюков городок; ШГ — Шишкинское городище; АК — Акуловское; ФП — Федоровское; ЧЗ — Черная заводь.

Рис. 15. Археологические культуры финно-угров России в начале эпохи раннего железа: 1 — ананьинская; 2 — ахмыловская, 3 — городецкая; 4 — дяковская; 5 — территория северо-западных памятников с ниточно-рябчатой керамикой.

Рис. 16. Ананьинские бронзовые кельты. Типологическая таблица.

Рис. 17. Бронзовые наконечники копий ананьинского населения. Типологическая таблица.

Рис. 18. Находки памятников ананьинской культуры (по А. В. Збрусой, 1952):

1 — бляшка с изображением медведя; 2 — подвеска; 3, 4 — бляхи; 5 — серьга; 6 — колокольчик; 7 — каменная плита; 8 — наконечник стрелы, 9—12 — кинжалы; 13 — бляшки с изображением лука и горита; 14 — голова лося или лошади; 15 — сосуд; 16 — секира.

1 — Чигирский район УССР; 2 — Ройское городище; 3 — Зуевский могильник; 4—6 — Уфимский могильник; 7—9, 11, 12, 15 — Ананьинский могильник; Котловский могильник; 13 — Буйское городище; 14 — Шигирский торфяник; 16 — Елабуга.

1 — золото, 2—6, 9, 11, 13, 16 — бронза, 12 — железо, 8, 14 — кость, 15 — глина.

Рис. 19. Коланьское городище. План памятника: а — раскопы 1964 г., в — шурфы 1950-х годов, с — раскоп 1964, d — раскоп 1971, е — обрыв. Горизонталы проведены через 5 м.

Рис. 20. Находки из поселений с ниточно-рябчатой керамикой в Поволжье и северных районах России:

1 — фрагмент украшения, 2 — бляха в виде фигурки птицы, 3 — фрагмент литейной формы, 4 — подвеска, 5 — антропоморфная фигурка, 6 — тесло, 7 — гривна, 8 — наконечник стрелы, 9 — литейная форма (по Н. Н. Гуриной), 10 — обломок льячки, (по Н. Н. Гуриной, 1963); 11 — кельт (по М. М. Косменко, 1982), 12 — пряслице.

1 — Ардинское городище, 2—8, 12 — Векса I; 9, 10 — Ватажка; 11 — Кудома XI.

1, 2, 4, 7, 11 — бронза, 3, 10, 12 — глина, 5, 6, 8, 9 — камень.

Рис. 21. Аозинско-меларские бронзовые кельты (типологическая таблица по материалам Старшего Ахмыловского могильника):

1 — погребение (п) 900, 2 — п 603, 3 — п 624, 4 — п 559, 5 — п 557, 6 — п 734, 7 — п 556, 8 — п 562, 9 — п 613, 10 — п 408, 11 — п 314, 12 — п 267 13 — п 667, 14 — п 930, 15 — п 931, 16 — п 549, 17 — квадрат (кв) Ч/13 раскопа 1969, 18 — кв М/33 раскопа 1963, 19 — п 401, 20 — п 555, 21 — п 810, 22 — находка 1969, 23 — л 421, 24 — л 106, 25 — п 775, 26 — п 650, 27 — п 939, 28 — л 761, 29 — п 786, 30 — п 534, 31 — кв Х/7 раскопа 1966 г., 32 — п 569, 33 — п 433, 34 — находка 1968 г., 35 — п 542, 26 — кв Ш/13 раскопа 2 1969 г., 37 — п 618, 38 — кв К/26 раскопа 1963 г., 39 — п 535, 40 — л 407, 41 — п 712.

Рис. 22. Крепление аозинско-меларских и ананьинских кельтов (рекояструкция автора по материалам Старшего Ахмыловского могильника): 1 — ананьинского типа, 2 — аозинско-меларского типа, 3 — кельт ананьинского типа с вкладышем топорнища (погребение 275, Старший Ахмыловский могильник); 4 — кельт аозинско-меларского типа (погребение 567) с остатками деревянного топорнища.

Рис. 23. Оружие ахмыловцев: 1—2 — железные наконечники копий, 3—6 — кремневые и костяные наконечники стрел, 7—12 — бронзовые наконечники стрел, 13—15 — железные наконечники стрел, 16—18 — биметаллические кинжалы, 19 — железный топор.

Рис. 24. Орудия труда и уздечные принадлежности из Старшего Ахмыловского могильника: 1 — кочедык, п 263, 2 — кочедык, кв В/03, 3 — кочедык, л 625, уздечные принадлежности: 4, 5 — п 524, 6 — п 609, 7 — п 273, 8 — кв У/8 раскопа 1966, 9, 10, 12, 19, 20 — п 383, 10 — п 248, 13, 27, 27а — п 110, 16 — п 900, 17, 18 — п 55; 14 — нож, п 383, 15 — оселок, п 383, 21 — иголка, п 729; 22—24 — шилья, п 428, 622, 523, 25, 28 — скрепки п 48, 497; 26 — нож п 603, 29 — тесло п 68, 30, 31 — пряслица п 760, 705; 32 — оселок п 276, 33 — терочник п 518.

1—12, 16—20 — бронза, 13, 14, 21—24, 26—27а — железо, 15, 25, 28—30, 32, 33 — камень, 31 — глина.

Рис. 25. Основные виды украшений ахмыловского населения: 1 а-г — височные спирали п 381, 314, 357; 2 — височные кольца п 446, 3 а, б) — шейные гривны п 419, 314, 5—8 — бляхи п 391, кв. Б/11, п 946, п 164, 9 а, б) — налобные венчики п 188, 840; 10 — булава п 1000.

1—10 — Старший Ахмыловский могильник.

1—10 — бронза.

Рис. 26. Украшения, бытовые предметы и глиняная посуда Старшего Ахмыловского могильника:

1 — налобный венчик п 800; 2 — бляшка в виде фигурки птицы кв Б/14, раскоп 1962 г., 3 — изображение животного, находка 1960 г., 4 — гребешок, кв И/12, раскоп 1965 г., 5 — бляшка с антропоморфным изображением п 249, 6 — булава п 683, 7 — зеркало с идолычком, п 194, 8 — гребень, п 194, 9 — бляшка, п 543, 10 — булава, п 1007, 11 — реконструкция пояса, п 900, 12 — крючок от колчана, кв Ц/9, раскоп 1969, 13—15 — сосуды, п 256, кв П/4, раскоп 1966, п. 185

1—7, 9, 10, 12 — бронза, 8 — кость, 11 — кожа, бронза, 13—15 — глина.

Рис. 27. Костюмы ахмыловского населения по материалам раскопок Старшего Ахмыловского могильника: 1 — женский костюм с наиболее типичным набором украшений, 2 — мужской костюм. Приблизительная реконструкция.

Рис. 28. Реконструкция женских костюмов по результатам погребений Старшего Ахмыловского могильника: 1 — п 114, 2 — п 150, 3 — п 932, 4 — п 209, 5 — п 837, 6 — п 991, 7 — п 479

Рис. 29. Сводный план погребений Старшего Ахмыловского могильника

Рис. 30. Старший Ахмыловский могильник: 1 — одиночное погребение 398, 2 — частичное погребение 200; 3 а, в) — коллективное погребение 55, 68, 4 — вещевое погребение 202; 5 а, в) — погребения с боковыми камерами 670, 704; 6 — парное погребение 272.

Рис. 31. Старший Ахмыловский могильник. Приблизительная реконструкция общего вида камеры-склепа погребения 396 (А — в процессе захоронения, Б — после захоронения) и дома мертвых № 13 с прилегающими к нему камерами-склепами.

Рис. 32. Старший Ахмыловский могильник. Вид с юга на раскоп 1974 года. На переднем плане дома мертвых № 11 (справа) и № 13 (слева).

Рис. 33. Вещевые комплексы дяковской (1—14), городищской (16—25) и позднекаргопольской (26, 27) культур. 1—3 — наконечники стрел, 4 — нашивная бляшка, 5—7 — кольцевые застёжки, 8 — гарпун, 9 — нож, 10—11 — грузики, 12 — удила, 13—15 — сосуды (штрихованный, гладкостенный, сетчатый), 16, 18 — наконечники стрел, 17 — пластина от кистей пояса, 19 — подвеска от головного убора, 20 — удила, 21 — браслет, 22 — спираль, 23 — проколка, 24 — гарпун, 25 — сосуд, 26 — псалый, завершающийся головкой птицы, 27 — сосуд. (1—12 по А. Ф. Дубнину, 1974, 13—15 по И. Г. Розенфельду, 1974, 16—25 по А. П. Смирнову и Н. В. Трубицкой, 1965, 26—27 по С. В. Ошибкиной, 1987).

1, 2, 8, 18, 23, 24, 26 — кость, 4—7, 17, 19, 21, 22 — бронза, 9, 12, 16, 20 — железо, 10, 11, 13—15, 25, 27 — глина.

Рис. 34. Находки, характеризующие хозяйство финно-угров: 1 — височная спираль, 2 — улитковидная подвеска, 3 — гребень, 4 — пряслице, 5, 6, 7 — наконечники стрел, 8 — шило с рукоятью, 9 — рыболовный крючок, 10 — мотыга, 11 — кочедык, 12 — игла, 13 — шило, 1, 4, 18 — терочники, 15 — нож, 16 — грузило, 17 — крючок, 20, 21 — верхняя и нижняя плиты каменной зернотерки, 19 — лопаточка для обработки кожи (1, 2, 14, 18, 8, 15 — Старший Ахмыловский могильник, 3—7, 9—13, 16, 17, 19, 20—21 — по А. В. Збруевой, 1952).

1 — золото, 2 — бронза, золотая фольга, 3, 5—7, 10, 11, 17, 19 — кость, 4, 14, 16, 18, 20, 21 — камень, 8, 15 — железо, 9, 12, 13 — бронза.

Рис. 35. Предметы, свидетельствующие о далеких культурных связях древних финно-угров России. Старший Ахмыловский могильник: 1—13 — наконечники стрел: 1 — п 359, 2, 11 — п 750, 3, 6, 8, 9, 13 — п 926, 4, 10 — п 578, 5 — п 949, 7 — п 856, 14 — бляха, п 272, 15 — навершие, п 161, 16 — бляха, п 688, 17 — наконечник лука, п 926, 18 — бляха, п 288, 19 — удила, п 136, 20 — наконечник копья, п 190, 21 — бляха, п 926, 22, 23 — детали налобного венчика, п 840, 24, 25 — кинжалы, п 36 и 226.

1—23 — бронза, 24 — бронза, железо, 25 — железо.

Рис. 36. Зооморфные изображения VII—V вв до н. э. из памятников финно-угров:

1 — кинжал, 2 — навершие в виде головы лошади, 3 — фигурка птицы, 4 — бляха, 5 — фигурка животного, 6 — наконечник ножен кинжала, 7, 8 — бляха, 9 — навершие, 10 — пластина головного венчика

1, 2 — Аозинский могильник п 98 и 83; 4 — I Мурзихинский могильник, 3, 5—10 — Старший Ахмыловский могильник, 3 — кв И/01 раскоп 2 1969 г., 5 — п 145, 6 — п 336, 7 — п 704, 8 — п 863, 9 — п 925, 10 — п 218.

1 — бронза, железо, 2—10 — бронза.

Рис. 37. Образцы орнамента на металлических предметах финно-угров VII—III вв. до н. э. 1—9, 11, 13 — Старший Ахмыловский могильник, 10, 12 — Аозинский могильник, 1 — п 294, 2 — кв Р/7, раскоп 1965 г., 3 — п. 421, 4 — п 83, 5 — п 449, 6 — п 245, 7 — п 700, 8 — п 908, 9 — п 281, 10 — п 101, 11 — п 1000, 12 — п 37, 13 — п 968.

1—13 — бронза.

Рис. 38. Реконструкция костюмов пьяноборского облика и характерные украшения финно-угров Приуралья (IV в до н. э. — II в. н. э.) (по В. Ф. Генингу, 1979) 1 — височные подвески, 6—7, 10 — ажурные вкладки, 8, 9 — шейные подвески, 11 — нагрудная бляха, 12 — пряжка, 13 — пронизки, 14 — подвеска, 15 —

застежка, 16 — браслет, 17 — подвеска, 18, 19 — реконструкция костюмов из погребенный 15 и 19, могильник Чеганда II.

1—17 — бронза.

Рис. 39. Реконструкция женских головных, шейных и нагрудных украшений азелинской культуры по материалам погребения 5 Суворовского могильника (по В. Ф. Генингу, 1963).

Рис. 40. Украшения мазунинской (1—2 по В. Ф. Генингу, 1967) и ломоватовской (3—22 по Р. Д. Голдиной, 1985) культур: 1 — височная подвеска со стеклянной бусиной, 2 — фибула, 3—6, 9, 10 — височные подвески, 7, 8 — кольца, 11, 12, 13, 14 — колесовидные подвески, 15, 16, 23—25 — шумящие подвески, 17 — подвеска, 18 — браслет, 19 — зооморфная пронизка, 20 — фигурка, 21 — личина, 22 — подвеска-коробочка.

1 — бронза, стекло, 2 — медь, 3—22 — бронза.

Рис. 41. Финно-угры Европейской России в эпоху раннего средневековья: 1 — ижора, 2 — ливы, 3 — воль, 4 — корела, 5 — весь, 6 — чудь заволочская, 7 — меря, 8 — мурома, 9 — мешера, 10 — маря, 11 — мордва, 12 — удмурты, 13 — коми-пермяки, 14 — коми-зыряне (по кн.: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Москва, 1987).

Рис. 42. Реконструкция (1) и характерный набор украшений средневековой мордвы (по Л. А. Голубевой, 1987): 2, 11 — височные спиральные подвески с «грузиком», 3 — пряжка, 5 — перстень, 6 — пластинчатая трапециевидная подвеска, 7, 8 — браслеты, 9 — бляха с крестовидной накладкой, 10 — пряжка, 12 — крестовидная привеска, 13 — серьга, 15 — бляха с подвесками, 14 — бляха.

1—15 — бронза.

Рис. 43. Реконструкция (1) и украшения древнемарийского костюма (2—5, 7, 8, 11, 13, 14 по Л. А. Голубевой, 1987, 1, 6, 9, 10, 12 по Г. А. Архипову, 1973). 2, 3 — пластинчатые браслеты, 4, 5 — перстни, 6 — украшения обуви, 7 — подвески с арочным щитком, 8 — подвеска, 9, 12 — серьги, 11, 13 — украшения обуви.

Рис. 44. Предметы из марийских могильников (по Л. А. Голубевой, 1987): 1—3 — наконечники стрел, 4 — рыболовный крючок, 5, 6 — гребни, 7 — нож, 8 — ножны, 9, 10 — огнива с бронзовыми рукоятками, 11 — льячка, 12 — копоушка, 13 — топор, 14, 15 — наконечники копий, 16, 17 — сосуды, 18 — котел.

1—4, 13—15, 18 — железо, 5, 6 — дерево, 9, 10 — бронза, 8 — дерево, серебро, бронза, 11 — камень, 12 — кость, 16, 17 — глина.

Рис. 45. Характерные женские украшения меря (по Л. А. Голубевой, 1987): 1 — подвеска, 2, 3 — височные кольца, 4 — треугольная подвеска, 5 — подвеска в виде птички, 6 — подвеска в виде фантастической птички-баранчика, 7, 8, 17—19 — треугольные подвески, 9 — шумящая подвеска, 10 — подвеска с шумящими привесками, 13, 20 — перстни с шумящими привесками, 14 — кольцо с шумящими подвесками, 11, 15 — подвески-коньки с шумящими привесками, 16 — треугольная подвеска «мерянского типа»; 12, 21 — подвески, 22 — пронизка, 23 — пирамидальный колокольчик, 24 — нагрудная бляха с дверцей.

1—24 — бронза.

Рис. 46. Предметы из мерянских памятников (по Л. А. Голубевой, 1987): 1 — гребень, 2, 3, 7—8 — наконечники стрел, 4, 5 — пряслица, 6 — рыболовный крючок, 9 — гребень, 10 — нож, 11 — серп, 12 — застежка, 13, 16 — пряжки, 14 — крючок, 15 — льячка, 17 — кричные клещи, 18 — кресало, 19 — топор-кельт, 20—22 — лепные сосуды.

1—3, 10, 17 — Сарское городище, остальное — городище Березняки. 1 — кость, 2, 3, 6—8, 10, 11, 14, 17, 19 — железо, 9 — дерево, 4, 5, 15, 20—22 — глина, 12, 13, 16 — бронза.

Рис. 47. Реконструкция костюмов (1—2) и украшения мурома (по Л. А. Голубевой, 1987): 3 — спинная подвеска в виде коромысла, 4 — ажурная бляха, 5 — перстневидная привеска, 6 — подвеска, 7 — височное кольцо со щитком, 8 — поясная бляха с шумящими привесками, 9, 10 — подвески с шумящими привесками.

3—10 — бронза.

Рис. 48. Предметы из муромских памятников (по Л. А. Голубевой, 1987): 1, 2 — огнива, 3—5 — лепные сосуды, 6 — украшение, 7 — пряжка, 8 — кресало, 9 — удила, 10 — наконечник стрелы, 11 — кресало, 12, 13 — кельты, 14 — наконечник копья.

1, 2, 6—14 — железо, 3—5 — глина.

Рис. 49. Характерные украшения мешеры из Жабкинского могильника (по Л. А. Голубевой, 1987): 1, 4 — подвески с шумящими привесками, 2 — фибула с шумящими привесками, 3 — браслет, 5 — пронизка с шумящими привесками, 6 — фибула

1—6 — бронза

Рис. 50. Предметы из намятинков коми-зырян (по Р. Л. Розенфельдт, 1987): 1—11 — украшения, 12—15 — наконечники стрел, 16 — льячка, 17 — рыболовный крючок, 18 — пряслице, 19 — ложкорез, 20 — амулет из клыка животного, 21 — нож, 22 — рукоятка шила, 23 — шило, 24 — молоток, 25 — удила, 26 — сошник, 27—29 — топоры, 30, 31 — сосуды.

1—11 — бронза, 12—15, 17, 19, 21, 24, 25—27, 29 — железо, 16, 18, 30, 31 — глина, 20, 22 — кость, 23 — кость, железо.

Рис. 51. Изделия родановской культуры (по Р. Л. Розенфельдт, 1987): 1 — двухконьковая шумящая подвеска, 2 — якоревидная шумящая подвеска, 3, 9 — привески-идолы, 4, 5 — височные подвески, 6, 7 — амулеты-обереги, 8 — гребень, 10—13 — наконечники стрел, 14—17 — костяные изделия, 18 — шило, 19, 27, 29 — топоры, 20 — удила, 21 — рыболовный крючок, 22 — накладка лука, 23, 34 — ножи, 25 — ложка, 26 — проушной топор «пермского» типа, 28 — ножницы, 30 — наральный, 31 — сосуд, 32 — оселок, 33 — льячка.

1—7, 9 — бронза, 8, 14—17, 18, 22, 25 — кость, 10—13, 19—21, 23—24, 26 — 30 — железо, 32, 33 — камень, 31 — глина.

Рис. 52. Изделия поломской культуры (по Р. Л. Розенфельдт, 1987): 1, 9 — шумящие подвески, 2—5 — височные подвески, 6, 7, 8, 11, 13 — подвески в виде фигурок животных и птиц, 10 — гребень, 12, 18 — подвески, 14 — ложкарь, 15 — топор, 16 — браслет, 17 — бляха, 19 — мотыжка, 20, 21 — удила, 22 — котел, 23 — бляха, 24 — ножны, 25 — кинжал, 26 — дротик, 27 — кольцо, 28 — палаш, 29 — пронизь-подвеска.

1—9, 13, 16—18, 22—24, 29 — бронза, 10 — кость, 14, 15, 19—21, 25—28 — железо.

Рис. 53. Древности чепецкой культуры (по Р. Л. Розенфельдт, 1987): 1—5 — подвески, 6 — пряжка, 7 — гребень, 8 — бляшка, 9 — кресало, 10 — подвеска-уточка, 11—13 — наконечники стрел, 14, 15 — копоушки, 16 — нож, 17 — серп, 18 — ложкарь, 19 — крючок, 20 — удила, 21, 22 — стремена, 23 — пряслице, 24 — шило, 25 — колокольчик, 26, 27 — сосуды, 28 — наконечник дротика, 29 — наконечник копья, 30 — мотыжка, 31 — наральный, 32 — топор, 33 — кричные клещи.

1—5, 10 — бронза, 6, 9, 11—13, 16—22, 25, 28—33 — железо, 7 — дерево, 14, 15 — кость, 23, 26, 27 — глина, 24 — кость, железо.

КРАТКИЙ СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айплатов Г. Н. 1967. Навеки с тобой Россия. Йошкар-Ола.
- Акимова М. С. 1962. Палеоантропологические материалы из погребений эпохи бронзы и раннего железа на территории Среднего Поволжья//Тр. МАЭ. Т. II. Йошкар-Ола.
- Акцорин В. А. 1981. Волжско-финские и прибалтийские эпические традиции и проблемы происхождения марийцев//Congressus Quintus internationalis Fenno-Ugristarum, III. Turku.
- Алексеев В. П. 1964. Антропологические материалы к этногенезу марийского народа//Тр. МарНИИ. Вып. 19. Йошкар-Ола.
- Алексеев В. П. 1969. Происхождение народов Восточной Европы. М.
- Алексеева Т. И. 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.
- Алихова А. Е. 1949. Мордва и мурома//КСИИМК. Вып. XXX.
- Алихова А. Е. 1954. Муранский могильник и селище//МИА. № 42.
- Алихова А. Е. 1959. Из истории мордвы конца I — начала II тыс. н. э.//Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск.
- Аристе П. А. 1956. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития//Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
- Архипов Г. А. 1962. Ананьинские городища на Вятке//Тр. МАЭ. Т. II. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А. 1963. Городища I пол. I тыс. н. э. в Марийской АССР//Тр. МАЭ. Т. II. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А. 1973. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А. 1976. К вопросу о городецко-азелинских контактах в связи с проблемой происхождения марийцев//АЭМК. Вып. I. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., Патрушев В. С. 1976. Археологические исследования в Марийской АССР в 1969—1975 гг.//АЭМК. Вып. I. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., Патрушев В. С. 1982. Ардинское городище//АЭМК. Вып. 6. Йошкар-Ола.
- Атлас народов мира. 1964. М.
- Бадер О. Н. 1947. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей//МИА. № 7.
- Бадер О. Н. 1950 а. Древние городища на Верхней Волге//МИА. № 13.
- Бадер О. Н. 1950 б. К вопросу о балановской культуре//СЭ. № 1.
- Бадер О. Н. 1951. Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья//СЭ № 2.
- Бадер О. Н. 1953. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции//Ученые записки Пермского университета. Пермь.
- Бадер О. Н. 1961 а. Городища Ветлуги и Унжи//МИА № 22
- Бадер О. Н. 1961 б. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье//МИА. № 99.
- Бадер О. Н. 1970. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.
- Бадер О. Н. 1972. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой//Проблемы археологии и древней истории ургов. М.
- Бадер О. Н., Обориц В. А. 1958. На заре истории Прикамья Пермь.

Бадер О. Н., Попова Т. Б. 1987. Поздняковская культура//Эпоха бронзы Лесной полосы СССР. М.

Бадер О. Н., Халиков А. Х. 1976. Памятники балановской культуры//САИ Вып. В1—25.

Бадер О. Н., Халиков А. Х. 1987. Балановская культура//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Балашов В. А., Мартынов В. Н. 1955. Мордва//Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М.

Барсов М. П. 1885. Очерки русской исторической географии. Варшава.

Бобринский А. А. 1978. Гончарство Восточной Европы. М.

Бранденбург Н. Е. 1895. Курганы Южного Приладожья//МАР. № 18.

Брюсов А. Я. 1950. «Сетчатая керамика»//СА. № XIV.

Брюсов А. Я. 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.

Брюсов А. Я. 1968. Проблемы происхождения культур каменного века в северной части Европейской части СССР//СА. № 4.

Бубрих Д. В. 1947. Происхождение карельского народа. Петрозаводск.

Буров Г. М. 1965. Вычегодский край. Очерки древней истории. М.

Буров Г. М. 1980. Неолитические стоянки Ульяновского Поволжья. Ульяновск.

Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. 1964. Этнография народов Среднего Поволжья. Учебное пособие. Ч. I. Казань.

Васильев Ю. С. 1971. Об историко-географическом понятии «Заволочье»//Проблемы истории феодальной России. Л.

Васке А. В. 1983. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии как исторический источник: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л.

Вечетомов А. Д. 1967. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья//Учен. зап. ПГУ. № 148.

Вихляев В. И. 1979. О генезисе культуры южномордовских племен//Археологические памятники мордвы I тыс. н. э. Саранск.

Вишневская О. А. 1973. Культура сакских племен низовья Сырдарьи в VII—VI вв. до н. э. М.

Воронина Р. Ф. 1973. Женский головной убор среднепеченской мордвы//КСИА. Вып. 136.

Габяшев Р. С. 1978. Хронология неолита Нижнего Прикамья. М.

Гаврилов Н. 1991. Мы, финно-угры.../Марийская правда. 17 июля. № 139.

Гаврилова И. В. 1968. Древнейшее прошлое Костромского Поволжья (по данным археологии): Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. Л.

Гадзьяцкая О. С. 1976. Памятники фатьяновской культуры. Иваново-Горьковская группа//САИ. Вып. В1—21.

Галкин И. С. 1957. Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа//Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Генинг В. Ф. 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.

Генинг В. Ф. 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа//Тр. Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарные науки. Вып. 2. Казань.

Генинг В. Ф. 1961. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н. э.//Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Генинг В. Ф. 1962 а. Мыдлань-шай — удмуртский могильник VIII—IX вв.//ВАУ Вып. 3. Свердловск.

Генинг В. Ф. 1962 б. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры//ВАУ Вып. 4. Свердловск.

Генинг В. Ф. 1963. Азелинская культура III—V вв.//ВАУ. Вып. 5. Ижевск-Свердловск.

Генинг В. Ф. 1967 а. Мазунинская культура в Среднем Прикамье//ВАУ. Вып. 7. Ижевск-Свердловск.

Генинг В. Ф. 1967 б. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности)//Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола

Генинг В. Ф. 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяно-

борскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура III в до н.э.—II в н.э.//ВАУ. Вып. 10. Свердловск.

Герасимов А. А. 1931. К вопросу о национальности летописной «муро-мь»//Известия Нижневолжского института краснелинн им М. Горького Т. IV. Саратов.

Герасимов М. М. 1955. Восстановление лица по черепу М.

Герасимова Л. В. 1982. Бусы перми вычегодской//Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Пермь.

Герберштейн. 1886. Записки о Московии. СПб.

Голдина Р. Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.

Голубева Л. А. 1970. К проблеме этногенеза веси//Древние славяне и их соседи. М.

Голубева Л. А. 1973. Веси и славяне на Белом озере X—XIII вв. М.

Голубева Л. А. 1976. Коньки-подвески междуречья Волги и Оки//СА. № 2.

Голубева Л. А. 1979. Зооморфные украшения финно-угров//САИ. Вып. E1—59.

Голубева Л. А. 1982. К истории треугольной подвески//Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.

Голубева Л. А. 1987 а. Веси//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Голубева Л. А. 1987 б. Марийцы//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Голубева Л. А. 1987 в. Меря//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Голубева Л. А. 1987 г. Мещера//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Голубева Л. А. 1987 д. Мордва//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Голубева Л. А. 1987 е. Муром//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Голубева Л. А. 1987 ж. Чудь заволочская//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Гольмстен В. В. 1940. Наземные погребения Среднего Поволжья//КСИИМК. Вып. V.

Гордеев Ф. И. 1967. Балтийские и иранские заимствования в марийском языке//Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1985. Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола.

Городцов В. А. 1900. Отчет об археологических исследованиях в долине реки Оки в 1897 г.//Древности. Т. XVII. М.

Городцов В. А. 1910. Бытовая археология. М.

Городцов В. А. 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году//Древности. Т. XXIV. М.

Городцов В. А. 1915. Культура бронзовой эпохи в Средней России//Отчет Российского исторического музея за 1914 год. М.

Городцов В. А. 1926. Панфиловская палеометаллическая стоянка//Тр. Владимирского государственного областного музея. Владимир.

Городцов В. А. 1933. Старшее Каширское городище//Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 85. М.

Горюнова Е. И. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья//МИА. № 94.

Горюнова Е. И. 1967. Меря и мари//Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Готье Ю. В. 1930. Железный век Восточной Европы. М., Л.

Граудонис Я. 1967. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железного века.//Начало разложения первобытнообщинного строя. Рига.

Грибова Л. С. 1975. Пермский звериный стиль. М.

Гуляев В. И. 1962. К вопросу о связях городецких племен с югом в VII—VI вв. до н.э.//Историко-археологический сборник. М.

Гумилев Л. Н. 1989. Этногенез и биосфера Л.

Гурина Н. Н. 1961. Древняя история северо-запада Европейской части СССР//МИА. № 87.

Гурина Н. Н. 1963. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции)//МИА. № 110.

Денисов В. П. 1967. Культурные эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры//Учен. зап. ПГУ. № 148. Пермь.

Денисов В. П. 1968. Заурчмское VI поселение — памятник раннего железа в Среднем Прикамье//Учен. зап. ПГУ. № 191. Пермь.

Делисова Р. Я. 1973. Генезис и дальнейшие судьбы неолитического населения Восточной Прибалтики//Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Чикаго. М.

Дубынин А. Ф. 1949. Малышевский могильник (к истории нижней Оки I тыс. н. э.)//КСИИМК. Вып. XXV.

Дубынин А. Ф. 1974. Щербинское городище//Дьяковская культура. М. Елисеев А. В. 1881. К археологии и антропологии Ильменского бассейна//ЖМНП. № 5.

Ефименко П. П. 1926. Рязанские могильники//Материалы по этнографии России. III. Вып. I. М.

Ешевский С. В. 1870. Русская колонизация северо-восточного края//Соч. Ч. III. М.

Жиганов М. Ф. 1976. Память веков. Саранск.

Заднепровская А. Ю. 1985. Марийские украшения (2 пол. XIX в.—I четв. XX в.) Каталог. Л.

Збруева А. В. 1947. Луговой могильник//Тр. ИЭ. Новая серия. Вып. I. М.; Л.

Збруева А. В. 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху//МИА. № 30.

Зеленин Д. К. 1929. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности?//Сб. ЛОИКФУН. Вып. I. Л.

Золотарева А. М. 1939. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск.

Золотарева И. М. 1979. Характеристика трех групп населения Марийской АССР по описательным расово-диагностическим признакам//Новые исследования по антропологии марийцев (по материалам советско-финляндской экспедиции в Марийскую АССР). М.

Золотарева И. М. 1980. Этническая антропология//Советское финно-угроведение. 1975—1980. М.

Зубов А. А., Халдеева Н. И. 1979. Одонтологические исследования луговых и горных мари//Новые исследования по антропологии марийцев (по материалам советско-финляндской экспедиции в Марийскую АССР). М.

Зубов А. А., Халдеева Н. И. 1990. Одонтологическая характеристика населения ахмыловской культуры. Старший Ахмыловский могильник VII—VI вв. до н. э.//Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. Межвузовский сборник. Йошкар-Ола.

Иванов В. А. 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.

Иванова М. Г. 1979. Памятники чепецкой культуры (материалы к археологической карте)//Северная Удмуртия в начале II тыс. н. э. Ижевск.

Иславин В. 1847. Самоеды в домашнем и общественном быту. Слб.

Истомина Т. В. 1983. Погребальный обряд перми вычегодской: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. 07.00.06. Л.

Ишмуратова Г. Р. 1975. Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии//СА. № 1.

Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. 1954. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг.//МИА. № 42.

Каньец В. И. 1974. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М. Карслы Карельской АССР. 1983. Петрозаводск.

Каяноя П. 1979. О морфологии, чувствительности к тексту РТС и некоторых других генетических особенностях марийцев (черемисов)//Новые исследования по антропологии марийцев (по материалам советско-финляндской экспедиции в Марийскую АССР). М.

Кельсиев А. И. 1879. Отчет о раскопках, произведенных в Ярославской и Тверской губерниях//ИОЛЕАЭ. т. XXXI.

Кеппан П. 1861. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб.

Ключевский В. О. 1987. Курс русской истории. Ч. I. Соч. в 9 т. М.

Козлова К. И. 1964. Этнография народов Поволжья. М.

Козлова К. И. 1978. Очерки этнической истории марийского народа. М.

Корепанов К. И. 1980. Звериный стиль в искусстве племен Среднего Поволжья и Прикамья в VII—III вв. до н. э.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. М.

Корсаков Д. А. 1872. Мера и Ростовское княжество. Казань.

Косвен М. О. 1964. Патронимия и ее роль в истории общества. М.

Косменко М. Г. 1982. Комплексы эпохи железа и раннего средневековья на многослойном поселении Муромское VII//Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск.

Косменко М. Г. 1988. Поселения периода бронзы и железного века в Карелии//Поселения древней Карелии. Петрозаводск.

Кочуркина С. И. 1989. Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья X—XIII вв. Петрозаводск.

Крайнов Д. А. 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. М.

Крайнов Д. А. 1987 а. Волосовская культура//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Крайнов Д. А. 1987 б. Фатьяновская культура//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С. 1987. Фатьяновская культура//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Краснов Ю. А. 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы//МИА. № 174.

Краснов Ю. А. 1980 а. Безводнинский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.

Краснов Ю. А. 1980 б. О дате Березняковского городища//КСИА. Вып. 162.

Кривцова-Гракова О. А. 1965. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы//МИА. № 46.

Крюкова Т. А. 1956. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола.

Крюкова Т. А. 1968. Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск.

Крюкова Т. А. 1973. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск-Ленинград.

Куза Л. В. 1975. Новгородская земля//Древнерусские княжества X—XIII вв. М.

Кузнецов С. К. 1910. Русская историческая география. М.

Кузьминых С. В. 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.

Куусинен О. В. 1950. «Калевала» — эпос карело-финского народа//Тр. юбилейной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск.

Лашук Л. П. 1961. Происхождение народности коми. М.

Лебедев Г. С. 1977. Археологические памятники Ленинградской области. Л.

Леонтьев А. Е. 1991. Археология мери (к предистории Северо-Восточной Руси). Автореферат... докт. дисс.: 07.00.06. М.

Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. 1980. Этапы и формы ассимиляции летописной мери//СА. № 2.

Леонтьев А. Е. 1975. Сарское городище в истории Ростовской земли: Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. М.

Лухтан А. 1982. Кельты меларского типа в Литве//Древности Белоруссии и Литвы. Минск.

Лыткин В. И. 1973. Из истории словарного запаса пермских языков//Вопросы языкознания. № 5.

Дугас В. А. 1970. Период раннего металла в Эстонии (с сер. II тыс. до н.э. до нач. н.э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Таллинн.

Мальм И. М. 1963. Изделия ювелирно-литейного производства//Ярославское Поволжье X—XI вв. М.

Маянхин И. М. 1989. Позднекарагопольская культура: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.

Марк К. Ю. 1960. Этническая антропология мордвы//Вопросы этнической истории мордовского народа. М.

Марков А. К. 1910. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.

Марр Н. Я. 1925. Приволжские и соседние с ними народности в этническом освещении из племенных названий//Известия Академии Наук СССР. № 16—17. М.

Мартынов В. Н. 1975. Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII—XI вв.//Материалы по археологии Мордовии. Саранск.

Мартынов В. Н. 1979. Федоровское городище//Археологические памятники мордвы I тыс. н.э. Саранск.

Маслова Г. С. 1951. Орнамент верхневолжских карел//Труды Института этнографии. Новая серия. Том II. М.

Маслова Г. С. 1978. Орнамент русской вышивки как историко-этнографический источник. М.

Матюшин Г. Н. 1976. Мезолит Урала. М.

Майнандер К. Ф. 1979. Бярмы//Финно-угры и славяне: Доклады I советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 15—17 нояб. 1976 г. Л.

Майнандер К. Ф. 1982. Финны — часть населения северо-востока Европы//Финно-угорский сборник. Антропология. Археология. Этнография. М.

Мелькова А. И. 1964. Вооружение скифов//САИ. Вып. Д1—4.

Мерперт Н. Я. 1958. Из древнейшей истории Среднего Поволжья//МИА. № 61.

Миронов В. Г. 1976. Памятники городищной культуры и проблема ее локальных вариантов: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.

Монгайт А. Л. 1961. Рязанская земля. М.

Моора Х. А. 1956 а. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии//Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн.

Моора Х. А. 1956 б. Об историко-этнографических областях Эстонии//Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн.

Моора Х. А., Моора А. Х. 1965. Из этнической истории води и ижоры//Slaavi-Läänemeresomme suhete ajaloost. Tallinn.

Наговицын Л. А. 1987. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Назаренко В. А. 1970. Классификация погребальных памятников Южного Приладожья//Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.

Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. 1984. Средневековые памятники чуди заволочской//СА. № 4.

Народы мира. Историко-этнографический справочник 1988./Под ред. Ю. В. Бромлея. М.

Никитин В. В. 1976. Некоторые особенности матеральной культуры воловских памятников Марийского Поволжья//Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.

Никитин В. В. 1978. Волосовские племена на Средней Волге//Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола.

Никитин В. В. 1985. Накольчатая керамика на севере Средней Волги//Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Никитин В. В. 1991. Медно-каменный век марийского края (сер. III—нач. II тыс. до н.э.) Йошкар-Ола.

Никольская Т. Н. 1949. Хронологическая классификация верхневолжских курганов//КСИИМК. Вып. XXX.

Оборин В. А. 1953. Баяновский могильник на р. Косьюс//Учен. зап. ПГУ Т. IX. Вып. 3. Харьков

Оборин В. А. 1956. Памятники родановской культуры у с. Таборы: (Из работ Камской археологической экспедиции)//КСИИМК. Вып. 65

Оборин В. А. 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья//ВАУ. Вып. 9. Свердловск.

Оборин В. А. 1976. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь.

Оборин В. А., Чагин Г. Н. 1988. Искусство Прикамья. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь.

Основы финно-угорского языкознания: вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. 1974. М.

Ош и бкина С. В. 1975. Краткая характеристика позднекаргопольской культуры//КСИА. Вып. 142.

Ош и бкина С. В. 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.

Ош и бкина С. В. 1987. Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Панкрушев Г. А. 1980. Происхождение карел (по археологическим данным)//Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск.

Патрушев В. С. 1971. Марийско-Чувашское Поволжье в эпоху раннего железа VIII—VI вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л.

Патрушев В. С. 1975. Акозинско-меларские кельты Марийского Поволжья//СА. № 3.

Патрушев В. С. 1976. Памятники поздняяковской культуры в марийском крае//Тезисы докладов на научной сессии по итогам работ за 1971—1975 гг. Йошкар-Ола.

Патрушев В. С. 1977. Ананьинские зооморфные изображения марийского края//АЭМК. Вып. 2. Йошкар-Ола.

Патрушев В. С. 1978. Сельское хозяйство в марийском крае в эпоху раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.)//Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Йошкар-Ола.

Патрушев В. С. 1980. Экспедиция Марийского университета//АО. 1979. М.

Патрушев В. С. 1982 а. Жилища эпохи поздней бронзы в Марийском крае//Поселения и жилища марийского края. Йошкар-Ола.

Патрушев В. С. 1982 б. Исследования Акозинского могильника в 1971—1972 гг.//Вопросы этнической истории в первобытную эпоху. Межвузовский сборник. Йошкар-Ола.

Патрушев В. С. 1982 в. Исходные данные для статистической обработки материалов могильников Волго-Камья VIII—VI вв. до н. э.//Вопросы этнической истории в первобытную эпоху. Межвузовский сборник. Йошкар-Ола.

Патрушев В. С. 1982. Налобные венчики Старшего Ахчыловского могильника//СА. № 2.

Патрушев В. С. 1984. Марийский край в VII—VI вв. до н. э. Йошкар-Ола.

Патрушев В. С. 1985. Шейные гривны из Волго-Камья//СА. № 2.

Патрушев В. С. 1986 а. Из истории финно-угров Поволжья и Приуралья (X—VI вв. до н. э.)//Приуралье в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов. Устинов.

Патрушев В. С. 1986 б. Истоки марийского и мерянского костюмов (в связи с вопросом о происхождении поволжских финно-угров)//Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984—1985 гг. Йошкар-Ола.

Патрушев В. С. 1986 в. Начало эпохи раннего железа в Марийском крае. Учебное пособие. Йошкар-Ола.

Патрушев В. С. 1987. К вопросу об этнической принадлежности Старшего Ахчыловского могильника//Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. Межвузовский сборник Йошкар-Ола.

Патрушев В. С. 1989 а. Лесное Поволжье на рубеже эпохи бронзы и раннего железа (X—VI вв. до н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. Л.

Патрушев В. С. 1989 б. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола.

Патрушев В. С. 1990. Новые исследования Пустоморващинского могильника//Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола.

Патрушев В. С. 1992. Финноязычные народы в XII—VI вв. до н. э.//Док-

лады Международного конгресса по истории Северной Финляндии в г. Оулу в 1991 году. Оулу

Патрушев В. С., Розанова Л. С. 1986. Технология изготовления железных вещей из Старшего Ахмыловского могильника//СА. № 1.

Патрушев В. С., Халиков А. Х. 1982. Волжские ананьинцы. М.

Пашуто В. Т. 1965. Особенности структуры Древнерусского государства// Древнерусское государство и его международное значение. М.

ПВЛ. 1950. Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л.

Покровский М. Н. 1933. Русская история с древнейших времен. Т. 1. М.

Петренко А. Г. 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М.

Пименов В. В. 1965. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. Л.

Платонов С. Ф. 1917. Лекции по русской истории. Изд. 10-е. Пг.

Полесских М. Р. 1965. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши//Этногенез мордовского народа. Саранск.

Полесских М. Р. 1970. Некоторые памятники мордвы-мокши конца I—начала II тыс. н. э.//Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Саранск.

Попов А. И. 1973. Названия народов СССР. Л.

Попов А. И. 1974. Топонимика древних мерянских и муромских областей// Географическая среда и географические названия. Л.

Попова Т. Б. 1970. Племена поздняяковской культуры//Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Тр. ГИМ. Вып. 44. М.

Прокошев Н. А. 1949. Узловые проблемы ананьинской эпохи в Прикамье (VIII—II вв. до н. э.)//Зап. Удмуртского НИИ. Вып. II. Ижевск.

Пряхин А. Д. 1976. Поселения абашевской общины. Воронеж.

Пряхин А. Д. 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.

Пряхин А. Д., Халиков А. Х. 1987. Абашевская культура//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Пшеничнюк А. Х. 1964. К вопросу о керамике кара-абызских поселений// Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа.

Рихтер Е. 1959. К вопросу об этнической истории сету//Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки. 4. Таллин.

Розенфельдт И. Г. 1974. Керамика дьяковской культуры//Дьяковская культура. М.

Розенфельдт Р. Л. 1987 а. Ванвиздинская культура//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Розенфельдт Р. Л. 1987 б. Коми-зырянские племена IX—XI вв. Вымская культура//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Розенфельдт Р. Л. 1987 в. Коми-пермяцкие племена в IX—XI вв. Родановская культура//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Розенфельдт Р. Л. 1987 г. Поломская культура//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Розенфельдт Р. Л. 1987 д. Удмуртские племена в IX—XV вв. Чепецкая культура//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Рыков П. С. 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим данным. Саратов.

Рябинин Е. А. 1979. Чудские племена Древней Руси по археологическим данным//Финно-угры и славяне. Л.

Рябинин Е. А. 1984. Финно-угры Костромского Поволжья//Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.

Рябинин Е. А. 1991. Финно-угорские племена в составе древней Руси (к истории славяно-финских этнокультурных связей). Историко-археологическое исследование: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. Л.

Рябинин Е. А. 1990. Проблема финно-угорского субстрата в древнерусской (русской) народности (обзор историографии XIX—20—30-х гг. XX вв.)//Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л.

Савельева Э. А. 1971. Пермь вычегодская. К вопросу о происхождении коми. М.

Савельева Э. А. 1984. Археология Коми АССР. Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар.

Сакса А. И. 1981. Древности Карельского перешейка (по материалам Карельских могильников)//КСИА. Вып. 166.

Самарянов В. А. 1876. Следы поселений мери, чуди, черемисы, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии//Древности Тр. МАО. Т. VI. Вып. I. М.

Седов В. В. 1952. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода//КСИЭ. Вып. XV.

Седов В. В. 1953. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.)//СА. Т. XVIII.

Седов В. В. 1966 а. Рязнско-окские могильники//СА. № 4.

Седов В. В. 1966 б. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах//Культура древней Руси. М.

Седов В. В. 1967. Племена культуры рязанско-окских могильников//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Седов В. В. 1971. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья//Древнее поселение в Подмоскowie. М.

Седов В. В. 1972. Браслетообразные височные кольца восточных славян//Новое в археологии. М.

Седов В. В. 1977. К палеоантропологии восточных славян//Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. Л.

Седов В. В. 1979. Этнический состав населения Новгородской земли//Финно-угры и славяне. Л.

Седов В. В. 1982. Восточные славяне в VI—XIII вв.//Археология СССР. М.

Седов В. В. 1984. Водь//Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.

Седов В. В. 1987 а. Водь//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Седов В. В. 1987 б. Корела//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Седов В. В. 1987 в. Ижора//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Седов В. В. 1987 г. Ливы//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Седов В. В. 1987 д. Прибалтийские финны//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Седов В. В. 1987 е. Эсты//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Седов В. В. 1990. Балты и финно-угры в древности (по археологическим материалам)//Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы третьей балто-славянской конференции 18—22 июня 1990 г. Ч. I. М.

Семенов В. А. 1976. Новые памятники VI—XVIII вв. в среднем течении р. Чепцы//Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск.

Семенов В. А. 1982. Маловенижское городище Пор-Кар//Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.

Семенов С. А. 1955. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды//КСИИМК. Вып. 57.

Сепесев Г. А. 1975. Восточные марийцы. Йошкар-Ола.

Смирнов А. П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья//МИА. № 28.

Смирнов А. П. 1961. Железный век Чувашского Поволжья//МИА. № 95.

Смирнов А. П. 1965. Этногенез мордовского народа по данным археологии I—XV вв. н. э.//Этногенез мордовского народа. Саранск.

Смирнов А. П., Трубникова Н. В. 1965. Городецкая культура//САИ. Вып. Д1—14.

Смирнов И. Н. 1889. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань.

Смирнов И. Н. 1895. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань.

Смирнов К. А. 1959. Дьяковская культура: Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. М.

Смирнов К. А. 1971. К вопросу о систематизации грузинков дьякова типа с Троицкого городища//МИА. № 184.

Смирнов К. А. 1974. Дьяковская культура//Дьяковская культура. М.

Смирнов К. Ф. 1961. Вооружение савроматов//МИА. № 101.

Соболевский А. И. 1893. К вопросу о финском влиянии на великорусское племя//Живая старина. Вып. I. СПб.

- Соловьев С. М. 1911. История России с древнейших времен. Т. III. СПб.
- Соловьева Г. И. 1982. Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола.
- Соловьева Г. И. 1989. Марийская народная резьба по дереву. Йошкар-Ола.
- Спицын А. А. 1901 а. Гляденовское костище//Записки Русского археологического общества. Т. XIII. Вып. 1—2. М.
- Спицын А. А. 1901 б. Древности бассейнов рек Оки и Камы//Материалы по археологии России. № 25. М.
- Спицын А. А. 1903. Горodiща дьякова типа//Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. V. Вып. 1. М.
- Спицын А. А. 1905. Владимирские курганы//ИАК. Вып. 15.
- Спицын А. А. 1924. Древности Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенск.
- СССР в цифрах в 1989 году. 1990. Краткий статистический обзор. М.
- Старостин П. Н. 1967. Жилища поселения Курган//Учен. зап. ПГУ. № 1148. Пермь.
- Стасов В. 1894. Русский народный орнамент//Собрание сочинений. Т. I. М.
- Степанов Л. Д. 1984. Андреевский курган//Тр. Мордовского НИИ. Вып. 27. Саранск.
- Стеланов П. Д. 1959. Археологические памятники на территории Мордовии. Саранск.
- Стубаве А. Я. 1977. Некоторые аспекты этногенеза ливов и баятов//Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов. Рига.
- Талицкий М. В. 1940. К этногенезу коми//КСИИМК. Вып. 1.
- Талицкий М. В. 1941. К этногенезу народа коми//КСИИМК. Вып. IX.
- Тереножкин А. И. 1976. Киммерийцы. Киев.
- Техов В. В. 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М.
- Ткаченко О. Б. 1985. Мерянский язык. Киев.
- Третьяков В. П. 1975. Соотношение поздняяковских памятников и культуры сетчатой керамики//КСИА. Вып. 142.
- Третьяков П. Н. 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э.//МИА. № 5.
- Третьяков П. Н. 1948. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары.
- Третьяков П. Н. 1957. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тыс. н. э.//СА. № 2.
- Третьяков П. Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.
- Третьяков П. Н. 1970. У истоков древнерусской народности. Л.
- Трофимова Т. А. 1941. Антропологический тип населения аناьинской культуры в Приуралье//КСИИМК. Вып. IX.
- Трофимова Т. А. 1946. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии//СЭ. № 1.
- Трубникова Н. В. 1953. Племена городецкой культуры//Тр. ГИМ. Вып. XXII. М.
- Трубникова Н. В. 1959. К вопросу о происхождении городецкой культуры//КСИИМК. Вып. 85.
- Тухтина Н. В. 1971. Этническая принадлежность погребенных в курганах юго-восточного Приладожья//История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
- Устрялов Н. Г. 1882. Сказания князя Курбского. Ч. I. СПб.
- Ушаков А. Я. 1890. Раскопки в Мышкинском уезде. 1887.//Тр. VII АС. Т. I. М.
- Фарафонова Т. С. 1992. К вопросу о социальной организации населения Среднего Поволжья в VII—VI вв. до н. э.//Доклады Международного конгресса по истории Северной Финляндии в г. Оулу в 1991 году. Оулу.
- Фасмер Р. Р. 1929. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики//Сообщения государственной Академии истории материальной культуры. Т. II. Л.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1965. О датировке типов вещей по погребальным комплексам//СА. № 3.

Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. 1987. Этнокультурная характеристика Тимиревского могильника по материалам погребального обряда//СА. № 2.

Фоломеев В. А. 1975. Тюков городок//СА. № 1

Форсиус Х., Золотарева И. М., Каяноя П., Ниёминен Х. 1979. Офтальмо-антропологические исследования в Марийской АССР//Новые исследования по антропологии марийцев (по материалам советско-финляндской экспедиции в Марийскую АССР). М.

Фосс М. Е. 1952. Древнейшая история Севера европейской части СССР//МИА. № 29.

Халиков А. Х. 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы//Тр. МАЭ. Т. 1. Йошкар-Ола.

Халиков А. Х. 1962. Очерки истории населения марийского края в эпоху железа//Тр. МАЭ. Т. II. Йошкар-Ола.

Халиков А. Х. 1967. У истоков финно-угорского родства//Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Халиков А. Х. 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.

Халиков А. Х. 1976. Об этнических основах марийского народа//Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. Йошкар-Ола.

Халиков А. Х. 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII—VI вв. до н. э. М.

Халиков А. Х. 1980. Приказанская культура//САИ. Вып. VI—24.

Халиков А. Х. 1987 а. Приказанская культура//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Халиков А. Х. 1987 б. Чирковская культура//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Халиков А. Х. 1991. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Ч. 1. Происхождение финноязычных народов. Учебное пособие. Казань.

Халиков А. Х., Архипов Г. А. 1967. Марийская археологическая экспедиция (1950—1955)//История, археология, этнография мари. Йошкар-Ола.

Хомутова Л. С. 1978. Металлообработка на поселениях дьяковской культуры//СА. № 2.

Цветкова И. К. 1969. Погребения поздняяковской культуры на Черной горе//Древности восточной Европы. М.

Чебоксаров Н. Н. 1946. Этногенез коми по данным антропологии//СЭ. № 2.

Чернецов В. Н. 1951. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы//Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК, подготовленные к совещанию по методике этнических исследований. М.

Черных Е. Н. 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья//МИА. № 172.

Черных С. Я. 1980. Марийские антропонимы, связанные с этнонимами (этноантропонимы)//Вопросы марийской ономастики. Вып. 2. Йошкар-Ола.

Черных Е. Н., Кузьминных С. В. 1987. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Черная И. Л. 1981. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища)//СА. № 4.

Членова Н. Л. 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.

Шаскольский И. П. 1979. Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки//Финно-угры и славяне. Л.

Шикаева Т. Б. 1981. Погребальный обряд марийцев XVI—XVIII вв. (по материалам могильников)//АЭМК. Вып. 5. Йошкар-Ола.

Шмидт А. В. 1928. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область//Сборник музея антропологии и этнографии. Т. VII. Л.

Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солицев Л. А. 1977. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период)//СА. № 1.

Штернберг Л. Я. 1936. Первоначальная релция в свете этнографии. Л. Языки народов СССР 1966 Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.

Я н и т с Л. Ю. 1956. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР//Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн.

Я н и т с Л. Ю. 1959. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллинн.

S a g r e l a n C. 1970. Ns. imitoitua tekstiilikeraamikkaa Suomesta. Finkst Museum Helsinki — Helsingfors.

C h a l i k o v A. H. 1986. Archäologische Denkmale vom Pyheensilta-Tup in Finnland und Ostlichen Analogien. Fennoscandia archaeologica, III. Helsinki.

C l a r k e D. L. 1968. Analytical archaeology. Methuen, Londres.

E b e r t M. 1925. Reallexikon der Vorgeschichte. Bd. III. Berlin.

G j e s s i n g G. 1942. Ungre stenalder i Nord — Norge. Instituttet for sammenlignende kulturforskning. Oslo.

H e i k e l A. O. 1888. Die Gebäude Cheremissen, Mordvinen, Esten und Finnen//JSFOU. IV.

H u u r e M. 1983. Pohjois — Ponjonmoon ja Lapin esihistoria. I. Kuusämo.

J a a n i t s L., L a u l S., L ö u g a s V., T ö n i s s o n E. 1982. Eesti esiajalugu. Tallinn.

J o r d e n s e n R., O l s e n B. 1987. Asbestikeramik i Nord — Norge. Finkst Museum. Helsinki — Helsingfors.

K i v i k o s k i E. 1944. Zur Herkunft der Karelrier und ihrer Kultur. Acta Archaeologica, XV. Kobenhavn.

K i v i k o s k i E. 1951. Die Eisenzeit Finnlands. Porvoo, Helsinki.

K i v i k o s k i E. 1967. Finland. New York, Washington.

K i v i k o s k i E. 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.

K i v i k o s k i E. 1980. Långångsbacken. Helsingberg.

M e i n a n d e r C. F. 1954. Die Bronzezeit in Finnland//SMYA. 54. Helsinki.

M e i n a n d e r C. F. 1985. Akozino, Achmylovo och mälaryhorna//FF. Vammala.

M o o r a H. 1952. Pirmatneja kopienas iekarta un agra feodala sabiedriba Latvijas PSR teritorija. Riga.

N i r v i R. E. 1961. Inkeröismurteiden asema//Kalevalaseuran Vuosikirja, 41. Porvoo, Helsinki.

N o r d m a n C. A. 1924. Karelska järnåldersstudier//SMYA. XXXIV.

N o r d m a n C. A. 1934. Guldarmbandet från Metsäpirtti//SMYA. XL.

Schwerin von Krosigk von Hildegard. 1989. Über die «klassischen» Malarbeite an Wolga und Oka in Mittelru land//Prachistorische Zeitschrift. 64. Band. Heft. 2.

S e l i r a n d J. 1974. Eestlaste määmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodili (11—13. sajand). Tallinn.

S e t ä l ä E. N. 1926. Suomensukuisten kansojen esihistoria//Suomen suku. I. Helsinki.

S i m o n s e n P. 1991. Varanger — Fannene II//Troms Museums. Serifter. Vol. VII. Herte II. Troms — Oslo — Bergen.

T a l l g r e n A. M. 1910. Suomen karjalan rautakaudesta//Karjalan. Kirja. I. Porvoo.

T a l l g r e n A. M. 1911. Die Kupfer — und Bronzezeit in Nord — und Ostrusland//SMYA. 25:1. Helsinki.

T a l l g r e n A. M. 1912. Die Bronzezeit vom sog. Ananino-Tupus//Finnougrischen Forschungen. XII. Helsingfors.

T a l l g r e n A. M. 1916. Collektion Zaoussailov an musee historique de Finlande a Helsingfors. Helsingfors.

T a l l g r e n A. M. 1919. Lepogue dite d'Ananino dans la Russie orientale//SMYA. 31.

T a l l g r e n A. M. 1922. Zur Archäologie Eestis. I. Dorpat.

T a l l g r e n A. M. 1928. Perman «jumalaisten» sukupuu//SM. XXXV.

T a l l g r e n A. M. 1931 a. Biarmia//ESA. VI.

T a l l g r e n A. M. 1931 b. Suomen muinaisuus//Suomen historia. Porvoo, Helsinki.

T a l l g r e n A. M. 1937. The Arctic Bronze Age in Europe//ESA. XI.

T a l l g r e n A. M. 1938. The prehistory of Ingria//ESA. XII.

Tönnisson E. 1974. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh.—Anfang 13. Jhs.). Ein Beitrag zur ostbaltischen in der Eisenzeit. Tallinn.

Uuno Salo. 1974. Lukijalle//Karhunhammas. I. Turku.

Vasmer M. 1935. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tschermassen//Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophische-historische Klasse. Berlin.

Wichman Y. 1931. Volksdichtung und Volksbräuche der Tschermassen//MSFOa. LIX. Helsinki.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ

- АО — Археологические открытия
АС — Археологический съезд
АЭМК — Археология, этнография марийского края
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГИМ — Государственный исторический музей
Ж МНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб
ИАК — Известия археологической комиссии
ИОЛЕАЭ — Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ИЭ — Институт этнографии
ЛОИКФУН — Ленинградское общество по изучению культуры финно-угорских народностей
МАР — Материалы по археологии России. СПб
МарНИИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете Министров Марийской ССР им. В. М. Васильева.
МАЭ — Марийская археологическая экспедиция
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПГУ — Пермский государственный университет
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
FF — Finska Fornminnesforeningen
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki.

СПИСОК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Абашевская культура — культура ираноязычного населения, пришедшего из Подонья и кратковременно расселившегося в середине II тысячелетия до н. э. в Среднем и Верхнем Поволжье на территории финно-угорских племен волосовской культуры. Часть абашевских племен ушла в Южное Приуралье. Культура впервые выделена В. Ф. Смолиным.

Азелинская культура объединяет памятники финно-пермских племен Прикамья и Волго-Вятского междуречья III—V вв. н. э. Выделена В. Ф. Генингом. Сформировалась на основе одной из групп чегандинского населения в Нижнем Прикамье. Под натиском именьковских племен они впоследствии ушли на р. Вятка.

Ананьинская культура — культура финно-пермского населения Приуралья от Прикамья и р. Белая на юге до Печорского Приполярья VII—III вв. до н. э. В VII—VI вв. до н. э. ананьинские племена проникли в районы Татарского и Марийского Поволжья и принимали участие в сложении культуры Ахмылово. С конца VI в. до н. э. элементы культуры Ананьино прослеживаются вплоть до Северо-западных районов России. На основе населения этой культуры и местных племен складывается позднекаргопольская культура. Название этой культуре дано по могильнику у с. Ананьино близ г. Елабуга Татарской республики.

Ахмыловская культура складывалась на основе смешения финно-пермских приказанско-ананьинских племен и финноязычного населения с текстильной (ниточно-рябчатой) керамикой. Название дано по могильнику Старшее Ахмылово близ г. Козьмодемьянск в Марийской республике. Территория этой культуры вначале охватывала районы Марийского, Татарского, Чувашского и Нижегородского Поволжья, а впоследствии благодаря родственному населению с ниточно-рябчатой керамикой ее границы на севере доходят до Вологодской области. Датируется данная культура X в. до н. э. — первыми веками нашей эры. Эта культура выделена автором.

Балановская культура — культура пришлого индоевропейского населения в Среднем Поволжье, относится к кругу боевых топоров. Элементы Балановской культуры на территории финно-угров прослеживаются с начала II тысячелетия до н. э. до IX в. до н. э. Элементы культуры балановцев в результате смешения с финно-угорскими волосовскими племенами сохранились в Чирковской культуре.

Ванвиздинская культура — культура предков коми-зырян V—VIII вв. н. э. в бассейнах рек Вычегда, частично Печора и Мезень.

Весь (или чудь) — финноязычное прибалтийское население VI—XIII вв. на Белом озере и Приладожье.

Водь — финноязычное население эпохи средневековья (XII—XIV вв.), обитавшее на Ижорском плато, междуречье рек Нарова и Плюсс, в верховьях р. Средеж.

Волго-камская (или камская) культура представляет население Приуралья эпохи неолита (V—III тыс. до н. э.) на р. Кама и в Поволжье. Племена этой культуры приняли участие в формировании волосовской культуры.

Волосовская культура (или волосовская историко-культурная область) — общность финно-язычных племен конца III—II тысячелетия до н. э. Основная территория — Среднее и Верхнее Поволжье. Черты волосовской культуры на западе прослеживаются до Прибалтики. Свое название культура получила по названию стоянки Волосово близ г. Муром Владимирской области.

Вымская (или коми-вычегодская, пермь вычегодская) культура характеризует финно-пермское население коми-зырян IX—XI вв. Названа по р. Вымь, правого притока р. Вычегда. Памятники этой культуры известны в бассейнах рек Вымь, Верхней Вычегды, Сысола, Вашка, Мезень. В данной культуре отмечены черты ванвиздинской культуры вепсов, а также волжских финнов: мери, мари, муромы, мордва.

Гаринско-борская (или гаринская) культура — финно-пермское население конца III—II тысячелетия до н. э. в Среднем и Нижнем Прикамье. По А. Х. Халикову, гаринско-борские племена расселились в северных районах Европейской России. Черты гаринско-борской культуры. С. Ф. Майнандер отмечает в восточной и средней Финляндии. Эту культуру выделил О. Н. Бодер.

Городецкая культура формировалась на базе финноязычных племен с ниточно-рябчатой керамикой и местного населения в правобережье Волги к югу от дьяковского населения. С распространением рогожной керамики она приобретает характерные для этой культуры черты. Названа по городищу у с. Городец в Рязанской области. Датирована VIII—VII вв. до н. э. — IV—V вв. н. э. Памятники городецкого облика впервые выделил В. А. Городцов.

Древнемарийская культура — культура финноязычного населения эпохи раннего средневековья Среднего Поволжья, нижнего и среднего течения р. Ветлуга, средней Вятки и нижней Суры. Основой этой культуры ряд исследователей считают позднегородецкие или городецко-дьяковские племена и эзелинское население. Автор считает возможным выводить эту культуру из Ахмыловской культуры при некотором участии эзелинских племен.

Древнемордовская культура — наиболее южная группа финноязычного населения Поволжья эпохи раннего средневековья (V—XI вв.), сформировалась на базе племен городецкой культуры, населения культуры рязанско-окских могильников. Впоследствии в ее состав, очевидно, частично вошли муромские племена.

Дьяковская культура, названная по городищу Дьяково в Подмосковье, датируется VII—VI вв. до н. э. — V—VI вв. н. э. Памятники этой культуры распространены на Верхней Волге, Средней Оке и Волго-Окском междуречье. Культура формировалась на базе финноязычных племен, однако впоследствии (приблизительно конец I тыс. до н. э. — VI вв. н. э.) в ней начинают преобладать балтские элементы. С конца VI в. благодаря активному процессу консолидации финноязычных племен на значительной территории культуры Дьяково вновь начинают преобладать элементы культуры финноязычных племен. Памятники типа Дьяково впервые выделены А. А. Сляциным.

Ижора — финноязычное население Прибалтики, археологически прослеживаемое с XI в.

Кардабызская культура III в. до н. э. — II в. н. э. представляет послепалеолитическое население среднего течения р. Белая. Названа по могильнику. Выделил А. Х. Пшеничнюк.

Корело-прибалтийско-финское население, расселившееся в эпоху средневековья к западу от Ладожского озера. Их культура формировалась на местной основе в I тыс. н. э.

Культура **рязанских** (рязанско-окских) могильников формировалась на базе городецкой культуры. Названа по восточнофинским могильникам в Рязанской области в бассейне Оки. Памятники как особую группу выделил В. А. Городцов. В данной культуре заметно влияние балтского населения. Памятники этой культуры датируются I—II — первой половиной VIII вв. н. э.

Культура **«текстильной»** (или ниточно-рябчатой, «сетчатой», псевдосетчатой) керамики — общность финноязычного населения с посудой, покрытой ниточными и рябчатыми отпечатками в результате применения особых технологических приемов изготовления сосудов. Для этой культуры характерны также металлические топоры (или меларские кельты). Территория включает обширные области от устья Камы в Среднем Поволжье до Финляндии, Швеции и Норвегии. Данную культуру выделил К. Ф. Майнандер. Посуда с ниточно-рябчатыми отпечатками бытовала в разных областях России с XIII—XII вв. до н. э. до III—IV вв. н. э.

Культура **ямочно-гребенчатой** керамики — финно-угорское население эпохи неолита (V—III тыс. до н. э.) в Волго-Окском бассейне. Она испытала влияние населения днепро-донецкой культуры. Племена этой культуры принимали участие в формировании культуры волосовской и культуры текстильной керамики.

Лебяжская культура — культура финно-пермских племен второй половины II (возможно также и начала I тыс.) до н. э. в северо-восточных районах Европейской России (бассейны рек Печора, Вычегда и Ижма), испытавшая влияние зауральских племен. На поздней стадии развития ее элементы прослежены восточнее и западнее от первоначальных районов обитания лебяжского населения.

Ливы — прибалтийское финноязычное население эпохи средневековья побережья Рижского залива, бассейнов рек Даугава и Гауя, северной части Курземского полуострова. Оно сформировалось на основе местных племен прибалтийских финнов в районах Курземе и в ходе смешения их с балтийскими племенами.

Ломоватовская (или харино-ломоватовская) культура V—IX вв. отражает смешение финно-пермских гляденовских и пришлых зауральских элементов культуры. Памятники распространены в Верхнем Прикамье. В IX в. эта культура перерастает в родановскую культуру.

Мазунинская культура III—VI (возможно, до IX) вв. н. э. сформировалась на основе части чегандинского населения в Среднем Прикамье и р. Вятка.

Мера — финноязычное население V—XI вв. верхнего Поволжья (Ярославская, Владимирская, Костромская, Ивановская области). По культурным особенностям выделены центральная группа в Волго-Клязьминском междуречье и северо-восточная группа в Костромской области. В XI—XII вв. финноязычное население мера исчезло в ходе русской колонизации.

Мещера — финноязычное население междуречья рек Клязьма, Москва, Средняя Ока IX—XIII вв., исчезнувшее в ходе русской колонизации.

Мурома — финноязычное население VI—XI вв. н. э. в нижнем течении р. Ока. Основой формирования муромы одни исследователи называют городецкую, другие — дяковскую культуры. По мнению автора, волжские финноязычные народы мера, мари, мурома произошли на единой основе культуры Ахмылово. С X в. н. э. мурома поселенно были ассимилированы в ходе русской колонизации.

Новоильинская культура — культура эпохи раннего металла (II тысячелетие до н. э.). Финно-пермское население этой культуры обитало в Прикамье и на р. Вятка. Культуру выделил Л. А. Наговицын.

Осинская культура — культура послепаньинского населения III в. до н. э. — II в. н. э. в среднем Прикамье у устья р. Тулва круга культур пьяноборского облика. На рубеже II—III вв. н. э. осинское население было вытеснено в районы верхнего и среднего течений р. Чепцы и составили основу помолской культуры.

Позднекаргопольская культура названа по району Каргополье, где впервые исследованы памятники подобного типа. Население формировалось на базе ананьинских племен при воздействии верхневолжских племен дякова типа, местных племен с ниточно-рябчатой керамикой, а также финнизированных местных племен протосаамов. Датирована VI—V вв. до н. э. — V—VI вв. н. э. Памятники этой культуры распространены в Каргополье, Белозерье и Карелии. Наиболее полную характеристику этой культуры дали М. Г. Косменко и И. М. Мазунян.

Поздняяковская культура — культура населения XV—X вв. до н. э. на обширной территории от Среднего Поволжья на востоке до бассейна р. Десна и северных районов Европейской России. Культура оформилась на основе смешения финно-угорского населения и пришлых ираноязычных племен срубной культуры. На рубеже II—I тыс. до н. э. поздняяковские племена окончательно растворились в среде финноязычного населения с текстильной (ниточно-рябчатой) керамикой.

Помолская культура формировалась на основе населения культуры Осино в верхнем и среднем течении р. Чепец в Приуралье. В ней отмечены черты азелинско-мазунинских и ломоватовских племен, а также влияние угро-самодийцев. Датировается V — первой половиной IX вв. Выделил В. Ф. Генинг.

Приказанская культура — культура финно-пермского населения XVI—VIII вв. до н. э. в Прикамье и частично Среднем Поволжье. Названа по территориям распространения первых исследованных памятников вблизи г. Казань в Татарском Поволжье. Выделена Н. Ф. Калининым и А. Х. Халиковым.

Пьяноборская культура представляет послепаньинское население III в. до н. э. — II в. н. э. в Прикамье и в устье р. Белая. По В. Ф. Генингу, она объединяет этническую общность финно-пермских племен, внутри которой выделяются культуры Чегандинская (в устье р. Белая), Каразбызская (в среднем течении р. Белая), Осинская (в среднем Прикамье у устья р. Тулва), Гляденовская (в верхнем Прикамье). Названия всем даны по хорошо изученным памятникам.

Родановская культура представляет коми-пермяцкое население эпохи раннего средневековья IX—XV вв. Памятники этой культуры распространены в верховьях р. Кама и ее притоках Вишера, Иньва, Обва. Исследователями отмечена генетическая связь родановской и домоватовской культур.

Сейминско-турбинская культура — культура зауральских племен металлургов, расселившихся на территории финно-угров, возможно в XVI—XV вв. до н. э. (существуют разные датировки их древностей). Металлические предметы этого населения распространены от Урала до Финляндии. Названа по могильникам Сейма в Нижегородской области и Турбино в Пермской области.

Срубная культура — культура ираноязычных племен степных и частично лесостепных районов Европейской России. Названа по обычаю хоронить покойников в деревянных срубках, хотя преобладают захоронения в ямах без срубов. Население срубной культуры во второй половине II — начале I тыс. до н. э. при движении в северные районы в значительной мере смешалось с финно-угорскими племенами.

Фатьяновская культура относится к кругу культур боевых топоров (или культур шнуровой керамики). На территории расселения финноязычных народов фатьяновское индоевропейское население обитало в первой половине II тысячелетия до н. э. Культура названа по могильнику у д. Фатьяново в Ярославской области.

Чегандинская культура III в. до н. э. — II в. н. э. названа по могильнику и городищу в Среднем Прикамье в устье р. Белая. Относится к кругу культур пьяноборского облика. Выделил В. Ф. Генинг. Значительная часть чегандинских племен на рубеже II—III вв. н. э. передвинулась на р. Вятка и приняла участие в формировании Мазунинской культуры. Другая группа чегандинских племен прошла по Каме до Волги и на ее базе сформировалась азелинская культура.

Чепецкая культура представляет древнеудмуртское население второй половины IX—XV вв. — сформировалась на основе помолской культуры.

Чирковская (или чирковско-сейминская) культура сложилась в результате смешения волосовского финноязычного населения с пришлыми индоевропейскими балановскими племенами. Время существования чирковского населения — XVI—VIII вв. до н. э. Чирковское население со временем расселилось из Среднего Поволжья на востоке до р. Белая, на западе до районов Верхнего Поволжья. Названа по стоянке Чирки в Марийской республике А. Х. Халиковым.

Чудь заволочская — финноязычное население к востоку от озер Белое и Кубенское, близкое по происхождению к культуре вельс.

Юртиковская культура — культура финно-пермских племен II тыс. до н. э. в бассейне р. Вятки. Выделил Л. А. Наговицын.

Содержание

Введение	
Глава 1. Современные финно-угры Европейской России	5
Глава 2. Финно-угры России в эпоху раннего металла	11
Глава 3. Финно-угры России в эпоху финальной бронзы	24
Глава 4. Финно-угры Приуралья в начале эпохи раннего железа (ананьинская культура)	41
Глава 5. Финноязычное население России в начале эпохи раннего железа. Поселения с ниточно-рябчатой керамикой	53
Глава 6. Могильники ахмыловской культуры. Вещевые комплексы. Истоки родства волжских финнов	66
Глава 7. Погребальный обряд волжских финнов в начале эпохи раннего железа (на примере Старшего Ахмыловского могильника)	89
Глава 8. Финно-угры западных и северо-западных регионов России в эпоху раннего железа	103
Глава 9. Хозяйство, общество, культурные связи и искусство финно-угорских племен России эпохи раннего железа	115
Глава 10. Финно-пермские племена Приуралья в льяноборско-азелинское время	126
Глава 11. Волжские финны в эпоху средневековья (мордва, мари, меря, мурома, мещера)	138
Глава 12. Финно-пермские народы Приуралья в эпоху средневековья (удмурты, коми)	161
Глава 13. Прибалтийские финны в эпоху средневековья	172
Глава 14. Роль финно-угров в истории России	178
Список иллюстраций	191
Краткий список основной литературы	197
Список сокращений	209
Приложение 1. Список археологических культур	210

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

*Валерий Степанович
Патрушев*

**ФИННО-УГРЫ
РОССИИ**

(II тыс. до н. э.—
начало II тыс. н. э.)

Редактор
Ф. О. ЛЮБОВСКИЙ

Художественный редактор
И. А. ШЕХУРДИНА

Технический редактор
Р. О. ЗАЙНИЕВА

Корректор
Л. К. КОЛЬЦОВА

ИБ № 2088

Слапо в набор 02.07.92. Подписано к печати 07.12.92. Формат 60×90/16. Бумага газетная. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,5. Усл. кр.-отт. 13,69. Учетно-изд. л. 15,63. Тираж 2000.
Заказ 482. Изд. 46 «С» 88
Марийское книжное издательство, 424000, г. Йошкар-Ола, ул. Палантая, 114. Республиканское полиграфическо-редакционное объединение Министерства печати и информации Республики Марий Эл, 424700, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112.

ВАЛЕРИЙ ПАТРУШЕВ

ФИННО-УГРЫ
РОССИИ